

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2020 Том 7 № 3

DOI 10.22363/2312-8313-2020-7-3

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ

В.Г. Иванов,

доктор политических наук,
доцент кафедры
сравнительной политологии
РУДН, член Международной
ассоциации политической
науки

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА**

Е.В. Масленникова,

кандидат социологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
государственного и
муниципального управления
РУДН

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
СЕРИИ**

В.А. Осипов,

кандидат политических наук,
ассистент кафедры государственного
и муниципального управления
РУДН, член Российской
ассоциации политической науки

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Велиева Д.С. – доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт управления РАНХиГС, Саратов, Россия

Вертинский И. – доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада

Войташик К.А. – доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Вольманн Х. – PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта, Берлин, Германия

Ворончук И. – доктор экономических наук, профессор, глава Департамента публичного администрирования Факультета экономики и менеджмента Латвийского университета, Рига, Латвия

Кочегура А.П. – доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), Москва, Россия

Марголин А.М. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС, Москва, Россия

Прокофьев С.Е. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ропрет М. – PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны, Любляна, Словения

Сорокин Д.Е. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, первый заместитель директора Института экономики РАН, Москва, Россия

Стрелковский В. – PhD, профессор, управляющий директор Пражского института повышения квалификации, Прага, Чехия. Почетный профессор Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Хоппе Р. – PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления, Энсхеде, Нидерланды

Шедлер К. – PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена, Санкт-Галлен, Швейцария

Шульц Д. – PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин, Сент-Пол, США

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 выпуска в год

Языки: русский, английский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, EBSCOhost.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов», серия «Государственное и муниципальное управление» – специализированное научное издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основными рубриками журнала являются: «Государственное управление: теория и практика», «Зарубежный опыт управления», «Становление и развитие местного самоуправления в России», «Культура управленческой деятельности», «Антология государственного управления» и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов и практиков, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru.

**Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова
Адрес редакции:**

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 17.08.2020. Выход в свет 28.08.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 10,075. Тираж 500 экз. Заказ № 632. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2020 Volume 7 Issue 3

DOI 10.22363/2312-8313-2020-7-3

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

V.G. Ivanov,

Dr.Sci. (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation), member of The International Political Science Association: Montreal, Quebec, CA – Chief Editor

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

E.V. Maslennikova,

PhD in Sociology, associate professor, Head of the Public Administration Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) – Deputy Editor

EXECUTIVE SECRETARY

V.A. Osipov,

PhD in Political Science, Assistant of the Department of Public Administration, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation). Member of The Russian Political Science Association – Executive Secretary

EDITORIAL BOARD

Barabashev A.G. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics

Velieva D.S. – Doctor of Law, professor, Povolzhsky Institute of Management RANEPa, Saratov

Vertinsky I. – PhD, Professor, Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Wollmann H. – PhD, Professor of Public Administration and Public Policy of the Berlin Humboldt University, Germany

Wojtaszczyk K.A. – Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Voronchuk I. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University, Latvia

Kotchegura A.P. – Dr.Sci. (Philosophy) (PhD), a member of the European Association of Professionals in Public Administration (EGPA)

Margolin A.M. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Prokofiev S.E. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of State Public Administration Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Deputy Head of the Federal Treasury of the Russian Federation

Ropret M. – PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana, Slovenia

Sorokin D.E. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Macroeconomics and Macroeconomic Regulation of the Financial University under the Government of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Economics

Strielkowski W. – PhD, Professor. Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement. Professor, Assistant Director of Prague Business School Centre for Energy Studies. Prague. Czech. Emeritus professor of Ural State University of Economics.

Hoppe R. – PhD, Professor of Politics and Knowledge of the School of Management and Governance, Department of Science, Technology and Police Studies of University of Twente, Netherlands

Schedler K. – PhD, Professor, Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen, Switzerland

Schultz D. – PhD, Professor of Political Science, University of Hamlin (USA), Editor in Chief of Public Affairs Education (JPAE)

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, EBSCOhost.

Aim and Scope

“RUDN Journal of Public Administration” is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: “Current Problems of Public Administration”, “Theory and Practice of Public Administration”, “International Experience of Public Administration”, “Formation and Development of Local Government”, “Academic Life” and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

“Peoples' Friendship University of Russia” (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ

- Gardachew B.D.** The African Peace and Security Architecture as a Tool for the Maintenance of Peace and Security. Part 1 (**Гардашью Б.Д.** Африканская архитектура мира и безопасности как инструмент их поддержания. Часть 1) 179
- Иванова М.Г.** Образ власти в контексте теории архетипов 195
- Ханалиев Н.У.** Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центрально-Азиатский регион 205

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ

- Станис Д.В., Курылев К.П.** Крупный бизнес в высших эшелонах власти США. На примере Д. Трампа 226
- Syuroh M.** The Effect of Human Resources Capacity, Budget Planning, Political Budgeting, and Public Transparency on the of APBD Documents and KUA-PPAS's Synchronization in Musi Banyuasin District Government (**Сюро М.** Влияние кадрового потенциала, бюджетного планирования, политического бюджетирования и прозрачности для общественности на документы APBD и синхронизацию KUA-PPAS в правительстве района Муси Банюасин, Индонезия) 239
- Okolie U.C., Igbini M.D.** Leadership Failure and Acute Youth Unemployment in Nigeria (**Околе У.Ч., Игбини М.Д.** Провал руководства и проблема безработицы среди молодежи в Нигерии) 254
- Nisar R.D.** Impact of UNDP's Initiated Projects on Socio-Economic Development of Women: A Study of Rural Punjab, Pakistan (**Нисар Р.Д.** Влияние инициированных ПРООН проектов на социально-экономическое развитие женщин: исследование сельских районов Пенджаба, Пакистан) 272
- Эсмаили С.** Связь между присутствием женщин в Парламенте и высшим образованием в Иране 285

CONTENTS

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Gardachew B.D. The African Peace and Security Architecture as a Tool for the Maintenance of Peace and Security. Part 1	179
Ivanova M.G. Image of Power in the Context of Archetype Theory	195
Khanaliyev N.U. Integration of Foreign Actors in the Central Asian Region: Influence on the National Security of Russia	205

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Stanis D.V., Kurylev K.P. Large Business in Higher Levels of US Authority. Example of D. Trump	226
Syuroh M. The Effect of Human Resources Capacity, Budget Planning, Political Budgeting, and Public Transparency on the of APBD Documents and KUA-PPAS's Synchronization in Musi Banyuasin District Government	239
Okolie U.C., Igbini M.D. Leadership Failure and Acute Youth Unemployment in Nigeria	254
Nisar R.D. Impact of UNDP's Initiated Projects on Socio-Economic Development of Women: A Study of Rural Punjab, Pakistan	272
Esmaeili S. Relationship between Women's Presence in Parliament and Higher Education in Iran	285

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION**

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-179-194

Research article

**The African Peace and Security Architecture
as a Tool for the Maintenance of Peace and Security.
Part 1**

B.D. Gardachew

Bahir Dar University
79, Bahir Dar, Amhara, Ethiopia

Abstract. This study critically explores the extent to which the African Peace and Security Architecture (APSA) (such as the African Standby Force (ASF), the Continental Early Warning System (CEWS), Panel of the Wise (PoW) and the Peace Fund (PF)) have been successful in achieving their institutional objectives, as well as the degree to which they are able to contribute to the work of the African Union Peace and Security Council (AU PSC). The AU PSC as a key pillar of the APSA is the main decision-making body regarding issues of peace and security. In order to achieve its responsibility, the AU PSC shall be supported by the African Standby Force, the Continental Early Warning System, Panel of the Wise and the Peace Fund. APSA is the umbrella term for the key African Union (AU) mechanisms for promoting peace, security and stability in the African continent. More specifically, it is an operational structure for the effective implementation of the decisions taken in the areas of conflict prevention, peace-making, peace support operations and intervention, as well as peace-building and post-conflict reconstruction. APSA is envisioned as a means by which Africa can take a greater role in managing peace and security on the continent, with the objective of offering “African solutions to African problems”.

Keywords: African Standby Force, Continental Early Warning System, Panel of the Wise and the Peace Fund

Introduction

This study relies on the synthesis of the rich body of literature and more importantly based on personal interview with those relevant officials and experts pertinent to the issue under investigation. The study helps to understand whether the African security architecture is any closer to realize the mantra of “African

© Gardachew B.D., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

solutions to African problems” or not. The first section of this chapter explores the operational capability of the African Standby Force and critically examines whether this Standby Force is any closer to be deployed in its originally designed form or not. The section highlighted that deployment politics, lack of predictable funding and other related factors are the main variables that matter a lot for the future deployment of ASF.

The second section of the study examines the status of Continental Early Warning System and the decision-makers (PSC) and identified that early response to early warning signals is very weak. It is underscored that the early response mechanisms continue to be constrained by low capacity and a debilitating lack of political will. The third section of the study discusses the common confusion and misapprehension about the mandate and responsibility of the Panel. More importantly, the section closely explores whether the Panel of the Wise can make a difference in the African peace and security architecture or not. The section noted that the success of the Panel depends on when issues around its mandate, membership, and institutional design are carefully addressed. The last section of the study examines the capacity of the Peace Fund and highlighted that it is doubtful for the Peace Fund at least in the short term to reliably and predictably fund peace and security activities in Africa.

African Standby Force: The Long-awaited Tool for the Maintenance of Peace and Security

In line with the Protocol relating to the establishment of the AU PSC and in order to enable the Peace and Security Council perform its responsibilities with respect to the deployment of peace support operations and intervention pursuant to article 4 (h) and (j) of the Constitutive Act, an African Standby Force was established. The Force is to be composed of standby multidisciplinary contingents, with civilian and military components in their countries of origin and ready for rapid deployment at appropriate notice. For that purpose, the Member States under the provisions has to take steps to establish standby contingents for participation in peace support missions decided on by the Peace and Security Council or intervention authorized by the General Assembly. The strength and types of such contingents, their degree of readiness and general location would be determined in accordance with established African Union Peace Support Standard Operating Procedures (SOPs), which are to be subject to periodic reviews depending on prevailing crisis and conflict situations (PSC Protocol, Art. 3 (1 and 2)) [1].

This standby force is intended to enable the AU to respond to a wide range of contingencies from observation and monitoring missions, to preventive deployments, humanitarian assistance missions, peace building operations, and intervention in a member state in grave circumstances (PSC Protocol, Art. 13 (3)) [1]. The ASF is not a monolithic African army but a set of sub-regional standby arrangements that are established through member states’ pledges and along with the Regional Economic Communities (RECs) and Regional Mechanisms (RMs). The ASF has five regional standby forces: the East African Standby Force (EASF);

the Economic Community of West African States (ECOWAS) Standby Force (ESF); the Economic Community of Central African States (ECCAS) Standby Force; the North African Regional Capability (NARC) Standby Force; and the Southern African Development Community (SADC) Standby Force (SSF) [2. P. 14].

Each state in the sub-region should establish a contingent of the ASF and all standby forces in the sub-regions can be used for operations across sub-regions as it is suggested that if member states of that sub-regions lack such capacity “encouragement be given to potential lead nations to form coalition of the willing as a stop-gap arrangement pending the establishment of regional standby forces arrangement”. Each sub-region is also expected to establish as an entry point standby force at brigade level with 5000 troops per sub-region making the overall number of the ASF troops about 25,000. In quick response to war crimes, genocide and crimes against humanity it is suggested that potential lead nations should be identified “with standing deployable Headquarters capacity of greater than brigade level, and with forces that are capable of seizing points of entry, ideally using airborne or airmobile assets” [3. P. 17].

Initially the ASF was planned to be ready for peace support operations after two phases (phase 1 from its establishment to 30 June 2005 and phase 2 from 1 July 2005 to 30 June 2010). However, inability to make ASF fully operational as it planned to be by 2010 justifies its third phase to be extended till 2015 [4. P. 452]. Fourteen years after the Protocol Relating to the Establishment of the Peace and Security Council provided for the establishment of an African Standby Force (ASF), the ASF was declared to have attained full operational readiness on January 15, 2016 (AU, para. 4 (a): 2) [5]. This declaration has been re-affirmed on (4 June 2016) by the 9th Ordinary Meeting of the Specialized Technical Committee on Defense, Safety and Security, which was organized to assess the operational capability of the ASF (AU, para 4 (c): 1) [5]. Originally the regional standby forces were intended to deploy outside their respective regions, however, the contemporary thinking appears to be the exact opposite: there is a high possibility that regional standby forces would be deployed exclusively within the jurisdiction of their respective RECs [6. P. 16].

This section is mainly devoted to investigating whether the ASF has attained full operational capability or not. It is important to note that for long AU has underlined that the decision of the PSC and the desire to implement the mantra of “African solutions to African problems” would not be a reality without this force as this organ is believed to be one of those basic pillars of African Peace and Security Architecture (APSA). It is good to remind that the African Standby Force is a central organ which is expected to assist the PSC in matters relating to conflict management. The Peace and Security Council (PSC) is the AU’s main decision-making body with regard to issues of peace and security. Hence, it is paramount to critically investigate the extent to which the African Standby Force has been successful in achieving its strategic objectives, as well as the degree to which it is able to contribute to the work of the PSC.

Since 2003, significant efforts have been made towards the attainment of the operational capability of African Standby Force [7. P. 93]. According to a senior

official working in AU Commission (M) it is an important achievement for the continent that African leaders have improved the capacity of the ASF through relevant trainings¹. The official noted that to evaluate the operational readiness of the ASF continental exercise was conducted for example in Addis Ababa, Ethiopia and Lohatla, South Africa. The first (AMANI AFRICA I) continental exercise to evaluate the operational readiness of the ASF was conducted in Addis Ababa, Ethiopia in October 2010 and the second (AMANI AFRICA II) field training exercise was launched in Lohatla, South Africa in October 2015. ‘AMANI’ AFRICA as is a Kiswahili name to mean Peace in Africa. It is believed that this field training would play a significant role in evaluating the readiness of the ASF.

De Coning [8. P. 122] noted that while considerable progress has been achieved since the ASF Framework was first approved in 2003; the operationalization of the ASF has been slower than anticipated. Even after it was declared operationally ready in 2016, the African Standby Force (ASF) has not been deployed in its originally designed form [9. P. 472]. This is despite the AU’s extensive experience with peace support operations in countries like Sudan, Somalia, Burundi, Mali and many more cases. The rationale behind why the ASF was not deployed in peace support operations is not the lack of opportunities. There have been a lot of chances and cases on the continent where the ASF could have been deployed to restore peace and security at least as there are ongoing peace operations where Sudan (Darfur) and Somalia are the glaring examples.

For Ani [10. P. 1] the fact that the ASF has not been deployed in its originally designed form and current capacity, however the AU is continuing its efforts to see the force deployed in crisis situations, and some progress has been seen recently in getting the ASF ready. For example, some representatives from defense and police forces of member states have took a field training exercise in south Africa (from 18 October – 5 November 2015) aimed at testing the operational readiness of the ASF and its Rapid Deployment Capability. The field exercise is part of a process and not an end in itself. The AU has carried out command-post training and exercises to boost the military, police and civilian components of the multi-dimensional ASF. Furthermore, the inauguration of the first ASF continental logistics base in Cameroon (on 5 January 2018) was also a significant progress. The base is set to boost the AU’s capacity to provide logistical support to peace support operations.

However, there are some scholars that fear and doubt that ASF may never be deployed on the continent in support of peace operations as desired in its originally designed form and current capacity. The argument of these scholars is based on the claim that the current structure and processes provided by the ASF can be rather utilized in varied forms to address the peace and security challenges on the continent. For them the previous Africa-led peace support operations and practical lessons from AU’s deployments in countries such as Sudan (Darfur), Somalia, Burundi and among others show that despite the rhetoric of collective security, member states are much more inclined to invest resources in the maintenance of peace and security in their own regions [4. P. 453], de Coning [8. P. 125] and

¹ Personal interview, 05 March 2020, in Addis Ababa, Ethiopia.

Darkwa [9. P. 478]. According to an expert in ISS (K) the political will of AU member states is very paramount for the deployment of the ASF².

Despite the good track record of AU's peace support operations on the continent some observers continue to claim that the ASF did not take root because its standing readiness model has not yet been utilized as envisaged in the original policy framework, i.e. the ASF has not yet deployed one of its regional rapid deployment battle groups or its standby brigades. However, this is not to mean that the AU has not led or coordinated several peace operations. Here the main concern is that the emerging pattern of African-led peace operations is all about that AU's previous deployments have not been framed in terms of or deployed as ASF operations. In other words, there have been parallel approaches in terms of the ambition to achieve FOC of the ASF and the establishment, management and liquidation of African peace operations. Yet, there has not been any structured or institutionalized pattern of relationship between the ASF and recent/current African-led peace operations [7. P. 97].

Is the African Standby Force any closer to Peace Support Operations?

In view of the fact that the AU special technical committee on defense, safety and security has already declared the full operational readiness of the ASF, this section critically investigates whether the AFS is any closer to being deployed and hence ready to realize the “African solutions to African problems” objective or not. In the earlier discussion it is briefly highlighted that the ASF has not been deployed in its originally designed form, hence one may raise reasonable questions such as what has the ASF been hindered by? Or is it because the ASF had no opportunities as there were no cases on the continent that require its deployment? According to Darkwa [9. P. 476] this is not for the lack of opportunities or absence of cases (countries) that require the intervention of ASF but rather a demonstration of the power of the Regional Economic Communities/Regional Mechanisms (RECs/RMs): Africa's sub-regional security structures: over matters of peace and security. Experience gathered from its short existence suggests that the ASF may never be deployed in its originally designed and current form. It may instead evolve into a robust framework, adaptable mainly by the RECs/RMs, for addressing varied security challenges.

Despite the general effort to establish the ASF has contributed significantly to the capacity of the AU and RECs/RMs, however, the standing readiness dimension of the ASF concept that is, the idea of specific pre-identified military being prepared and verified so that it can be deployed rapidly when called upon to do so has not been used, and is unlikely to be used, as assumed in the design of the ASF. As noted by De Coning, when the contributing countries plan to engage in a particular peace support operation the lack of political will and consensus between the states will be a critical hindrance to the deployment of the ASF and all other such standby arrangements. For De Coning, agreeing to participate in a standby

---

² Personal interview, 25 February 2020, in Addis Ababa, Ethiopia.

arrangement is one thing, but agreeing to participate in a specific peace support operation is a separate decision altogether [8. P. 127, 128].

In chapter six it has been underlined that one of the main hindrances to peace support operations in Africa in general and in the selected case studies in particular has to do with deployment politics i.e. lack of political consensus among AU member states over intervention. On the other hand, one of the requirements for successful peace support operations is the degree of political support and consensus that it receives or commands from the mandating authority and AU member states. Scholars fear that the ASF may not be deployed in its originally designed form, hence, hindered by deployment politics and other critical issues (see for example, Beza [4. P. 453], Wambua [11. P. 36], Albuquerque [6. P. 18], De Coning [8. P. 127] and Darkwa [9. P. 472]).

Taking lesson from the previous peace support operations that were conducted in different parts of the world, Koops and Varwick [12. P. 23] are pessimistic about the likely deployment of any multi-national brigade especially in its full and originally designed capacity. A senior political analyst at AU (L) underscored that the long-awaited African dream to implement African solutions to African security challenges would be far from reality if AU member states fail to deploy the ASF in its originally designed form³.

De Coning [8. P. 127] also shares the view of Koops and Varwick and claims that there are no international examples where the preformed standby brigade concept has been used successfully to date. For De Coning standby arrangements such as the UN Standby High-Readiness Brigade (SHIRBRIG) initiative⁴, the EU Battle Group concept⁵ and the ASF share these same vulnerabilities. De Coning underlines that the SHIRBRIG initiative has already been abandoned, and it is unlikely that the EU Battle Group and the ASF's standing readiness capacity will be used as envisaged. De Coning's basic assumption is that each crisis is unique, and it is unlikely that a generic standby capacity can sufficiently match the needs, in terms of both the political coalition and the operational capabilities, posed by the specific challenge.

For Darkwa [9. P. 472] despite the clearly articulated structure, including the mandating process of the ASF in relevant documents, the political consensus from member states of AU in general and Regional Economic Communities/Mechanisms (RECs/RMs) in particular is absolutely critical for the deployment of the ASF. Regarding the significance of political consensus, Albuquerque [6. P. 18] emphasizes that since regional standby brigades that comprise the ASF are provided and maintained by RECs and RMs, political support from these brigades is very

³ Personal interview, 06 March 2020, in Addis Ababa, Ethiopia.

⁴ SHIRBRIG initiative is a multi-national brigade dedicated to rapid deployment for UN Peace Operations under Chapter VI or, also more recently, Chapter VII of the UN Charter. In 1996, seven nations, including Austria, Canada, Denmark, the Netherlands, Norway, Poland and Sweden, founded SHIRBRIG in response to the peacekeeping disasters in Somalia, Bosnia and Rwanda and as a result of a Danish-led initiative launched in 1994–1995 [12. P. 6].

⁵ An EU Battle group (EUBG) is a combined arms battalion-size force package with accompanying combat support and logistics units ready for rapid deployment to almost anywhere around the world. The Battle groups were designed specifically, but not exclusively, to be used in response to a request from the United Nations to undertake rapid intervention in a hostile environment.

crucial for the deployment of ASF. In the view of Albuquerque, lessons learned reveal that it remains highly unlikely that a regional standby brigade would be deployed by the AU if the REC in question opposes the mission. In other words, on a practical level, deployment of individual ASF brigades would most likely require political consensus between the AU and the RECs/RMs.

According to De Coning [8. P. 127] experiences show that the coming together of states that have political consensus (political interest) is determinant for the deployment of multinational brigades and for the effectiveness of a particular peace support operations, or states that have an interest in being part of that particular mission. For De Coning, countries with varied political position in a given crisis is unlikely to agree to its capabilities being deployed in a high-intensity and high-risk operation, just because they agreed to be part of a regional standby arrangement. In his view, this goes a long way to explaining why the ASF has not yet been utilized in the way envisaged.

There is also another closely related difficult scenario that may hinder the likely deployment of ASF in the way it was planned and envisaged. The regional standby brigades are not in fact comprised of stand-by forces, but of troops pledged by member states from their own national armies and which may be engaged elsewhere at any given time. Consequently, pledged troops may not necessarily be available whenever the need arises. This dilemma could be illustrated by the following example. Nigeria is one of the major troops contributing countries to the ECOWAS Standby Force. Given the majority of the Nigerian military is currently engaged in fighting Boko Haram, it is unlikely that Nigeria would be able, or indeed willing, to divert troops to an ECOWAS/ASF mission. Hence, this case in point is an indication that despite troop pledges, ASF troop availability ultimately remains dependent on the national security situation of individual member states and on the political will to divert troops to a particular ASF peace support mission [6. P. 18].

In addition to the above hurdles, as repeatedly highlighted in the previous chapters there is also a clear and obvious concern that in the absence of predictable funding, the AU will not be able to deploy the ASF. If the AU member states are unable to shoulder the financial responsibilities of peace support operations, how will they ever deploy the ambitious ASF within the prescribed timelines? As well stated by Darkwa [9. P. 479] the fact that the ASF enjoys widespread legitimacy but lacks the requisite resources to deploy its multinational brigades in the way envisaged. What we can thus conclude from the foregoing discussion is that the general effort to establish the ASF has contributed significantly to the capacity of the AU and RECs/RMs, however, still the ASF's potential as a tool for the maintenance of peace and security on the continent depends on various interrelated issues. These include political consensus between AU member states and RECs/RMs and predictable sources of financing.

The Continental Early Warning System (CEWS): From Conceptual to Operational?

As indicated in the previous sections the Peace and Security Council (PSC) is the AU's main decision-making body with regard to issues of peace and security. One

of the main institutions devoted to assisting the PSC in matters relating to conflict prevention: a theme identified as the main strategic priority in the AU's APSA Roadmap 2016–2020 document is the Continental Early Warning System (CEWS). The following section critically investigates the extent to which the Continental Early Warning System has been successful in achieving its strategic objectives, as well as the degree to which it is able to contribute to the work of the PSC.

The CEWS is established as one of the key supporting structure of the AUPSC within Article 12 of the PSC Protocol. The Chair of the Commission of the AU is supposed to use information gathered by the system to advise the PSC on potential conflicts and threats to peace and security in Africa and to recommend the best course of action. The system collects data from a variety of open and privileged sources, including independent media, the AU's Liaison Offices and Field Missions located in crisis countries, and, to an increasing degree, from the sub-regional organizations. The CEWS is also expected to collaborate with the United Nations and its agencies along with other relevant institutions, such as international organizations, research centers, academic bodies, and NGOs in order to gather information. This information would be sent to the Chairperson of the Commission, who uses the data to advise the PSC about potential conflicts and threats to peace and security in the continent. Based on the early warning module's indicators, this information is used by the Chairperson of the Commission, alongside with the PSC, to determine the best course of action (PSC Protocol, Art. 12) [1].

It is important to note that Early Warning System is not limited to continental level; there are also Early Warning Systems that are established at regional levels. The Continental Early Warning system (CEWS) at Union level, regional early warning systems of the Intergovernmental Authority for Development (IGAD: CEWARN), the Economic Community of West African States (ECOWAS: ECOWARN), the East African Community (EAC: EACWARN), the Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA: COMWARN), the Economic Community of Central African States (ECCAS: MARAC). The Southern African Development Community (SADC) early warning system is intelligence based. This indicates that the early warning systems have been established to provide decision makers at continental level (PSC, the Chairperson, Commissioner and Director of Peace and Security) and at regional level with timely information, analysis and response options [13. P. 15].

The Continental Early Warning System in Action: Fair Progress but Gaps Remain

Though the fact that there are criticisms from scholars, the Continental Early Warning System (CEWS) at the African Union (AU) and Early Warning Systems at the regional level have recently made significant progress in their capacity to monitor, analyze, and provide warning of impending conflict situations in Africa (Franke and Gänzle [14. P. 3], Williams [15. P. 9], AU Commission [13. P. 15], Berhe and de Waal [16. P. 17], Odote [17. P. 151], de Albuquerque [6. P. 13]. The CEWS and RECs have made considerable progress in terms of putting the

necessary infrastructure, methodology and systems in place. Williams [15. P. 9] observes that with assistance from the UN's situation center in New York and external donors, the essential ingredients of the CEWS are falling into place.

The above observation is re-affirmed by the 2015 APSA impact report that the CEWS is technically functional. The situation room has software programmes granting access to a range of sources of information at its disposal. The report stated that the system provides the following products: regular distribution of information such as daily news highlights i.e. twice daily news clipping service; daily reports i.e. five days a week, weekly wrap-up i.e. one day a week and SMS alert service. Moreover, the system is also providing analysis of and recommendations on countries and their current conflict situations such as flash reports: short information on concrete conflict situations, SMS alerts on current conflicts: need-dependent, only for AUC, PSC and PoW, situation update reports: conflict analysis including policy recommendations (classified due to their political sensitivity), early warning reports: timely information on potential crises/ violent conflicts (part of the situation updates) [13. P. 18–19].

As noted by Williams [15. P. 9] due to the significant support from external actors now the AU's situation room is providing continent-wide coverage of conflict dynamics as well as producing a range of reporting mechanisms, including daily news summaries and more substantial updates on emerging issues. CEWS continuously monitors and gathers information through its Situation Room, producing various reports, including early warning reports, situation updates, flash reports and weekly updates. The CEWS is making efforts to enhance coordination with AUC Peace and Security Department (AU PSD) Divisions and programmes [13. P. 15]. Berhe and de Waal [16. P. 17] share the report of the AU Commission and note that the AU PSD has conflict analyst staffs that routinely produce analysis of impending and actual conflicts. Compared to the previous times, now they have a good record of strong analysis. An expert at AU CEWS (J) stresses that the several and relevant early warning signals has been provided for the decision-making organs (AU PSC). The expert noted that it is the responsibility of the decision-making body to respond to these early warning signals⁶.

There are promising reports from the AU Commission that CEWS and the RECs/RMs are in constant communication through other means, including the CEWS online portal. The report indicated that progress has also been made in the RECs/RMs-to-RECs/RMs cooperation, particularly between CEWARN, EACWARN and COMWARN. It is also encouraging that the EWS of the Union and the RECs/RMs have developed methodological systems of monitoring to help establish a baseline for conflict analysis. The level of harmonization and coordination between the AU and RECs/RMs has made good progress and expected to be maintained and strengthened. As the regional early warning systems are also helpful the individual EWS of most RECs/RMs have made major advances [13. P. 15].

Despite the significant progress of CEWS outlined above, the study revealed the following persisting gaps and hurdles. There is uneven development of regional

---

⁶ Personal interview, 06 March 2020, in Addis Ababa, Ethiopia.

early warning systems: some of them are progressing well while some others are lagging behind, thus limiting the system's ability to obtain information related to key conflict variables across the continent [18. P. 12], Wondemagegnehu [19. P. 45], Williams [15. P. 9], Brett [20. P. 10], AU Commission [13. P. 16], Aniche and Egbuchulam [21. P. 11], de Albuquerque [6. P. 13], Arthur [20. P. 13] and Engel [21. P. 122]. The scholars underlined that the various RECs are at different levels of progress in terms of implementing their early warning and conflict analysis mechanisms.

For the above scholars such unequal progress is a great concern as the regional early warning systems are considered as the building block mechanisms for the overall continental effort of AU. If all RECs with early warning systems are not connected with CEWS through real time data links, the CEWS analysts are expected to apply extra resources to collect and analyze data so that decision-makers are adequately informed. This indicates that due to the slow and uneven development of some regional early warning systems, their offices are not delivering reports of sufficient quality and timeliness. As noted earlier the regional early warning systems are expected to be an important source of data for CEWS. In other words, their slow progress would be a constraint for AU's conflict prevention and early response.

The other and perhaps more importantly, there is a disconnect between early warning and early response. Bridging the gap between early warning and early response remains a major challenge. Affa'a-Mindzie [24. P. 7] noted that moving from early warning to a response that concretely prevents conflict that is, making a situation on the ground inspire action is particularly difficult in the context of limited human and material resources. There are reports that CEWS staffs claim that they gave an early warning about the likely outbreak of conflict and possible humanitarian crisis in different countries at different times, but that the political organs of RECs/RMs and PSC of AU nevertheless decided not to take any preventative action based on this information.

The reason for failing to act in these cases was allegedly related to a lack of political will to intervene in the internal matters of member states and the PSC's preference for reaching decisions by consensus (Affa'a-Mindzie [24. P. 7], AU Commission [13. P. 16], de Albuquerque [6. P. 13] and Aniche [21. P. 11]). It is important to remind that the Peace and Security Council (PSC) of the African Union (AU), at its 601st meeting held on 30 May 2016, has also acknowledged the persistent gap between early warning and early response and reaffirmed its commitment to ensure effective implementation of its decisions on conflict prevention, including the strengthening of the linkage between early warning and early response⁷.

---

⁷ The PSC has highlighted "a persistent gap between early warning and early response" and concluded that AU member states often pay no attention to early warning signals of future crises, thereby undermining the Council's conflict-prevention capacity, often leading to conflicts. The council stressing that the primary responsibility for ensuring effective conflict prevention lies with the

Berhe and de Waal [16. P. 17] also state that while the office of CEWS has a good record of strong analysis, the challenge is translating their analysis into action. They emphasize that the CEWS staffs have presented good early analysis of the deepening crisis of different countries, however, this early warning was not utilized by the decision-making organs mainly (AU PSC). This indicates that there is a lack of closer organic link between analysis and policy action. In other words, the conflicts analysis and early warning to be channeled to the political decision-making organs is missing. At its most basic, one of the fundamental stages to any good early warning system is making good analysis of the gathered information/raw data. However, it should be noted that good analysis needs to be acted on: which is where the PSC comes in. A major part of the CEWS's mandate is to advise the PSC, on potential conflicts and threats to peace and security in Africa. As reports clearly indicated the quality of communication between the CEWS and the PSC is poor, meaning that the PSC does not sufficiently act on the information it is given [25].

Noyes and Yarwood [26. P. 256] rightly articulated that no matter how technically robust the AU's early warning system, limited capacity and the political nature of the early response side of the AU's Peace and Security Architecture is likely to continue to constrain the rapid deployment of effective conflict prevention initiatives in the future. What is ultimately lacking appears not to be the early warning signals and information needed to identify emerging conflicts and crisis, although this is certainly a secondary issue, but rather early response (political will) to act on such information [6. P. 14]. One of the critical areas that the APSA Roadmap 2016–2020 aims to tackle is the issue of weak linkage between early warning and early response by decision-makers. The 2015 APSA assessment report identified that the early warning-early response gap was taken as a major problem and the report recommended that this challenge to be vigorously addressed and taken into consideration by the 2016–2020 APSA Roadmap [13. P. 16].

With regard to early response, Anning [18. P. 13] maintains that across Africa response capacities to early warning signals are at best weak, non-existent or subjected to political tinkering. Wulf and Debie [27. P. 526] also underscore that the link between early warning and early response remains weak. Early response is often lacking, despite clear warning signals. The current humanitarian crisis in Darfur, for example, was not acted on in a timely fashion, but not because of a lack of information on the emergence of the conflict. For Wulf and Debie all the indications of a major conflict were known. In the view of researcher (P) in many of cases what is missing is the early response mechanism to the early warning signals⁸.

In addition to the above gaps, Scholarly and internal AU reports have commented CEWS for its insufficient coordination and Information-sharing with the early warning arrangements of the RECs/RMs. Evidences show that the

---

Member States, Council reiterated its appeal to those Member States that have not yet done so to expeditiously sign, ratify and domesticate the relevant AU instruments, particularly the African Charter on Democracy, Elections and Governance, as well as the African Union Convention on Cross-Border Cooperation (AU PSC press statement, 30 May 2016, the meeting was held in Addis Ababa, Ethiopia).

⁸ Personal interview, 24 February, in Addis Ababa, Ethiopia.

channels of communication between CEWS, the early warning efforts of the RECs, and within the AU peace and security architecture are piecemeal, frequently based on uncoordinated ways, and yet to be effectively institutionalized in a systematic manner [20. P. 10; 26. P. 255]. The 2015 APSA impact report has also pointed that the connectivity between the CEWS and the EWS of the RECs is very low. The report has recommended such low connectivity to be vigorously addressed by the APSA Roadmap 2016–2020 [13. P. 16].

All in all, The AU's continent-wide conflict early warning system (CEWS) has made considerable progress in the past several years regarding its capacity to monitor, collect and analyze information from a variety of sources, and provide warning of imminent and escalating conflict situations in Africa. Despite progress, CEWS continues to suffer from the variation of levels of operationalization of various EWS at the level of the RECs/RMs. As noted earlier the APSA Roadmap points to the need to address the varying levels of functionality of the regional early warning systems. Furthermore, early response mechanisms continue to be constrained by low capacity and a debilitating lack of political will. As highlighted earlier, early response to early warning systems is the most important part of the APSA for the realization of the “African solutions to African problems” mantra. Finally, it is highlighted that the channels of communication and Information-sharing between the CEWS and EWS of the RECs/RMs is insufficient.

The Panel of the Wise: Preventive Diplomacy or Mediatorial Role?

One of the main institutions devoted to assist the AU PSC and the AU Chairperson of the Commission on matters relating to the promotion and maintenance of peace, security and stability on the continent is the Panel of the Wise (PoW). The Panel was established under Article 11 of the AU PSC Protocol. As per Article 11 (1) [1], the Panel is expected to add value and support the efforts of AU (PSC and Chairperson of the Commission), particularly in the area of conflict prevention. The Panel is composed of five highly respected African personalities from various segments of society who have made an outstanding contribution to the cause of peace, security and development on the continent. The selection of members is based on regional representation and is the responsibility of the Chairperson of the Commission, after consultation with the Member States concerned.

Members of the Panel are appointed by the Assembly to serve for a period of three years (AU PSC Protocol, 2002: Art.11 (1and 2) [1]. Members may be re-elected for a second term. The modalities for their appointment specify that Members of the Panel cannot hold active political office in their various countries⁹. There is an assumption that this clause would give them the autonomy to carry out their mandate in a free and fair manner. Members of the Panel can also freely interact with whomever they so wish to in the discharge of their duties. The idea of

⁹ See for example, modalities for the functioning of the Panel of the Wise which was adopted by the Peace and Security Council at its 100th meeting held on 12 November 2007.

something along the lines of the panel was conceived during the era of the Organization of African Unity (OAU), but it never materialized. However, in the late years of the OAU, the concept was subsequently embraced when the OAU established the Council of the Wise as part of the Central Organ of its Mechanism for Conflict Prevention, Management and Resolution, the precursor to the current Panel. The PSC Protocol also recommends the establishment of similar structures of the Panel of the Wise in the Regional Economic Communities (RECs/RMs) [1].

It is believed that drawing on Africa's rich tradition of bestowing peacemaking efforts on the elders because of their wisdom, the Panel of the Wise was established by AU as one of the key pillars of its peace and security architecture [28. P. 53]. Indigenous wisdoms from different settings in Africa are cited as a window of insight and corroborated with practices which vest wisdom for conflict prevention and resolution in the elderly and, in more recent times, on distinguished African personalities. In most parts of indigenous Africa, the concept of the wise is embodied in the belief that holds the elderly as custodians of wisdom for conflict prevention and peaceful settlement of disputes. It is indicated that in introducing the Panel into the AU peace and security architecture, the African leadership is guided by the African world view on the concept of the wise. Most importantly, it is guided by the thought that distinguished and respected African personalities can be engaged in proffering solutions to African problems relating to peace and security. Hence, the creation of the Panel is consistent with the African concept of the wise and reflects the long-held notion of an "African solution to African problems" [29. P. 411–416].

There is a common misapprehension about the mandate and responsibility of the Panel taking it as a mediating body. The main role of the Panel is instead to bring emerging issues relating to conflict prevention to the attention of the PSC [6. P. 11]. Hence, it is important to reiterate the PSC Protocol's clear enumeration of the panel's advisory role as well as its more operational role, which relates very specifically to matters of conflict prevention and not mediation in strict sense. The 2007 panel modalities reiterate, in line with the provisions of the PSC Protocol, its primary occupation to be that of advising the PSC and the chairperson of the AU Commission [30. P. 184]. Its mandate clearly states that it does not have a mediation role, but it can assist and advise mediation teams engaged in formal negotiations¹⁰. The following section critically explores the extent to which the Panel has been successful in achieving its strategic objectives, as well as the degree to which the Panel is able to contribute to the work of the PSC.

Conclusion

This study has looked critically at the extent to which the African Union Peace and Security Council (AU PSC) support structures (such as the African Standby Force, the Continental Early Warning System, Panel of the Wise and the Peace Fund have been successful in achieving their institutional objectives, as well as the degree to which they are able to contribute to the work of the AU PSC.

---

¹⁰ See the 2007 modalities for the functioning of the Panel of the Wise, III (f).

In the second part of an article The Panel of the Wise and The AU Peace Fund will be analyzed, with some cases and comparative analysis and the final conclusions will be done.

REFERENCES

- [1] *Protocol Relating to the Establishment of the Peace and Security Council of the African Union*. Adopted by the 1st Ordinary Session of the Assembly of the African Union. Durban: African Union; 2002.
- [2] Kasumba Y., Debrah C. An Overview of the African Standby Force (ASF). *The Civilian Dimension of the African Standby Force*. De Coning C., Kasumba Y. (Eds.). Addis Ababa: African Union Commission; 2010: 10–19.
- [3] *The Policy Framework for the Establishment of the African Standby Force and the Military Staff Committee*. Adopted by the Third Meeting of African Chiefs of Defense Staff; 2003.
- [4] Beza Y.T. The “African Solutions for African Problems”: Challenges for the African Standby Force (ASF). *Journal of Social Sciences and Humanities*. 2015; 4 (1): 450–457.
- [5] *Decision on the outcome of the retreat of the Assembly of the African Union Assembly/AU/Dec.605 (XXVII)*. Twenty-seventh Ordinary Session. Kigali: Rwanda; 2016.
- [6] Albuquerque A.L. *The African Peace and Security Architecture (APSA): Discussing the Remaining Challenges (FOI-R-4301-SE)*. Sweden: Ministry of Defense; 2016.
- [7] Okeke J.M. United in Challenges? The African Standby Force and the African Capacity for the Immediate Response to Crises. *The Future of African Peace Operations: From Janjaweed to Boko Haram*. De Coning C., Gelot L., Karlsrud J. (Eds.). London: Zed Books; 2016: 90–105.
- [8] De Coning C. Adapting the African Standby Force to a Just-in-time Readiness Model: Improved Alignment with the African Model of Peace Operations. *The Future of African Peace Operations: From Janjaweed to Boko Haram*. De Coning C., Gelot L., Karlsrud J. (Eds.). London: Zed Books; 2016: 120–134.
- [9] Darkwa L. The African Standby Force: The African Union’s Tool for the Maintenance of Peace and Security. *Contemporary Security Policy*. 2017; 38: 471–482. DOI: 10.1080/13523260.2017.1342478
- [10] Ani C.N. Is the African Standby Force any Closer to Being Deployed? *Institute for Security Studies*. 2018. URL: <https://issafrica.org/iss-today/is-the-african-standby-force-any-closer-to-being-deployed>. Accessed: 26.03.2020.
- [11] Wambua M.R. *Securing Africa: The Role of the African Standby Force*. University of Nairobi, Kenya: Unpublished Master’s Thesis; 2015.
- [12] Koops J., Varwick J. *Ten Years of SHIRBRIG: Lessons Learned, Development Prospects and Strategic Opportunities for Germany*. Berlin: Global Public Policy Institute; 2008.
- [13] African peace and security architecture. APSA Roadmap 2016–2020. *AU Commission*. Addis Ababa: Ethiopia; 2015.
- [14] Gänzle S., Franke B. *African Developments: Continental Conflict Management: A Glass Half Full or Half Empty?* No. 7, briefing paper. Bonn: German Development Institute; 2010.
- [15] Williams P.D. *The African Union’s Conflict Management Capabilities*. New York: Council on Foreign Relations; 2011.
- [16] Berhe M.G., Waal A. *Peace Missions in Africa: Constraints, Challenges, and Opportunities: Preliminary Report to the African Union*. Addis Ababa: Ethiopia; 2015.
- [17] Odote P.O. *Role of Early Warning Systems in Conflict Prevention in Africa: Case Study of the Ilemi Triangle*. Doctoral Dissertation. Nairobi: University of Nairobi; 2016.
- [18] Aning K. *The African Union’s Peace and Security Architecture: Defining an Emerging Response Mechanism*. Lecture series (no 3) on African security. Ghana: Accra; 2008.
- [19] Wondemagegnehu D.Y. *An Exploratory Study of Harmonization of Conflict Early Warning in Africa*. Master Thesis. Leipzig: Universities of Leipzig; 2009.

- [20] Brett J. *The Inter-relationship between the African Peace and Security Architecture, the Global Peace and Security Architecture and Regional Initiatives*. Report prepared for the Danish Embassy in Addis Ababa 24th October 2013. URL: <http://um.dk/en/~media/UM/English-site/Documents/Danida/About-Danida/Danida%20transparency/Documents/Grant%20committee/2013/Ext%20doc/02a%20Annex%20A%20%20APSA%20Study.pdf>. Accessed: 27.03.2020.
- [21] Aniche E.T., Egbuchulam M.U. *Is African Peace and Security Architecture the Solution? Analyzing the implications of escalating conflicts and security challenges for African integration and development. A paper delivered at the 30th annual conference of the Nigerian political science association Southeast chapter on the theme: Elections, security challenges and African development*. Port Harcourt: University of Port Harcourt; 2016
- [22] Arthur P. Promoting Security in Africa through Regional Economic Communities (RECs) and the African Union's African Peace and Security Architecture (APSA). *Insight on Africa*. 2017; 9 (1): 1-21. DOI: 10.1177/0975087816674577
- [23] Engel U. Knowledge Production on Conflict Early Warning at the African Union. *South African Journal of International Affairs*. 2018; 25 (1): 117–132. DOI: 10.1080/10220461.2018.1417902
- [24] Affa'a-Mindzie M. *Preventing Conflicts in Africa: Early Warning and Response*. In meeting note. New York, NY: International Peace Institute; 2012.
- [25] An Early Warning on Africa's Early Warning System. 2015. *Institute for Security Studies*. URL: <https://issafrica.org/pscreport/psc-insights/an-early-warning-on-africas-early-warning-system>. Accessed: 27.03.2020.
- [26] Noyes A., Yarwood J. The AU Continental Early Warning System: From Conceptual to Operational? *International Peacekeeping*. 2013; 20 (3): 249–262. DOI: 10.1080/13533312.2013.838393
- [27] Wulf H., Debiel T. Systemic Disconnects: Why Regional Organizations Fail to Use Early Warning and Response Mechanisms. *Global Governance*. 2010; 16 (4): 525–547.
- [28] Fisher L.M., Bah A.S., Mniema A., Okome H.N., Tamba M., Frederiksen J., Reeve R. *Moving Africa Forward: African Peace and Security Architecture (APSA). Assessment Study*. Addis Ababa: AU Peace and Security Department; 2010.
- [29] Jegede A.O. The African Union Peace and Security Architecture: Can the Panel of the Wise Make a Difference? *African Human Rights Law Journal*. 2009; 9 (2): 409–433.
- [30] Porto J.G., Ngandu K.Y. The African Union, Preventive Diplomacy, Mediation, and the Panel of the Wise: Review and Reflection on the Panel's First Six Years. *African Security*. 2014; 7 (3): 181–206. DOI: 10.1080/19392206.2014.952582

Article history:

The article was submitted on 09.05.2020.

The article was accepted on 01.06.2020.

Научная статья

Африканская архитектура мира и безопасности как инструмент их поддержания. Часть 1

Б.Д. Гардашью

Университет Бахир Дар
79, Бахр-Дар, Амхара, Эфиопия

Аннотация. В статье критически анализируется эффективность Африканской архитектуры мира и безопасности (ААМБ) (в которую входят Африканские резервные

силы (АРС), Континентальная система раннего предупреждения (КСРП), Группа мудрецов и Фонд мира (ФМ)) в достижении своих институциональных целей. Также автором оценивается потенциальный вклад структур ААМБ в работу Совета мира и безопасности Африканского союза (АС СМБ). Совет мира и безопасности как ключевая опора Африканской архитектуры мира и безопасности является основным директивным органом по данным вопросам. Для выполнения своих обязанностей Совет мира и безопасности Африканского союза будет поддерживаться Африканскими резервными силами, Континентальной системой раннего предупреждения, Группой мудрецов и Фондом мира. ААМБ – это общий термин для обозначения ключевых механизмов Африканского союза для содействия миру, безопасности и стабильности на африканском континенте. В частности, это оперативная структура для эффективного осуществления решений, принятых в областях предотвращения конфликтов, миротворчества, операций по поддержанию мира и вмешательства, а также миростроительства и постконфликтного восстановления. ААМБ рассматривается как средство, с помощью которого Африка может играть более активную роль в управлении миром и безопасностью на континенте с целью предложить «африканские решения африканских проблем».

Ключевые слова: Африканские резервные силы, Континентальная система раннего предупреждения, Группа мудрецов и Фонд мира

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 09.05.2020.

Статья принята к публикации: 01.06.2020.

Информация об авторе:

Бевукету Дирес Гардашью – преподаватель и исследователь департамента политологии и международных исследований университета Бахр-Дар (Эфиопия) (e-mail: bewuket23@gmail.com).

Information about the author:

Bewuketu Dires Gardachew – PhD Candidate at the Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University (Ethiopia) (e-mail: bewuket23@gmail.com).

Для цитирования:

Gardachew B.D. The African Peace and Security Architecture as a Tool for the Maintenance of Peace and Security. Part 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 179–194. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-179-194

For citation:

Gardachew B.D. The African Peace and Security Architecture as a Tool for the Maintenance of Peace and Security. Part 1. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (3): 179–194. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-179-194

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-195-204

Научная статья

Образ власти в контексте теории архетипов

М.Г. Иванова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. Образы государственных деятелей часто отражают те общественные и социальные явления, которые происходят в обществе, поскольку становятся ценностным выбором большинства населения страны. В данной статье выдвигается гипотеза о том, что ценности представляют собой отражение архетипов коллективного бессознательного. В связи с этим исследование архетипов, с одной стороны, способствует созданию преемственности глубинных ценностных основ между прошлыми и будущим поколениями, с другой стороны, позволяет анализировать и прогнозировать успех или неудачу общественных и государственных инициатив. Также в периоды кризиса и распространения псевдоценностей можно говорить о проявлении в обществе архетипа Тени в образах лжегероев. В статье приводится пример рассмотрения архетипа Тени через анализ портретов российских политических деятелей 1990-х гг., представленного в концепции отечественного социолога Ж.Т. Тощенко.

Ключевые слова: архетипы, ценности, Ж.Т. Тощенко, К.Г. Юнг, архетип Тени, социальное зло

В самом начале статьи хотелось бы отметить несколько важных тенденций современного мира. Во-первых, это глубокий кризис и противоречия мировоззренческих оснований прошлого в свете актуальных тенденций в области человеческих ценностей [1]. Во-вторых, если, например, мы обратимся к теории ценностей, предложенной Ш. Шварцем, мы сможем увидеть, что, благодаря проведенному им анализу 83 стран и несмотря на присутствие всех названных им ценностей в каждой стране, степень их выраженности значительно отличается [2]. Например, в России исследователи выделяют нестабильность в ценностных установках самих россиян, поколенческий разрыв и др. тенденции, которые свидетельствуют не только о неоднородности коллективного сознания, но и о влиянии на него противоречащих друг другу архетипических феноменов [3]. Все это приводит нас к необходимости поиска более совершенных методов исследования ценностей, а также вариативных и уникальных способов анализа русской политической культуры.

© Иванова М.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Данная статья построена на гипотезе о том, что исследование ценностей может проходить в рамках анализа символов и образов архетипов коллективного бессознательного. Подобные исследования уже завоевали свою нишу в теориях управления на Западе, где наука дает возможность «встретиться лицом к лицу со всеми нашими врагами и с каждым в отдельности» [4. С. 72], отечественное же научное сообщество занимает в этом вопросе более консервативную позицию, особенно в среде политологов и управленцев. В противовес доводам последних и написана данная статья.

Не секрет, что ценности могут являться выражением исторической памяти народа, отражать подлинное отношение человека к существующим государственным институтам, к искусству, литературе и пр. Однако сфера производства ценностей оказывается изначально неоднородной: на нее в разной степени оказывают влияние и идеология (не обязательно именно государственная, но наиболее часто транслируемая, например, в СМИ), и мораль, и философия, и, конечно же, религия [5]. Также стоит отметить, что ценности поддерживаются и воспроизводятся благодаря существующей в обществе наиболее популярной идеологии, в которой заложены определенные образы и представления о власти, субъекте управления и т.п. Естественным образом система государственного управления оказывается тесно связана с существующими в обществе ценностями культуры, содержание которых до сих пор остается туманным.

Дело в том, что ценности общества могут изменяться в связи со сменой экономической, исторической, социальной ситуации, на ценности оказывают влияние новые открытия в науке, появление новых сфер человеческой деятельности, требующих разрешения многих моральных и этических вопросов (трансгуманизм, биополитика и др.). Более того, разнонаправленные интересы различных групп населения, которые стремятся распространить и упрочить «выгодные» для своих целей ценности, может создать известный конфликт ценностей во всем обществе.

Попытки создания искусственной реальности, проектирование псевдоценностей приводят к конфликту с глубинными подлинными ценностными представлениями человека. Этот конфликт происходит не всегда сознательно, выражая себя в стихийных протестах, массовой фрустрации, недовольстве большинства, разрушении устоев и моральных норм общества, в трансформации государственных институтов и пр. В связи с этим исследование архетипов, с одной стороны, способствует созданию преемственности глубинных ценностных основ между прошлыми и будущим поколениями. С другой стороны, позволяет анализировать и прогнозировать успех или неудачу общественных и государственных инициатив.

Исследование ценностей на основе анализа архетипов культуры оказывается полезным и по другим основаниям. Так, люди по своей природе изначально озадачены поиском личностных ценностных ориентаций. Как правило, этот процесс ими также не осознается. Вместе с тем благодаря действию закону подражания, преобладающим коллективным представлениям, социальным примерам, происходит автоматическое наполнение содержания

ценностей отдельного индивида. Роль социума здесь сложно переоценить! И если общество оказывается поражено «социальными болезнями», то его влияние на ценностные представления нового поколения россиян может быть фатальным.

С позиции теории архетипов очевидно, что общество и государство, транслирующие архетипические образы и символы культуры, обретают прочность и основательность, поскольку образуют с отдельным человеком духовное единство. Если деятельность государства направлена на реализацию наилучшего из того, что заложено в природе отдельного народа и его представителей, то это благотворно отражается и на самом обществе. Обратная ситуация свидетельствует о деформациях в общественных структурах и демонстрирует проявление негативных тенденций в образе «социального зла», или архетипа Тени. Рассмотрим оба эти явления более предметно.

Достаточно детально социология зла и вытекающая из нее типология основных социальных конфликтов описаны в монографии Ф. Мюллер-Лиера «Социология страданий» [4]. В данной работе немецким социологом предлагается анализ не только социологической патологии, но и методов, с помощью которых она может быть исследована; автор задается вопросом о том, откуда возникают основные человеческие конфликты и страдания, выделяя в особую группу те, которые связаны с внешней средой, и социумом в частности.

Так, например, Ф. Мюллер-Лиер классифицирует формы социального зла, возникающие вследствие «повреждения среды». Эти ситуации влияют на поведение, характер, интеллект людей, создают общественные деформации. В частности, социолог отмечает, что некоторые люди из-за продолжительного пребывания в неблагоприятной среде («копрачикосы») могут быть лишены всякого «сознания болезни» и считают свое положение вполне нормальным, социально приемлемым и правильным (пример описан в романе Виктора Гюго «Человек, который смеется»). Бывают также социальные аномалии, вызванные внезапным изменением среды – когда человек оказывается в чужой среде, к которой он не может приспособиться (смена политического режима, ситуация с переселенцами и пр.). И отдельно автором выделяются «конфликты положения» – внезапное изменение среды, ситуационные конфликты, которые могут «сделать из честного человека преступника, если он, например, невинно осужден» [4. С. 53]. Для уменьшения социального зла и с целью профилактики самих причин бедствий Ф. Мюллер-Лиер считает необходимым изучить законы социологического развития и то, каким образом, они отражаются на характере и интеллекте людей.

Среди средств преодоления социальных деформаций социолог особенно выделяет три: «социологический идеал, делающий из нас, прежних слепых рабов обыденщины, сознательных тружеников на пользу человечества, – идеал, преобразующий нашу маленькую жизнь в жизнь великую... Второе средство – это воплощение сверхчеловеческого или, по меньшей мере, сверхиндивидуального социальным путем... Есть еще третий источник – это искусство» [4. С. 237–238]. Что касается третьего метода, то отметим, что, например, именно благодаря сфере искусства архетипы коллективного

бессознательного проявляют себя в наибольшей степени, позволяя человеку прикоснуться к сакральному, поскольку «хорошие произведения содержат внутреннюю (типическую) правду» [4. С. 242], на что неоднократно указывал и К.Г. Юнг. В этом смысле искусство учит глубинному. В идеале все другие сферы человеческого общества, особенно сфера государственного управления, должны были бы также воплощать этот принцип.

При всех возможных ограничениях теория Ф. Мюллер-Лиера оказалась полезной в рамках нашего исследования ценностей, поскольку что еще, как не общественные и социально-политические изменения, может вызывать дисфункции общества, проявить себя в неадекватных, согласно нормальной человеческой логике, псевдоидеалах и вседоценностях? При этом данная теория наглядно и доказательно показывает коллективную природу происходящих в обществе явлений, заразительность, в том числе «ядовитых» идей и моделей поведения. Дополнительная пагубность подобных явлений состоит еще и в том, что, согласно Ф. Мюллер-Лиеру, они мало осознаются людьми [4. С. 73].

Если мы применим описанную теорию в рамках социологического анализа политических событий, произошедших в нашей стране в недавнем прошлом, то обнаружим такие общественные деформации, которые оказали влияние на характер и поведение целого поколения. В частности, в период с начала 1990-х по начало 2000-х в российском обществе существовал известный кризис ценностей. По словам социолога Ж.Т. Тощенко, это привело к формированию фантомных явлений и типов личностей с явными моральными и нравственными дефектами [6], которые вместе с тем позиционировались в качестве социального образца (в том числе посредством массовой культуры). С позиции теории архетипов такую ситуацию можно связать с проявлением теневой стороны коллективного бессознательного.

Неудивительно, что именно в состоянии кризиса коллективное сознание обращается к своей «темной стороне», которую К.Г. Юнг и назвал архетипом Тени, представляющим собой антиценности личности или общества, то, что становится реальностью в силу своей вытесненности либо нарушения баланса развития как отдельной личности, так и общества. По сути, это «невидимый враг», который скрыто влияет и обуславливает обстоятельства жизни и осознается лишь в ситуациях острого кризиса (либо посредством аналитической работы). Если архетип Тени удастся обнаружить, то это уже наполовину означает победу над ним. Согласно психоанализу, именно в ситуации воплощения архетипа Тени в реальных явлениях и деятелях общества оно может обновиться, пересмотреть происходящие события, спроецировать из себя новые ценности, основанные на подлинных смыслах и образах культуры [7. С. 18]. Появление архетипа Тени симптоматично и не случайно, каждый раз – это открытая возможность для выхода из кризиса и примирения «светлой» и «темной» стороны коллективного бессознательного.

Вместе с тем для того, чтобы «победить Тень», недостаточно лишь увидеть ее, надо ее понять, надо прежде всего ознакомиться с ее сущностью и всеми условиями ее существования [4. С. 74]. Именно такая попытка была

предпринята нашим отечественным социологом Ж.Т. Тощенко в его исследовании ситуации в стране после распада СССР.

Классификация политических и государственных деятелей, предлагаемая Ж.Т. Тощенко, позволяет, на наш взгляд, вплотную приблизиться к описанию архетипа Тени российского общества того периода [б. С. 71–74]. Это люди, которые не только находились у власти и могли оказывать существенное влияние на дела государства, но и олицетворяли собой символ новой жизни, определенных ценностей, транслировали образцы социально желаемых моделей поведения. Для удобства восприятия мы оформили выводы, сделанные Ж.Т. Тощенко в форме таблицы:

Таблица 1 / Table 1

**Типы политических деятелей 1990-х гг. в России по Ж.Т. Тощенко /
Types of political actors of the 1990s in Russia by Zh.T. Toshchenko**

Типы государственных и политических деятелей (С начала 1990-х по начало 2000-х гг.)	Описание
«Бесы»	Для этого типа политиков важны одновременно богатство, власть и слава. Этот тип русских людей характеризует алчность, эгоизм, амбициозность, реваншизм, мстительность, беспринципность, клеветничество, двуличность: «Беспредельная жажда наживы, безмерная страсть к власти и безудержное желание славы, стремление быть в центре общественного внимания... отсюда такое понятие как «березовщина – безнаказанное воровство в крупных масштабах» [б. С. 87].
«Авантюристы»	Этот тип людей отличается жадой богатства и власти. Свое наиболее яркое воплощение, согласно Ж.Т. Тощенко, он получает в образе «семибанкирщины». Люди подобного типа служат не общим интересам, а исключительно своим собственным, даже если это способно нанести существенный ущерб их стране и обществу.
«Мутанты»	Тип государственных деятелей, ориентированных на карьеризм, готовых изменить свое мировоззрение на прямо противоположное в период перелома или смены политического режима. Их характеризует стремление к славе, жажда власти и, отсюда, карьеризм, амбициозность, предательство ради карьеры, беспринципность, проявляющаяся в быстрой смене политических взглядов, буквально, отсутствие цельности мировоззрения и последовательности в своих идеалах; произвольная трактовка событий и многое другое. «Есть все основания для вывода о том, что эти люди никогда не были убеждены в правоте того, чему они служили, к чему призывали других, с чем мирились в силу необходимости, безопасности и карьеризма. Эти персоны шли на все, чтобы добиться своего: умело молчали, умело поддакивали, умело выбирали удобный момент, чтобы показать себя, продемонстрировать верность, написать речь, которая бы понравилась заказчику» [б. С. 118].

Типы государственных и политических деятелей (С начала 1990-х по начало 2000-х гг.)	Описание
« Политические клоуны »	Общие характерные черты данного типа – это тщеславие; амбициозность; авторитарность; стремление ломать, а не создавать; словоблудие и постоянная смена своих позиций; показная активность; неумение решать реальные вопросы; тенденция приспособляться; показной нигилизм; демонстрация всезнания; эксцентричность, гротесковая риторика, поясничание, примитивизм, кликушество; ориентация на потребности толпы, отсюда популизм; демонстрация оппозиции к власти; высокий уровень безответственных заявлений и т.п. «Шуты постоянно возвеличивают, самовозвышают себя, демонстрируют свою значимость и весомость» [6. С. 170, 166–167].
« Нарциссы »	Поведение представителей данного типа характеризуется самонадеянностью, самолюбованием, стремлением изображать «заботу» об общественном благе. «Методы нарциссов во многом определяются их исходным убеждением, что власть – это не работа, а умение показать ее. Иначе говоря, это разговоры (болтовня) о работе». Им становятся присущи и такие черты, как: «вера в свою гениальность, избранность, беспредельная вера в свой талант, в свои «исключительные» возможности, с одной стороны, и отсутствие элементарного здравого понимания ситуации – с другой» [6. С. 207, 189].
« Коллаборационисты »	Типичными чертами «коллаборационистов» новой России являются: антипатриотизм, желание выделиться, отсутствие стратегии или продуманной программы действий; необоснованное восхваление Запада; психология пораженчества; показное стремление копировать и поклоняться тому, что не является российским; двуличие.
« Ксенофобы »	«Этот тип политических лидеров устремлен исключительно на достижение власти... Они, с одной стороны, нередко декларируют общечеловеческие ценности – уважение к другим народам, признание их права на свой язык и культуру. Но, с другой стороны, в конкретных обстоятельствах они осуществляют политику ущемления прав и свобод других народов, раздувают и этническую, и религиозную ксенофобию, а иногда являются вдохновителями убийств и унижений людей других национальностей лишь потому, что они придерживаются других взглядов и “мешают” устройству “своего” народа» [6. С. 274].
« Геростраты »	«Они готовы разрушить страну, развалить организацию, сжечь дом и даже убить людей, стоящих на их пути, просто для придания значения своим действиям. Данное фантомное поведение рождается у людей мнительных, самолюбивых до болезненности, уверенных в своей исключительности, неповторимости. Они не любят признавать поражения – для них весь путь усыпан победами и успехами, даже если они мнимые» [6. С. 293].

В целом отметим, что описанные Ж.Т. Тощенко типы политиков и государственных деятелей самым непосредственным образом приводят нас к

теневой стороне коллективного бессознательного народов, населяющих в настоящее время Россию и некоторые страны постсоветского пространства. То, что презиралось или отрицалось, высмеивалось в отечественной классической литературе, в один момент времени получает свое воплощение во все-российском масштабе. Вместо героев на политической арене власть оказывается у антигероев. Причем не всем удается сразу отличить одних от других. Ж.Т. Тощенко пишет о том, что и тех, и других характеризуют их поступки или те методы, посредством которых они проявляют себя [6. С. 65]. Именно действия людей и позволяют узнавать и отличать политиков, опирающихся на подлинные ценности отечественной культуры, от лжегероев.

В свете сказанного нам хотелось бы задаться вопросом о природе подлинных ценностей, глубинных социокультурных кодах, которые, на наш взгляд, выделяются на фоне псевдоценностей. И здесь можно предложить несколько критериев.

Во-первых, цель подлинных ценностей – это развитие личности и общества, их совершенство и гармоничное взаимодействие.

Во-вторых, подлинные ценности скрыты от сознания и представляют собой больше возможность или предпосылку определенного развития, которая реализуется в конкретном опыте.

В-третьих, такие глубинные паттерны существуют в своем единстве и основываются, как правило, на духовном архетипе, символизирующем лучшее стремления и достижения народа (либо человечества в целом).

Отход от подлинных ценностей приводит к проявлению архетипа Тени в виде социальных и политических «травм» и «антиномий». Согласно Ж.Т. Тощенко к антиномиям можно отнести: существование в России оппозиции только *de jure*, а *de facto* – ее отсутствие; страх этносоциальных конфликтов при отсутствии понимания реальных методов их разрешения и др. Все эти явления могут быть свидетельством наличия кризиса в российском обществе, в котором часто исповедовались одновременно взаимоисключающие друг друга ценности. Также социальные травмы и антиномии обнажают существовавший раскол в сознании россиян, присутствие в равной степени подлинных и навязанных ценностей, их одновременное сосуществование.

Больше всего противоречий в политическом сознании россиян мы обнаруживаем во время избирательных кампаний, когда происходит выбор тех или иных политических лидеров. При этом, несмотря на реальность выборов, среди людей с каждым годом отмечается рост недоверия к политической власти: «Тревожность россиян имеет под собой основы, одна из которых лежит в плоскости доверия к тем, кто выражает или не выражает интересы большинства людей. Именно такие оценки деформируют процесс функционирования доверия, ибо люди понимают и убеждены, что существующая политическая власть не отражает позиции большинства населения» [6. С. 25].

С другой стороны, согласно социологии страданий Ф. Мюллер-Лиера, все бедствия и несчастья в обществе закономерны [4. С. 75, 105]. Даже индивидуальный выбор человека в сторону того или другого поступка лежит в области внешних причин: «это дурные примеры, которые “дети с улицы” с ранних лет

имеют перед глазами; это дурное воспитание, безработица и т.д.» [4. С. 82]. И далее, Ф. Миллер-Лиер приходит к заключению о том, что «большая часть страданий индивидуума – проявление социальных болезней; социальные же болезни можно побороть лишь социальными средствами» [4. С. 83]. Одним из таких средств социолог считает развитие «причинного мышления», умение видеть «корни» возникающих проблем. Поверхностный анализ социальных причин и факторов не способен предложить адекватные модели преодоления антиномий общества. В этом смысле теория архетипов, которая возникла позже, наоборот, позволяет дойти до глубин коллективного бессознательного, проанализировать первопричины социального и политического кризисов.

В связи с описанными выше идеями полагаем, что уже давно назрел вопрос о необходимости такого социологического анализа, который на примере работ Ж.Т. Тощенко, Ф. Мюллер-Лиера и К.Г. Юнга позволял бы применять теорию архетипов для объяснения социально-политических феноменов. Отечественная наука, на наш взгляд, способна признать, что природа коллективного сознания архетипична.

Это предполагает, в частности, и предложение политической элитой образов политиков и государственных деятелей, отвечающих подобным запросам, но этим не ограничивается. Согласно Гротенфельту «насушная цель политической деятельности – высшее развитие народов, облагораживание их образа мыслей, чувств, устремлений» [4. С. 192]. Это требует наличие определенной этики, коллективного самосознания [8], организации жизни на позитивных примерах, таких образах, которые находят отклик в коллективном бессознательном народа; сотрудничество государства, общества и человека на базе глубинных паттернов (определяющих образы добра, чести, справедливости, законности и пр.).

Таким образом, на наш взгляд, «социальное зло», из которого произрастает неудовлетворенность властью – это разделенность человека, общества и государства с подлинными глубинными паттернами, архетипами коллективного бессознательного. Обширное исследование архетипов культуры осуществлено нами в монографии «Архетипы культуры. Поиск центрального архетипа» [3]. Целью же данной статьи было показать, каким образом архетипическая реальность проявляет себя во время общественного кризиса, соотнести понятия «социальное зло» и «архетип Тени» и проанализировать то, как их вопрос может быть разрешен в исторической перспективе.

На наш взгляд, в целом, политическая система страны, процесс выборов, формирование образов политиков, обоснование конечной цели и результатов политических действий должны в значительной степени базироваться на понимании архетипической природы коллективного сознания, а также тех символах и образах, которые составляют его структуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Капышев А., Колчигин С.* Философия грядущего. Истинный Путь Человека. Изд. 2-е. М.: Белые альвы, 2006. 224 с.

- [2] Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.
- [3] Иванова М.Г. Архетипы культуры. Поиск центрального архетипа: монография. М.: ФЛИНТА, 2019. 480 с.
- [4] Мюллер-Лиер Ф. Социология страданий – пер. с нем. И. Берман. Ленинград: Изд. С.-З. Промбюро ВСНХ, 1925. 269 с.
- [5] Нижников С.А. Духовное познание в философии Востока и Запада. М.: РУДН, 2010. 427 с.
- [6] Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
- [7] Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2016. 520 с.
- [8] Иванов В.Г. Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики. Часть 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 106–115.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 28.05.2019.

Статья принята к публикации: 01.06.2020.

Research article

Image of Power in the Context of Archetype Theory

M.G. Ivanova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. Images of statesmen often reflect the social and social phenomena that occur in society, since they become the value choice of the majority of the population. This article proposes the hypothesis that values reflect the archetypes of the collective unconsciousness. In this regard, the study of archetypes, on the one hand, contributes to the creation of continuity of deep value bases between past and future generations. On the other hand, it allows to analyze and predict the success or failure of public and state initiatives. Also, in times of crisis and spread of pseudo-values, we can talk about the manifestation of the Shadow archetype in the images of false heroes in society. The article considers the archetype of the Shadow through the analysis of portraits of Russian political figures of the 90s, presented in the concept of Russian sociologist Zh.T. Toshchenko.

Keywords: archetypes, values, Zh.T. Toshchenko, K.G. Jung, archetype of the Shadow, social evil

REFERENCES

- [1] Kapyshev A., Kolchigin S. *Filosofija grjadushhego. Istinniy Put' Cheloveka* [Philosophy of the Future. The True Path of Man]. 2nd ed. Moscow: Belye al'vy; 2006. 224 p. (In Russ.).
- [2] Shvarc Sh. Kul'turnye cennostnye orientacii: priroda i sledstvija nacional'nyh razlichij [Cultural Value Orientations: The Nature and Consequences of National Differences]. *Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki*. 2008; 5 (2): 37–67 (In Russ.).

- [3] Ivanova M.G. *Arhetipy kul'tury. Poisk central'nogo arhetipa: monografija* [Archetypes of Culture. Search for the Central Archetype]. Moscow: FLINTA; 2019. 480 p. (In Russ.).
- [4] Mjuller-Lier F. *Sociologija stradanij* [Sociology of Suffering]. Leningrad: Izd. S.-Z. Prombjuro VSNH; 1925. 269 p. (In Russ.).
- [5] Nizhnikov S.A. *Duhovnoe poznanie v filosofii Vostoka i Zapada* [Spiritual Knowledge in the Philosophy of East and West]. Moscow: RUDN; 2009. 427 p. (In Russ.).
- [6] Toshhenko Zh.T. *Fantomy rossijskogo obshhestva* [Phantoms of Russian Society]. Moscow: Centr social'nogo prognozirovanija i marketinga; 2015. 668 p. (In Russ.).
- [7] Kjempbell Dzh. *Tysjachelikij geroj* [The Thousand-faced Hero]. SPb.: Piter; 2016. 520 p. (In Russ.).
- [8] Ivanov V.G. Global'noe grazhdanskoe obshhestvo: stanovlenie novogo aktora mirovoj politiki. Chast' 1 [Global Civil Society: The Formation of a New Actor in World Politics. Part 1]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*. 2010; 4: 106–115 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 28.05.2019.

The article was accepted on 01.06.2020.

Информация об авторе:

Иванова Мария Геннадьевна – кандидат философских наук, ассистент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-9296-8013) (e-mail: ivanova_mg@pfur.ru).

Information about the author:

Maria G. Ivanova – PhD in Philosophy, Assistant Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9296-8013) (e-mail: ivanova_mg@pfur.ru).

Для цитирования:

Иванова М.Г. Образ власти в контексте теории архетипов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 195–204. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-195-204

For citation:

Ivanova M.G. Image of Power in the Context of Archetype Theory. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (3): 195–204. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-195-204

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-205-225

Научная статья

Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центрально-Азиатский регион

Н.У. Ханалиев

Министерство иностранных дел РФ
Смоленская-Сенная площадь, 30/2, Москва, Россия, 119002

Аннотация. После распада СССР перманентная внутривосточная турбулентность породила политическую автократию и политическую борьбу с характерными для нее технологиями влияния на внутригосударственные процессы. При этом государства Центральной Азии начали активно включаться в глобальные мировые процессы. В то же время стала проявляться заинтересованность различных стран Востока и Запада в расширении своего экономического и геополитического присутствия в центрально-азиатском регионе. Одновременно происходила активизация идеологического воздействия на страны Центральной Азии. Различные внешние силы, преследуя конкретные цели, стремятся оказать свое влияние на внутренние процессы суверенных государств, зачастую вопреки интересам народов центрально-азиатского региона. В представленной статье автор анализирует влияние внешних акторов на внутренние процессы государств Центральной Азии с точки зрения обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: национальная безопасность России, интеграция, Центральная Азия, Большой Ближний Восток, террористическая угроза, экстремизм

Центральная Азия на сегодняшний день представляет огромный интерес как для региональных, так и для географически отдаленных от нее стран. Обеспечив определенные геополитические преимущества в регионе, внешние акторы, в виде государства или группы стран, получают не только приоритетный доступ к энергетическим богатствам региона, но и создают предпосылки для более полного обеспечения своих национальных целей и интересов [1].

Особую опасность для центрально-азиатского региона представляет реализуемая Западом так называемая Концепция «противодействия насильственному экстремизму» (ПНЭ). ПНЭ была сформулирована на саммите в Вашингтоне в феврале 2015 г., в последующем активно обсуждалась в рамках ряда региональных форумов в Осло, Сиднее, Астане, Алжире, Риме, а также

© Ханалиев Н.У., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

в ходе встречи высокого уровня на полях юбилейной сессии Генассамблеи ООН в сентябре 2015 г. [2]

В октябре 2015 г. бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун объявил о подготовке «Плана действий по предотвращению насильственного экстремизма». План был одобрен резолюцией Генассамблеи ООН А/70/674. Российская сторона изначально заявляла об опасениях того, что план и заложенные в нем идеи могут быть использованы для оправдания вмешательства во внутренние дела государств, дестабилизации и смещения неугодных правительств под предлогом продвижения успешного международного опыта в области борьбы с экстремизмом и за права человека. При этом Россия акцентировала внимание на необходимости отражения во всех антиэкстремистских международно-правовых документах ведущей и определяющей роли государств и их компетентных органов в антитерроре при активном и эффективном взаимодействии с институтами гражданского общества.

Эксплуатация широкого поля ПНЭ дает США и их союзникам возможность продвигать излюбленный тезис о том, что основными порождающими причинами указанного феномена являются «политика репрессивных режимов» и «массовые и систематические нарушения прав человека» со стороны весьма избирательно составленного перечня государств. При этом Запад полностью игнорирует гораздо более мощный фактор радикализации и политических и общественных настроений в результате произвольного внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Несмотря на то, что нынешнее руководство США ассоциирует концепцию ПНЭ с наследием бывшего Президента Б. Обамы, проекты под эгидой ПНЭ активно реализуются по линии ряда международных организаций (ООН, ОБСЕ и ЕС) в Центральной Азии [3].

Количество проектов по ПНЭ в регионе Центральной Азии увеличивается. Наиболее масштабными проектами являются: финансируемая Евросоюзом региональная программа «Усиление устойчивости к насильственному экстремизму в Азии» (порядка 10 млн долл. США) [5] и Японией – «Укрепление устойчивости населения и региональное сотрудничество в области противодействия насильственному экстремизму» (порядка 7 млн долл. США) [6].

Исполнительными и координирующими структурами по указанным программам выступают подразделения ООН и ОБСЕ, а также Центр по противодействию насильственному экстремизму «Хедайя» (Абу-Даби, **Объединенные Арабские Эмираты**) во взаимодействии с различными гражданскими институтами, фондами, НПО, представителями местного гражданского общества, действующими нередко в обход государства и соответствующих компетентных органов.

Под видом распространения наилучшего опыта в антиэкстремистской сфере (обучения «профилактике экстремизма», «недопущения авторитаризма и репрессивной политики правительств», «продвижения демократии и прав человека») потенциально создаются условия для вмешательства во внутренние дела государств вплоть до провоцирования «цветных революций».

Закрепление в государствах Центральной Азии западных приоритетов в части, касающейся оценки угроз и организации деятельности по противодействию терроризму и экстремизму, способно нанести ущерб национальным интересам России.

В противовес западной концепции ПНЭ Россия активизировала работу по продвижению на международной арене, подписанной в 2017 г. и ратифицированной Россией, Китаем, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном Конвенции Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по противодействию экстремизму.

В Конвенции закреплены фундаментальные положения об опасности экстремизма как питательной среды терроризма, ведущей роли государств и их компетентных органов в противодействии экстремизму и терроризму, необходимости соблюдения международного права и Устава ООН, прежде всего уважения принципов суверенитета и равноправия государств, невмешательства в их внутренние дела, осуждения идеологии и практики экстремизма во всех его формах и проявлениях и недопустимости публичных призывов и подстрекательства к экстремистским действиям.

Конвенция формирует механизмы взаимодействия государств-членов в сфере предупредительно-профилактической деятельности, совместного противодействия экстремизму, оказания правовой помощи и способствует унификации законодательства подписавших ее стран. Конвенция имеет универсальный характер и открыта для подписания странами, не входящими в ШОС. Это особенно актуально в настоящее время, когда после завершения активной фазы боевых действий российских Вооруженных сил в Сирии отмечается перенос центра тяжести противостояния террористическому интернационалу с Ближнего Востока в приграничный с Россией центрально-азиатский регион [4].

США напрямую проводят свою активную политику в Центральной Азии. Регион рассматривается Вашингтоном, прежде всего, через призму афганского урегулирования. Одной из задач США – это встраивание Афганистана в систему экономических связей Центральной Азии, а также объединение ее транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры с соответствующими странами Южной и Восточной Азии, а также Ближнего Востока с целью разрыва ее многолетних разноплановых связей с Российской Федерацией. В этом плане можно рассматривать решение о создании консультативного формата «страны Центральной Азии – Афганистан». Задачам проникновения и закрепления США в Центральной Азии подчинен созданный в ноябре 2015 г. новый механизм взаимодействия с Центральной Азией в формате «С5+1».

В центрально-азиатском регионе США рассматривают Узбекистан в качестве важного партнера, при этом исходят из того, что без участия Ташкента ни один крупный вопрос в регионе решить не удастся. Как следствие этого факта Соединенные Штаты оказывают на Узбекистан активное финансовое давление, подсаживая его, таким образом, на «экономический крючок».

США намерены использовать заинтересованность Узбекистана во внешней финансовой помощи и содействии в области безопасности для вовлечения

Ташкента в более тесное сотрудничество, в том числе в рамках нового формата взаимодействия «С5+1», а также в военной сфере. Отмечаются попытки увязать стремление узбекского руководства к получению ВВТ с продвижением диалога по вопросу размещения на территории страны американской военной базы.

Суть политики США в Центральной Азии можно выразить известной фразой У. Черчилля: «Центральная Азия – это та дойная корова, которая еще дожидается своего крокодила». Сейчас на роль такого «крокодила» претендуют Соединенные Штаты, которые в соответствии с действующей ныне внешнеполитической доктриной, провозглашенной американским руководством, принимают самостоятельные решения и осуществляют упреждающие действия в том случае, если ими выявляется угроза для американской безопасности. В этой доктрине не исключается проведение военных операций, мотивированных любым проявлением агрессивности против США. При их обнаружении оценка таких проявлений – прерогатива самих Соединенных Штатов. Таким образом, исходя из внешнеполитической линии Вашингтона, можно утверждать, что любые политические процессы в суверенных государствах Центральной Азии будут рассматриваться исключительно через призму защиты национальных интересов США [3].

Таким образом, суть политики США – связать в единое военно-стратегическое и геополитическое целое Центральную Азию, Афганистан, Ближний Восток, Индию, Пакистан и весь этот регион поставить под свой контроль, тем самым максимально минимизировать влияние России, Китая и Ирана в этом регионе [7].

Именно поэтому США выделили странам Центральной Азии по линии «Фонда антитеррористического партнерства» Пентагона 20 млн долл. в 2016 г. и 30 млн долл. в 2017 г. [8] Вашингтон намерен активнее вкладываться в сферу безопасности в Центральной Азии, аргументируя это тем, что связанные с ситуацией в Афганистане региональные проблемы представляют вызов интересам национальной безопасности США, их союзников и партнеров.

В фокусе внимания США – противодействие проникновению и закреплению в регионе террористических организаций, в т. ч. «Движения талибов» и ИГ, помощь в обеспечении стабильности. Выделяемые средства планируются пустить в первую очередь на содействие охране границ.

Речь идет в основном о содействии Таджикистану, который США рассматривают в качестве «ключевого партнера» в обеспечении безопасности в регионе. При этом именно Таджикистан в наибольшей степени зависим от американской военной помощи, сумма которой составляет 29 млн долл., что составляет почти 28% ежегодного военного бюджета Таджикистана [9].

Таким образом, экспорт демократии и создание цивилизованного гражданского общества в настоящее время не является самоцелью политики США в Центральной Азии. Это лишь инструмент для решения определенных геополитических задач, которым отданы приоритеты во внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов. Та финансовая и экономическая помощь США центрально-азиатским государствам покрывает лишь небольшую часть их насущных потребностей. Более того, создается впечатление, что такое

содействие Вашингтона предназначено лишь для того, чтобы склонить эти государства к выполнению определенных действий, находящихся в сфере американских интересов, что не решает реальные проблемы центрально-азиатского региона [7].

Растет внимание к центрально-азиатскому региону со стороны **Евросоюза**. Центральная Азия рассматривается ЕС в качестве стратегически важного региона, прежде всего, с точки зрения обеспечения своей энергетической безопасности и создания своеобразного буфера против проникновения в Европу терроризма, экстремизма под флагом ислама, наркотиков и нелегальных мигрантов. ЕС стремится расширить свое присутствие в центрально-азиатском регионе путем реализации программ развития, на которые выделяются значительные финансовые средства. Кроме этого, Евросоюз всячески поощряет внутрирегиональные связи и проекты без привлечения России, но с их переориентацией на юг в сторону Афганистана. Как следствие, Брюсселем игнорируются сложившиеся в Центральной Азии форматы сотрудничества с российским участием.

Для ЕС приоритетом является энергетическая отрасль. Ставится цель поставить под свой контроль добычу, переработку и экспорт на внешние рынки центрально-азиатских углеводородов. При этом планируется создание альтернативных маршрутов их транспортировки в обход России [3].

17 июня 2019 г. на заседании Совета ЕС по иностранным делам в Люксембурге были приняты «заклучения» по Центральной Азии вместе с представленным 15 мая 2019 г. Еврокомиссией и Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини докладом «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства». Эти два документа будут представлять рамочную основу будущей политики ЕС на центрально-азиатском направлении. Новая стратегия заменит собой аналогичный документ от 2007 г. Формально Стратегия рассчитана на 5–10 лет, и основной упор в ней делается на три приоритета [10]:

- укрепление устойчивости стран Центральной Азии путем развития демократии, верховенства закона, соблюдения прав человека, женщин, детей, меньшинств, свободы выражения мнений, ассоциаций, борьбы с дискриминацией и пытками;

- повышение благосостояния. Подразумевается оказание поддержки модернизации экономики, усиленное сопровождение реформ и контроль за финансовой, монетарной и фискальной политикой стран Центральной Азии. Брюссель собирается наращивать торговлю с центрально-азиатскими государствами, содействовать ее развитию внутри региона, вступлению всех стран Центральной Азии в ВТО, привлечению зарубежных инвестиций. ЕС намерен добиваться предсказуемых условий для ведения бизнеса в регионе, внедрять свои технологические стандарты;

- совершенствование совместной работы. В дополнение к диалогу ЕС – ЦА высокого уровня по вопросам безопасности предусматривается создание нового поста эксперта ЕС по безопасности и контртерроризму для Центральной Азии, а

также проведение в формате «адhoc» экспертных встреч ЕС – ЦА по предотвращению насильственного экстремизма и борьбе с терроризмом.

Евросоюз намерен также расширять практическое взаимодействие со странами Центральной Азии в реформировании их сектора безопасности, уплотнять взаимодействие по кризисному регулированию и миротворчеству, внедрять в ткань двустороннего диалога тему «гибридных угроз», которые, в понимании ЕС, исходят в первую очередь от России, а также заняться укреплением кибербезопасности Центральной Азии.

В то же время руководство ЕС рассчитывает, что активизация партнерства с Узбекистаном как с основным партнером в регионе будет способствовать укреплению безопасности стран ЕС от террористических угроз. Это взаимодействие планируется осуществлять на двусторонней основе, а также в координации с ОБССЕ и Региональным центром ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии.

Взамен ЕС считает возможным снизить критическую тональность в диалоге с Ташкентом по «правочеловеческой» тематике. Одновременно эти усилия призваны ослабить влияние России на Узбекистан и регион Центральной Азии.

Также в Центральной Азии усиливается **Китай**. В политическом плане Пекин выступает за минимизацию влияния военного присутствия США и их союзников в регионе, активно сотрудничает с Россией, в том числе в ШОС, в противодействии распространению терроризма, экстремизма и наркотиков. Вместе с тем Китай активно расширяет свою вовлеченность в экономические дела региона, финансируя многочисленные проекты, в том числе малого и среднего бизнеса. Этому способствует китайская инициатива «Один пояс, один путь». Китай увязывает углубление сотрудничества с **созданием надежного коридора поставок товаров и услуг в Европу и страны Персидского залива**, а также с развитием западных и центральных районов Китая, особенно Синьцзян-Уйгурского автономного района. Кроме того, **Пекин заинтересован в переносе в Центральную Азию ряда избыточных, энергозатратных и «грязных» производств** в ходе осуществления внутренних структурных реформ.

Уместно подчеркнуть, что именно в Центральной Азии Китай добился своего признания в качестве регионального актора. Хотя, по заявлениям китайского руководства, основными стратегическими направлениями внешней политики Китая являются южное (Тайвань) и восточное (США и Япония), Центральная Азия, находящаяся на северо-западе, рассматривается в качестве своеобразного тыла Китая [7].

В настоящее время в международных делах Пекин придерживается принципа «не становиться головой», то есть не принимать на себя бремя лидерства. Кроме того, Китай предпочитает участвовать не в альянсах и военных блоках, а строить двусторонние отношения по принципу стратегического партнерства (Россия, ЕС, АСЕАН и т.д.). Это дает ему право не брать на себя жестких обязательств. Однако нет сомнений в том, что по мере возрастания экономической и военной мощи Китая этот принцип будет пересмотрен [7].

Одной из причин развития сотрудничества Китая с центрально-азиатскими государствами является также принятая в Китае так называемая «Программа освоения Запада» (СУАР, Тибет, некоторые северные и западные провинции). Известно, что население Китая увеличивается ежегодно примерно на 16 млн человек, то есть на столько, сколько составляет население, например, такой страны, как Казахстан. При этом китайское правительство разработало программу переселения 250 млн человек из центральных районов страны в северные и западные провинции, непосредственно граничащие с государствами Центральной Азии. Не трудно предположить, к каким последствиям может привести реализация такой программы. Официальные власти Китая категорически отрицают такое переселение, хотя и не дают по этому вопросу никакой статистики [1].

Важнейшим элементом продвижения **турецких интересов** в Центральной Азии является сотрудничество в гуманитарной сфере, учитывая историческую, языковую, культурную общность народов. Не связывая себя в Центральной Азии крупномасштабными инвестиционными проектами, Турция предпочитает продвигать, с использованием элементов «мягкой силы», культурные и образовательные программы. В Центральной Азии действует Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Совет старейшин, Всемирная ассамблея тюркских народов, которая занимается изучением общих исторических корней тюркской культуры. Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ) не ограничивает свою деятельность культурно-просветительской сферой, занимаясь также вопросами политических и торгово-экономических отношений между тюркоязычными странами Центральной Азии [11].

Свою «экспансию» в Центральной Азии Турция начала сразу по трем направлениям: политическом, идеологическом и экономическом. Были использованы возможности дипломатии, частного турецкого бизнеса, различных общественных, религиозных и политических структур. С Соединенными Штатами была достигнута договоренность о том, что западная финансовая помощь центрально-азиатским государствам пойдет через турецкие финансовые структуры. У Запада была надежда на то, что проникновение турецкого капитала в Центральную Азию, открытие на ее территории турецких школ и лицеев, светский характер государственности Турции сделают ее основным посредником между Центральной Азией и Европой [1].

Турция оказывает влияние на внутривнутриполитические процессы Киргизии, действуя через турецкое религиозное сообщество «Нурджулар». Данная религиозная организация занимается сбором информации в политической, экономической, межконфессиональной и других сферах в центрально-азиатском регионе, используя методы конспирации, осуществляет внедрение и дальнейшее продвижение своих последователей в органы власти и управления [12].

Основным проектом Турции для центрально-азиатских государств в этот период стало предложение о создании наднационального тюркского экономического пространства, которое включало бы создание:

- тюркского общего рынка;

- единой энергосистемы и системы транспортировки энергоресурсов;
- регионального банка развития;
- установление безвизового движения граждан;
- единого общего языка для тюркских народов.

Основными направлениями, по которым ведется данная деятельность:

- пропаганда турецкой модели развития;
- противостояние деятельности в центрально-азиатском регионе иранским и арабским радикальным «исламистам»;
- подготовка кадров различного профиля для молодых центрально-азиатских государств.

Такая политика проводилась не только официальными органами Турции, но и через различные общественные и религиозные организации и стала самой большой политической ошибкой турецкого руководства в Центральной Азии. Правящая элита центрально-азиатских государств не захотела менять русского «старшего брата» на турецкого. Кроме того, экономическая слабость Турции, ее зависимость от Запада, а также рост национального самосознания в государствах центрально-азиатского региона не позволили Анкаре занять в регионе то место, которое ей хотелось [1].

В настоящее время основными внешнеполитическими задачами для Турции являются: членство в Евросоюзе и решение проблемы Курдистана, поэтому проблемы и задачи, связанные с Центральной Азией, не носят первостепенный характер. Новая политика Турции в центрально-азиатском регионе заключается в развитии двусторонних экономических отношений, предоставлении кредитов государствам региона, активное участие в региональных экономических проектах. Однако активный интерес Турции вызывает приграничная с центрально-азиатским регионом Россия, которую она обвиняет в поставке оружия курдским террористам через международное преступное сообщество, возглавляемое «вором в законе» Захарием Калашовым [13].

Турция не смогла добиться усиления своего влияния в Центральной Азии, и в ближайшей перспективе ей это вряд ли удастся, так как теперь ее конкурентами в регионе стали Россия, США и Китай [1].

Активно работает в центрально-азиатском регионе **Иран**. Согласно принятой в 2005 году 20-летней стратегии развития Иран стремится стать лидером Ближнего и Среднего Востока и выйти на передовые позиции в экономической, научной и культурной сферах деятельности. Это приоритетная задача, хотя в разные исторические периоды происходит эволюция средств и методов ее достижения. Как заявил руководитель комитета по разработке стратегии М. Резан: «Иран станет вдохновителем исламского мира и цивилизациеобразующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях» [7].

Вместе с тем наличие нескольких идентичностей отнюдь не приводит к «внешнеполитической шизофрении». Иранской элите удастся совмещать их и использовать по мере надобности. Так, использование активной религиозной

риторики и идей паншиитского единства позволило руководству Ирана мобилизовать силы иракских, афганских, ливанских и пакистанских шиитов с целью использовать их в интересах защиты непосредственно самого Ирана в нынешней гражданской войне в Сирии, направив туда отряды шиитских «добровольцев» со всего региона. С другой стороны, для самих иранцев руководство страны предложило другой нарратив – объяснив необходимость участия в сирийской войне защитами национальной безопасности, инкорпорируя ее в т.н. теорию «цепи сопротивления» («сельселе-йемукавемат»), которая подразумевала иранское присутствие в Ливане, Сирии и Ираке необходимостью дать ответ на угрозы, возникшие для национальной безопасности Ирана на дальних рубежах, коими и выступили указанные государства. В этом ключе наличие нескольких внешнеполитических «Я» у Тегерана является даже своеобразной сильной стороной Ирана, когда их используют правильно. В этом плане нельзя не согласиться с Верховным лидером Ирана С.А. Хаменеи, который в сентябре 2014 г. объяснил силу региональной политики Ирана исламом, персидским языком и шиитским мазхабом. С его слов, именно эти три вещи обеспечивают «стратегическую глубину иранских региональных позиций».

Основной целью политики Ирана в отношении Центральной Азии является не только стремление развития политических отношений с центрально-азиатскими странами и получение экономических выгод, но и использование этих отношений в интересах выхода из международной изоляции.

Современная политика Ирана в Центральной Азии базируется на идее культурной общности региона, пропаганде необходимости культурного возрождения, на котором должна базироваться истинная независимость государства. Иран использует идеи общей культуры для укрепления своего влияния в центрально-азиатских государствах. По мнению Тегерана, этому способствуют общее культурно-историческое прошлое, общие границы, экономические основы и торговые связи. Иран готов предоставить государствам Центральной Азии выход к Персидскому заливу для транспортировки энергоресурсов. Причем вопрос трубопроводов из Центральной Азии имеет для Ирана стратегическое и экономическое значение, так как страна, через территорию которой они будут проходить, станет значимой региональной силой. Однако проникновению Ирана в регион активно препятствуют не только США, но и арабские страны, с которыми у него сложные отношения и которые оказывают свою поддержку Турции и Пакистану [7].

Этническая близость Ирана с Таджикистаном (обе нации персидского происхождения) является основой особых отношений этих двух стран. Иран пытается объединить ираноязычные государства региона: Афганистан, Иран и Таджикистан в единое экономическое и культурное пространство. С этой целью было принято решение о создании трехсторонней комиссии по сотрудничеству с центром в Кабуле. При этом было подчеркнуто, что «безопасность Афганистана и Таджикистана зависит от Ирана, а безопасность Ирана – от безопасности в этих странах» [7]. Особую озабоченность Тегерана в настоящее время вызывает возможность «цветных» революций в соседних с ним

государствах. Скорее всего необходимость противодействия этим явлениям будет определять приоритетные направления его внешнеполитической деятельности в Центральной Азии в ближайшем будущем.

Отношения Ирана с Казахстаном и Узбекистаном носят умеренно доброжелательный характер, причем основная ставка делается на Узбекистан. Эти отношения ограничиваются совместными экономическими проектами, которые не приносят Тегерану политических дивидендов, так как существенно зависят от состояния отношений этих двух стран с Вашингтоном [1].

Особые отношения Ирана и Туркменистана обусловлены общей границей и международной изоляцией обоих государств, хотя и по разным причинам. Они просто обречены на сотрудничество. Ирано-киргизские отношения носят крайне ограниченный характер. Иран играет активную роль в конфликте Таджикистана и Узбекистана посредством вербовки политической элиты Таджикистана и финансирования оппозиции (ПИВТ, Группа 24).

Наблюдается активизация политики **Японии** в отношении Центральной и Южной Азии. Проекты под эгидой ПНЭ активно внедряются в центрально-азиатский регионе через многочисленные «программы» техпомощи по линии ООН, ОБСЕ, Совета Европы и др. международных и региональных организаций. Так, на деньги Запада осуществляются следующие специальные программы по ПНЭ для Центральной Азии: разработанная Секретариатом ОБСЕ «Концепция комплексно-интегрированной пилотной программы для государств Центральной Азии в сфере противодействия терроризму» на 2018–2023 гг.; проект ПРООН «Региональная инициатива по усилению устойчивости местных сообществ и региональному сотрудничеству с целью противодействия насильственному экстремизму, ведущему к терроризму в Центральной Азии». И, что немаловажно, согласно данным «Российской газеты», финансирование этих проектов в размере 6 млн долл. США осуществляется именно Японией [14].

Важное стратегическое положение центрально-азиатского региона обуславливает значимость данного региона для внешней политики **Индии**. Причины такой ситуации лежат в политической и экономической плоскостях [1].

В государственных интересах Индии в отношении Центральной Азии существенное место занимает то, что центрально-азиатские страны могут играть важную роль в борьбе с экстремистами в районе Кашмира, что имеет важное значение для стабилизации границ и общества Индии. Индия – второе после Индонезии крупнейшее государство мира по численности мусульманского населения, равного 150 млн человек, и поэтому поддерживать хорошие отношения с соседними мусульманскими государствами для нее жизненно необходимо.

Индия не готова в настоящее время расширять свое сотрудничество со странами Центральной Азии, чтобы это не вызвало недовольство США и не нанесло вред их двусторонним отношениям, которые в последнее время развиваются достаточно активно. Вообще в своей внешней политике Индия стремится диверсифицировать свои внешние приоритеты и придерживаться принципа «равноудаленности» в отношениях с «великими» державами [7].

К экономическим интересам Индии к Центральной Азии в первую очередь следует отнести газовые и нефтяные ресурсы данного региона, которые имеют огромную притягательную силу для Индии, бедной энергоносителями и электроэнергией. Индия, как и Китай, стремится сделать Центральную Азию потенциальным источником своей энергетики. К 2025 году, чтобы обеспечить устойчивый уровень экономического роста, Индия должна увеличить уровень потребления энергии примерно в 2 раза. Поэтому главной причиной стремления Индии к сотрудничеству с центрально-азиатскими государствами являются, помимо интересов в сфере безопасности, ее интересы в энергетической сфере. Кроме того, вступление Индии в ШОС в качестве наблюдателя было вызвано еще и тем, чтобы не допустить укрепления позиций Пакистана в этой организации [1].

Политика **Афганистана** по отношению к Центральной Азии в настоящее время определяется двумя факторами: стремлением США, согласно концепции «Большой Центральной Азии», связать воедино центрально-азиатские государства и Афганистан и ее возможной многовариантностью в случае победы талибов или распада Афганистана на два государства.

В северных провинциях Афганистана складывается непростая военно-политическая обстановка. Там находятся около 8 тыс. членов различных террористических группировок. Происходит концентрация вооруженных бандформирований на афганском берегу р. Пяндж. Согласно статистике таджикские военные с начала 2015 г. пресекли 62 факта нарушения государственной границы, причем треть случаев составляли попытки ее пересечения с оружием в руках.

Проведя анализ происходящего, можно выделить некоторые тенденции в сложившейся обстановке, которые не прослеживались ранее.

Во-первых, деятельность групп боевиков в Афганистане управляется и финансируется со стороны США, Великобритании, **Саудовской Аравии** и Пакистана [15]. Боевикам установлено ежемесячное содержание в размере от 500 до 1500 долларов США. В случае болезни или ранения им выдается около 2000 долларов. Раньше такого финансового и продовольственного обеспечения не было. Другое изменение заключается в новом подходе к проведению террористических актов. Если ранее боевые вылазки носили стихийный характер, то сейчас террористические операции основательно планируются и прорабатываются, что повышает их эффективность и упрочняет достижение результата.

Во-вторых, пополнение террористических организаций, которое прибывает через территорию Пакистана, большей частью состоит из граждан Центральной Азии. Из Пакистана они переправляются далее в Кундуз и Бадахшан. В предыдущие годы такого количества боевиков в этих районах не наблюдалось. Сейчас же новое пополнение экстремистских рядов приходит довольно быстрыми темпами. При сохранении интенсивности процесса ситуация способна повлиять не только на безопасность центрально-азиатского региона, но и несет угрозу безопасности России.

В-третьих, если ранее значительная часть многонационального населения Кундуза, за исключением большинства пуштунов, была едина в противостоянии движению талибов, то в настоящее время единства не наблюдается, а прослеживается усиление целенаправленно разжигаемой клановой розни, особенно между таджиками и пуштунами. Причем приграничные с Таджикистаном пуштуно-населенные территории используются для создания инфраструктуры и привлечения в эти местности еще большего количества боевиков.

В-четвертых, особого внимания заслуживает то, что в Северном Афганистане в последнее время усилилась работа по распространению радикальных и экстремистских идей, которая успешно проводится среди молодежи богословами, получившими религиозное образование в высших учебных заведениях Ирана, Пакистана, Индии и Саудовской Аравии. В мечетях перед проповедями отдельными лицами даются конкретные указания имамам о субстантивном наполнении проповеди. Сельские мечети обязаны вовлечь определенное количество молодежи в ряды группировок.

В-пятых, противостояние правительственных сил боевикам осложняется еще и тем, что президент Афганистана призвал силовые структуры воздерживаться от применения авиации и бомбардировок, мотивируя это тем, что в результате ударов страдают мирные жители и инфраструктура населенных пунктов. В силу этого, несмотря на большое количество личного состава и техники на территории провинции Кундуз, их возможности по отражению террористических атак ограничены. В настоящее время более семи тысяч военнослужащих правительственных сил находятся на территории области, однако во время проведения целевых операций из Кабула даются приказы о неприменении огня.

С учетом происходящего в северных провинциях Афганистана и усиления влияния «Исламского государства» в этих районах таджикские власти инициировали абсолютно на всех уровнях пропагандистские мероприятия в целях информирования о возможных последствиях присоединения к террористическим группировкам, а также формирования у населения не просто негативного имиджа ИГ, а отвращения к проповедуемым им идеям. Не остается и без внимания вопрос укрепления самой границы с сопредельным Афганистаном. В этой связи Таджикистан периодически обращает внимание мирового сообщества на слабую техническую оснащенность погранвойск, стремясь привлечь как можно больше современных технических средств для эффективной охраны госграницы.

Следует также отметить вариантность причин, подталкивающих граждан вступать в ряды ИГ. Применительно к Таджикистану традиционно перечисляются такие причины, как: низкий уровень жизни, социальная и правовая незащищенность, клановость, недоверие к государственной власти, а также соседство с потенциальными «горячими точками». И лишь недавно стали говорить о психологическом аспекте, который активно используется эмиссарами ИГ при вербовке. Как представляется, наиболее точно описал психологическую составляющую американский специалист Н. Такер, отметив, что

жители центрально-азиатского региона, которые в каком-либо формате симпатизируют идеям ИГ – это в большинстве своем молодые трудовые мигранты, которые мало знают об исламе как о религии. Скорее они видят в исламе возможность обрести утешение, объяснение экономических трудностей, которую они испытывают на себе. В общем и целом психологические причины лежат в основе стремления «взбунтоваться», стать частью чего-то «великого», избавиться от чувства отчуждения и осуществить собственную склонность к насилию – именно эти факторы приводят к экстремистским политическим взглядам ту небольшую часть молодежи, которая испытывает желание вступить в ИГ.

Тем не менее, власти Таджикистана признают отдельные случаи проявления деятельности ИГ в республике несмотря на то, что официально власти до последнего времени отрицали наличие какой-либо угрозы, связанной с ИГ и исходящей изнутри страны. Подобное молчание и соблюдение конфиденциальности может трактоваться как нежелание создавать преждевременную панику среди населения.

Таджикистан реально сталкивается с угрозами и вызовами, исходящими с афганской территории, поскольку ситуация в приграничных северных провинциях Афганистана продолжает ухудшаться. И при нынешнем стечении обстоятельств необходимо быть готовыми к различным вариантам развития событий на приграничных участках с сопредельным Афганистаном, в том числе и акциям провокационного характера. Учитывая географическую близость ИГ к Таджикистану официальному Душанбе, очевидно, придется использовать весь набор инструментов (правоохранительных, информационных, психологических и др.) в целях предотвращения распространения влияния ИГ на территории республики.

В этом контексте, по мнению Содикова Ш.Д., ключевую роль играет то, что таджики в Афганистане являются второй по численности этнической группой. Население таджиков в Афганистане составляет 38% от общего количества населения страны, что насчитывает около 13 млн чел. Таджики составляют большинство населения в пятнадцати провинциях Афганистана [16].

Он также добавляет, что многие западные государства самостоятельно безуспешно пытались повлиять на ситуацию в Афганистане, не осознавая того, что без тесного сотрудничества с Таджикистаном и Узбекистаном их операции не могут быть увенчаны успехом. Все попытки урегулировать ситуацию в Афганистане силовыми методами были тщетны и приводили лишь к раздуванию конфликта [16].

Негативные процессы в Афганистане вызывают серьезную тревогу, так как они неизменно отражаются на безопасности в Центральной Азии. В последнее время заметно активизировались радикальные группировки. Ряд из них присягнули на верность «Исламскому государству». Например, за последние месяцы к ИГ примкнуло несколько полевых командиров «Исламского движения Узбекистана» и других более мелких организаций. Особый акцент преступные элементы делают на работе в проблемных районах – Ферганской долине, Раштской зоне, Ошской и Джалал-Абадской областях.

Создают там нелегальные структуры с прицелом на распространение влияния по всему региону. Эмиссары привлекают в свои ряды новых сторонников, в том числе налаживая связи с подпольными ячейками «Хизбут-Тахрир».

Согласно данным информационного агентства «EurAsiaDaily» в Афганистане насчитывается около 6 тыс. «игиловцев» (ИГИЛ – запрещенная в РФ организация). При этом общая численность экстремистов в северном приграничье страны превысила 15 тыс. чел [17]. Сторонники ИГ выявлены в 25 из 34 афганских провинций. Имеются сведения о том, что руководство ИГ реализует планы создания в азиатском регионе государственного образования «Хорасан». Действует также новая группировка «Лашкар-е-Хорасан», позиционирующая себя в качестве независимой от ИГ, однако преследующая аналогичные цели – смена в странах Центральной Азии правительств и установление в них законов шариата. Половину ее сторонников составляют выходцы из стран Центральной Азии. Кроме того, в одном из лагерей в Нуристане на востоке страны около 200 боевиков ИГ изучают русский язык с конкретными целями ведения подрывной деятельности в Центральной Азии. Для финансирования своих «проектов» на территории Бадахшана террористы создали 7 нарколабораторий. Кроме того, боевиками захвачены некоторые золотоносные рудники и месторождения драгоценных камней.

Многие страны, прежде всего западные, сильно недооценивают, а скорее намеренно занижают, расширение деятельности ИГ в Афганистане. Несмотря на определенные потери ИГ в Афганистане, в том числе ликвидацию одного из ее лидеров Санда Хафеза Хана, эта МТО продолжает реализовывать стратегию превращения Афганистана в плацдарм для переноса своей террористической деятельности на Центральную Азию, Пакистан, Индию, Иран и Китай.

Распространение теругроз происходит не стихийно. Прослеживается стремление внешних сил направить терактивность с территории Афганистана на Центральную Азию. Сейчас США и их союзниками предпринимаются активные попытки ослабить традиционно сильные интеграционные связи между Россией и странами Центральной Азии и превратить центрально-азиатский регион в «новый Ближний Восток».

Пакистан твердо следует в русле политики, проводимой США. После оказания помощи в их борьбе против талибов в Афганистане Пакистан получил статус основного союзника США вне НАТО.

Изменение положения Афганистана в стратегических планах Соединенных Штатов позволяет говорить о том, что Афганистан в настоящее время представляет собой основной стратегический центр для продвижения американской экспансии на центрально-азиатском, иранском и китайском направлениях. Поэтому значение Пакистана для США значительно уменьшилось.

Интерес Пакистана к сотрудничеству с центрально-азиатскими государствами обусловлен прежде всего экономическими причинами. Потребности Исламабада в энергоресурсах, а также возможность прокладки транспортных артерий из Центральной Азии на побережье Индийского океана через его территорию могут рассматриваться партнерами как один из возможных в будущем вариантов взаимовыгодного сотрудничества.

Серьезную угрозу безопасности Российской Федерации представляет собой участие иностранных террористов-боевиков (ИТБ) из стран Центральной Азии на стороне ИГ. Около 20% боевиков ИГ представляют собой граждане с постсоветского пространства, что составляет, по данным некоторых экспертов, около 20 тыс. человек.

В научных трудах подробно разобрана тема роли и места интернет-ресурсов. Тем не менее, в последнее время встречаются факты использования боевиками информационно-пропагандистской ресурсной базы в странах Центральной Азии, противопоставления своего «правильного ислама» «неверным», для чего используют такие интернет-платформы, как Фейсбук, Твиттер, ВКонтакте и Одноклассники. Вербовка ведется путем умелой игры на чувствах особо уязвимых слоев населения в отношении социально-экономического положения в странах и межэтнических противоречий. Интернет также используется для сближения идеологии ближневосточных и северокавказских экстремистов.

Выделяются факторы, побуждающие отдельных социально-дезорientированных субъектов становиться в ряды террористов ИГ:

а) притягательные для молодежи ваххабитско-салафитские пансламские лозунги;

б) победы ИГ в Ираке и Сирии, контроль внушительной части территории этих стран;

в) новизна и масштабность идеи ИГ по сравнению с предыдущими МТО;

г) относительно высокий по сравнению с родиной уровень жизни в «халифате», возможность привести или создать на месте семью, владеть женщинами-рабынями;

д) легкость въезда на территорию ИГ через Турцию и отдельные страны Персидского залива;

е) пропагандируемый так называемый «исламский рай» с социальной справедливостью, занятость для всех, бесплатная медицина и образование.

Радикализация населения является достаточно острой проблемой для стран Центральной Азии, в особенности в районе Ферганской долины (пограничье Киргизии, Таджикистана и Узбекистана).

Согласно данным информационного агентства «Sputnik» в ИГ наибольшее количество ИТБ – этнические узбеки (от 500 до 2,5 тыс. чел.), затем – казахи (250–1000 чел.), туркмены (360 чел.), таджики (190 чел.), киргизы (100–500 чел.) и уйгуры (300–1000 чел.). Большинство из них объединяются в отряды (джамааты) по этническому и языковому признаку, взаимодействуют в основном с «Джамаат Ансаруллах» и его союзниками [18].

По оценкам отдельных политологов, в распоряжении радикалов имеются свыше 100 лагерей подготовки. 85 из них находится на территории Сирии, 32 – в Ираке. Северокавказским отрядам принадлежит 11 из них, узбекским – 4, уйгурским – 2, казахским – 1. В структуре ИГ существует отдельное подразделение для выходцев из Таджикистана численностью более

600 человек, которое взаимодействует с туркменскими боевиками. В его состав входят такие группировки, как «Таблиги Джамаат», «Джамаат Ансаруллах», «Салафия», «Хизбут-Тахрир» (запрещенная в РФ организация).

Россия считает необходимым в достаточно настоящем ключе ориентировать зарубежных партнеров на энергичную работу в интересах укрепления взаимодействия на направлениях международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, включая все более чувствительную сейчас сферу предупреждения терроризма и экстремизма. Это особенно важно с учетом статуса России и Казахстана как членов Совбеза ООН, реализованного при поддержке России назначения Казахстана председателем санкционного комитета СБ ООН против ИГИЛ и «Аль-Каиды» (запрещенная в РФ организация) [19].

Стоит отметить настороженность России в отношении поведения центрально-азиатских государств: в указанных важнейших областях международных отношений партнеры далеко не всегда справляются с функциями надежных союзников, более того – зачастую действуют в автономной от России роли, все больше ориентируясь на некие императивы налаживания взаимоотношений с Западом (Казахстан со своей гос. программой «Болашак»). Как показывает практика, центрально-азиатские государства покорно и некритически воспринимают политические и идеологические задачи, которые ставит перед ними Запад, не ощущая или не предвидя в должной мере пагубных последствий такого конформизма в международных отношениях. Известно, что такое заигрывание с Западом скорее приводит к нулевому, а то и отрицательному для них результату [20].

В частности, одним из основных проблемных моментов является продвижение в Центральной Азии энергично навязываемой Западом на замену традиционному контртерроризму концепции «противодействия насильственному экстремизму». Соответствующие проекты «техпомощи» в сфере ПНЭ активно внедряются через международные организации (прежде всего по линии ООН, ОБСЕ) в Казахстане, Таджикистане, Киргизии [21].

Понятно, какие политические и геополитические цели за всем этим стоят – на примере все той же Украины и т.н. «арабской весны» всем должно быть вполне очевидно, что экстремистская пропаганда может (в начале и без насилия), особенно поддерживаемая извне, вести к разрушению закона и порядка, традиций и устоев, к дестабилизации государства и общества, опаснейшему нарушению прав массы людей. Убедительным примером тому является целенаправленное информационное «ненасильственное» нагнетание протестных, антиправительственных настроений, создавших условия для дальнейшего паралича власти в ряде современных государств. Уместно предположить, что сегодняшними целями западной «геополитической инженерии» являются как раз союзники России в Центральной Азии [22].

Таким образом, можно констатировать, что конкуренция на центрально-азиатском пространстве продолжает усиливаться. Это учитывается всеми государствами региона, которые проводят многовекторную внешнюю политику, стремятся к диверсификации этих экономических связей, используют в своих целях элементы соперничества в треугольнике Россия–США–Китай.

Развитие военно-политической обстановки в Центральной Азии будет в определенной степени зависеть от ситуации в соседнем Афганистане, эволюции внешнеполитических приоритетов центрально-азиатских лидеров. Вместе с тем, балансируя между мировыми центрами силы, государства центрально-азиатского региона будут рассматривать Россию, по крайней мере, на среднесрочную перспективу, в качестве основного гаранта своей безопасности перед лицом новых вызовов и угроз, а также главного торгово-экономического партнера. Жесткий и плотный мониторинг властей за обстановкой в центрально-азиатских республиках пока исключают возможность организации (в том числе и из-за рубежа) сколь-нибудь масштабных антиправительственных выступлений, особенно с учетом отсутствия в большинстве стран организованной самостоятельной системной оппозиции и наличия российского военного базирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Васильев Л.Е.* Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. М.: Учреждение Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, 2009. 172 с.
- [2] *Ханалиев Н.У.* Триумф российской военно-политической дипломатии на большом Ближнем Востоке // *Власть*. 2017. Т. 25. № 12. С. 166–171.
- [3] *Антюхова Е.А.* «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки // *Национальный интерес*. 2016. Т. 27. № 3. С. 147–167.
- [4] Посольство России в Германии. URL: <https://russische-botschaft.ru/ru>. Дата обращения: 08.03.2020.
- [5] ЕС потратит в РК \$10 млн на усиление устойчивости к насильственному экстремизму в Азии // *АрмИнфо*. 20.08.2019. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=44544&lang=2. Дата обращения: 20.03.2020.
- [6] ПРООН запускает финансируемый Японией проект по предотвращению насильственного экстремизма в ЦА // *Контртеррористический комитет Казахстана*. URL: <http://ctc-rk.kz>. Дата обращения: 23.03.2020.
- [7] *Васильев Л.Е.* Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии // *Возможность изменения ситуации в Афганистане*. М.: Изд. ИДВ РАН 2011. 87 с.
- [8] Таджикистан получит большую часть запрошенных Пентагоном \$50 млн на борьбу с терроризмом в Центральной Азии // *CentralAsia*. 22.02.2016. URL: <https://centralasia.media/news:1114133>. Дата обращения: 22.03.2020.
- [9] Таджикистану оказали гумпомощь на более чем \$29 млн // *Vzglyad.az*. 19.09.2018. URL: <https://vzglyad.az/news/118186/>. Дата обращения: 19.03.2020.
- [10] Европейский Совет утвердил новую Стратегию Европейского Союза в отношении региона Центральной Азии // *Представительство ЕС в Республике Таджикистан*. 17.06.2019. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/tajikistan_ru/64251/. Дата обращения: 17.03.2020.
- [11] СМИ и ИТ // *Polpred*. URL: <https://polpred.com/news/?sector=15&kw=114&page=8/#3>. Дата обращения: 30.03.2020.
- [12] *Чмырева В.А.* Роль и место Турции в системе современных евроатлантических отношений во внешнеполитических исследованиях США: автореф. дис. ... к.и.н. М.: РУДН, 2016. 28 с.

- [13] *Галеотти М.* Воры. История российской организованной преступности. М.: Individuum, 2019. 448 с.
- [14] Конкурент с Востока // RG. URL: <https://rg.ru/2015/12/29/yaroniya.html>. Дата обращения: 29.03.2020.
- [15] Журналист «Аль-Джазиры»: нам запретили говорить правду // Вести. 16.03.2012. URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/403508/#/video/https>. Дата обращения: 11.03.2020.
- [16] *Содилов Ш.Д.* Роль таджикских и узбекских народов в урегулировании афганского конфликта // Viperson. 2018. URL: <http://eskin.viperson.ru/articles/rol-tadzhikskih-i-uzbekskih-narodov-v-uregulirovanii-afganskogo-konflikta>. Дата обращения: 15.03.2020.
- [17] *Митина Д.* Рассматривать «Талибан» союзником – непροстителная наивность // EurAsia Daily. 18.02.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/02/18/rassmatrivat-taliban-soyuznikom-neprostitelnaya-naivnost-intervyu>. Дата обращения: 18.03.2020.
- [18] Сколько выходцев из стран бывшего СССР воюют на стороне террористов // Sputnik Узбекистан. 26.10.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/analytics/20171026/66666975/vyhodcy-iz-sssr-na-storone-terroristov.html>. Дата обращения: 26.03.2020.
- [19] *Ханалиев Н.У.* Сирийский узел в раскладе геополитических сил на Ближнем Востоке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. Т. 36. № 1. С. 150–159.
- [20] *Ханалиев Н.У.* Белые каски или белые маски? // Вестник Российской нации. 2018. Т. 64. № 6. С. 87–96.
- [21] *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности России на большом Ближнем Востоке // Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 143–152.
- [22] *Ханалиев Н.У.* О перспективах распространения терроризма на постсоветском пространстве в условиях поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 687–705.
- [23] *Паришин П.Б.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады, Центр глобальных проблем МГИМО – Университет. 2013. Т. 36. № 1. С. 37.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 13.04.2020.

Статья принята к публикации: 01.06.2020.

Research article

Integration of Foreign Actors in the Central Asian Region: Influence on the National Security of Russia

N.U. Khanaliyev

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Smolenskaya-Sennaya Sq., 30/2, Moscow, Russian Federation, 119002

Abstract. After the collapse of the USSR, permanent domestic political turbulence gave rise to political autocracy and political struggle with its characteristic technologies for influencing

internal state processes. At the same time, the Central Asian states began to actively engage in global processes. At the same time, various countries of the East and West began to show interest in expanding their economic and geopolitical presence in the Central Asian region. At the same time, the ideological influence on the countries of Central Asia intensified. Various external forces, pursuing specific goals, seek to exert their influence on the internal processes of sovereign states, often contrary to the interests of the peoples of the Central Asian region. In this article, the author analyzes the influence of external actors on the internal processes of Central Asian states from the point of view of ensuring the national security of Russia.

Keywords: national security of Russia, Central Asia, Greater Middle East, terrorist threat, extremism

REFERENCES

- [1] Vasiliev L.E. *Problemy bezopasnosti v Vostochnoj Evrazii. Bor'ba s terrorizmom, separatizmom i jekstremizmom* [Security Problems in Eastern Eurasia. The Fight Against Terrorism, Separatism and Extremism]. Moscow: Establishment of the Russian Academy of Sciences Institute of the Far East RAS; 2009 (In Russ.).
- [2] Khanaliev N.U. Triumf rossijskoj voenno-politicheskoj diplomatii na bol'shom Blizhnem Vostoke [The Triumph of Russian Military-Political Diplomacy in the Greater Middle East]. *Power*. 2017; 25 (12): 166–171 (In Russ.).
- [3] Antyuhova E. A. «Arabskaja vesna»: politicheskie krizisy i konflikty v gosudarstvah Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki [«Arab Spring»: Political Crises and Conflicts in the States of the Middle East and North Africa]. *National Interest*. 2016; 27 (3): 147–167 (In Russ.).
- [4] *Embassy of Russia in Germany* URL: <https://russische-botschaft.ru/ru/>. Accessed: 08.03.2020.
- [5] ES potratit v RK \$10 mln na usilenie ustojchivosti k nasil'stvennomu jekstremizmu v Azii [The EU Will Spend in Kazakhstan \$ 10 Million to Strengthen Resistance to Violent Extremism in Asia]. *ArmInfo*. 20.08.2019. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=44544&lang=2 Accessed: 20.03.2020 (In Russ.).
- [6] PROON zapuskaet finansiruemyj Japoniej proekt po predotvrashheniju nasil'stvennogo jekstremizma v CA [UNDP Launches a Japanese-funded Project to Prevent Violent Extremism in Central Asia]. *Counter-Terrorism Committee of Kazakhstan*. URL: <http://ctc-rk.kz>. Accessed: 23.03.2020 (In Russ.).
- [7] Vasiliev L.E. Some Features of the Fight Against Terrorism in Central and South Asia. *The Opportunity to Change the Situation in Afghanistan*. Moscow: Publ. IDE RAS; 2011. 87 p. (In Russ.).
- [8] Tadzhiqistan poluchit bol'shuju chast' zaprosennyh Pentagonom \$50 mln. na bor'bu s terrorizmom v Central'noj Azii [Tajikistan Will Receive Most of the \$ 50 Million Requested by the Pentagon to Fight Terrorism in Central Asia]. *CentralAsia*. 22.02.2016. URL: <https://centralasia.media/news:1114133>. Accessed: 02.03.2020 (In Russ.).
- [9] Tadzhiqistanu okazali gumpomoshh' na bolee chem \$29 mln [Tajikistan provided humanitarian assistance for more than \$ 29 million]. *Vzglyad.az*. 19.09.2018. URL: <https://vzglyad.az/news/118186/>. Accessed: 19.03.2020 (In Russ.).
- [10] Evropejskij Sovet utverdil novuju Strategiju Evropejskogo Sojuza v otnoshenii regiona Central'noj Azii [The European Council Approved the New European Union Strategy for the Central Asian Region]. *Representation EU in the Republic of Tajikistan*. 17.06.2019. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/tajikistan_en/64251/. Accessed: 17.03.2020 (In Russ.).

- [11] SMI i IT [Media and IT]. *Polpred*. URL: <https://polpred.com/news/?sector=15&kw=114&page=8/#3>. Accessed: 30.03.2020 (In Russ.).
- [12] Chmyreva V.A. *Rol' i mesto Turcii v sisteme sovremennyh evroatlantskikh otnoshenij vo vneshnepoliticheskikh issledovanij SShA* [The Role and Place of Turkey in the system of modern Euro-Atlantic relations in US foreign policy research]: abstract. dis. ... PhD in History. Moscow: RUDN; 2016 (In Russ.).
- [13] Galeotti M. *Vory. Istorija rossijskoj organizovanoj prestupnosti* [The Thieves. The History of Russian Organized Crime]. M.: Individuum; 2019: 448 (In Russ.).
- [14] Konkurent s Vostoka [Competitor from the East]. *RG*. 29.12.2015. URL: <https://rg.ru/2015/12/29/yaponiya.html>. Accessed: 29.03.2020 (In Russ.).
- [15] Zhurnalists "Al'-Dzhaziry": nam zapretili govorit' pravdu. [Journalist Al-Jazeera: We Were Forbidden to Tell the Truth]. *Vesti.ru*. 16.03.2012. URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/403508/#/video/https>. Access: 11.03.2020 (In Russ.).
- [16] Sodikov Sh.D. Rol' tadjikskikh i uzbekskikh narodov v uregulirovanii afganskogo konflikta [The Role of Tajik and Uzbek Peoples in Resolving the Afghan Conflict]. *Viperson*. 2018. URL: <http://eskin.viperson.ru/articles/rol-tadjikskikh-i-uzbekskikh-narodov-v-uregulirovanii-afganskogo-konflikta>. Accessed: 15.03.2020 (In Russ.).
- [17] Mitina D. Rassmatrivat' «Taliban» sojuznikom – neprostitel'naja naivnost' [Considering the Taliban as an Ally is an Unforgivable Mistake]. *EurAsia Daily*. 18.02.2019. URL: <https://easaily.com/en/news/2019/02/18/rassmatrivat-taliban-soyuznikom-neprostitelnaya-naivnost-intervyu>. Accessed: 18.03.2020 (In Russ.).
- [18] Skol'ko vyhodcev iz stran byvshego SSSR vojujut na storone terroristov [How Many Immigrants from the Countries of the Former USSR are Fighting on the Side of Terrorists]. *Sputnik Uzbek*. 26.10.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/analytics/20171026/6666975/vyhodcy-iz-sssr-na-storone-terroristov.html>. Accessed: 26.03.2020 (In Russ.).
- [19] Khanaliyev N.U. Sirijskij uzal v rasklade geopoliticheskikh sil na Blizhnem Vostoke. [Syrian Knot in the Alignment of Geopolitical Forces in the Middle East]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 2017; 36 (1): 150–159 (In Russ.).
- [20] Khanaliyev N.U. Belye kaski ili belye maski? [White helmets or white masks?] *Vestnik Rossijskoj natsii*. 2018; 64 (6): 87–96 (In Russ.).
- [21] Khanaliyev N.U. Prioritety nacional'noj bezopasnosti Rossii na bol'shom Blizhnem Vostoke. [Russia's National Security Priorities in the Middle East]. *Vlast'*. 2017; 25 (9): 143–152 (In Russ.).
- [22] Khanaliyev N.U. O perspektivah rasprostraneniya terrorizma na postsovetском prostanstve v usloviyah porazheniya IGIL v Irake i Sirii [On the Prospects of the Spread of Terrorism in the Post-Soviet Space in the Context of the Defeat of ISIS in Iraq and Syria]. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 687–705 (In Russ.).
- [23] Parshin P.B. Problematika «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [The Problem of “Soft Power” in the Foreign Policy of Russia]. *Analytical Reports, Center for Global Problems, MGIMO-University*. 2013; 36 (1): 37 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 13.04.2020.

The article was accepted on 01.06.2020.

Информация об авторе:

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич – кандидат политических наук, первый секретарь Департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Information about the author:

Nuradin U. Khanaliyev – PhD in Political Sciences, First Secretary of the Department for New Challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Для цитирования:

Ханалиев Н.У. Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центрально-Азиатский регион // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 205–225. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-205-225

For citation:

Khanaliyev N.U. Integration of Foreign Actors in the Central Asian Region: Influence on the National Security of Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (3): 205–225. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-205-225

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-226-238

Научная статья

Крупный бизнес в высших эшелонах власти США. На примере Д. Трампа

Д.В. Станис, К.П. Курылев

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В данной статье рассматривается один из ключевых компонентов механизма формирования правящих элит в США – экономический. Представители крупного бизнеса, финансовых кругов и политических кланов, способные бороться за власть и обладающие необходимой ресурсной базой и инструментарием, формируют элитарные группы. Авторы концентрируются на изучении крупного бизнеса США как поставщика «кадров» для американских политических элит, которые определяют внутреннюю и внешнюю политику США.

В своей работе авторы ставят следующие задачи: проанализировать механизм формирования политических элит в США; рассмотреть опыт Trump Organization в контексте обретения ее руководителем высшего политического статуса в США в 2016 г. и перспектив его переизбрания на этот пост в 2020 г.; дать оценку роли крупного бизнеса в формировании политических элит США. Для достижения поставленных задач авторы использовали ряд методов политологической науки: структурный, системный, функциональный, сравнительный и исторический методы. Также была задействована и методология экономической науки: метод научной абстракции, метод нормативного и функционального анализа. Исследование в своей концептуальной основе опирается как на теорию политических элит, так и на экономическую теорию конкурентной борьбы.

Ключевые слова: США, бизнес, политика, элиты, ТНК, Д. Трамп

ТНК в мировой политике и экономике

Глобализация давно уже вышла за пределы экономики и превратилась в доминанту политического развития мира. Данный процесс способствовал тому, что на международную арену вышли новые акторы, одним

© Станис Д.В., Курылев К.П., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

из которых являются транснациональные компании (ТНК). Они, являясь самостоятельными субъектами международных отношений, широко принимают участие в процессах, происходящих в мире. Более того, сама глобализация развивается под прямым контролем ограниченного числа сверхмощных корпораций [1].

Их экспансия становится своего рода феноменом второй половины XX в. Но наиболее крупные масштабы это получило в последние десятилетия. ТНК ведут свою деятельность в системе мировой экономики. Но свое влияние они распространяют в том числе в политической, военной, информационной, научно-образовательной, технологической, экологической и прочих сферах. Будучи негосударственными, они оказывают все большее воздействие на международные отношения и принятие решений в отдельных странах [2]. Крупнейшие ТНК осуществляют свою деятельность на уровне государств, на равных ведут диалог с руководителями стран; количество их сотрудников исчисляется сотнями тысяч, а косвенное влияние их деятельность оказывает на целые страны. Это позволяет рассматривать их в качестве ведущих субъектов на международной арене наряду с государствами и международными организациями.

Одним из направлений деятельности ТНК в области внутренней политики является взаимодействие с органами власти, политическими партиями, СМИ. Такие отношения строятся, например, посредством кооптации в национальные ассоциации промышленников и предпринимателей, участия в избирательном процессе и пр. Внешнеполитическая проблематика также пребывает в орбите внимания ТНК, руководители которых порой напрямую, через голову внешнеполитических ведомств, обращаются к первым лицам государства, пытаясь решить проблемы в работе своих структур. Влияя на политический процесс страны, ТНК нередко воздействуют через нее на весь регион. Особенно если страна региональный лидер [2].

В 2011 г. ученые из швейцарского федерального технологического института в Цюрихе установили существование плотной «супергруппы», состоящей из 147 компаний – вся их собственность принадлежит другим членам этой «супергруппы», которые контролируют 40% всего капитала в мире [3]. По сути, менее 1% от числа компаний контролируют 40% всей сети.

Бизнес и власть в США

По масштабам своей деятельности ведущую роль в мировых политических процессах занимают ТНК США. В равной степени именно США являют собой наиболее яркий пример интеграции крупного бизнеса во власть. Предметом исследования настоящей статьи является Trump Organization и ее глава – нынешний Президент США – Д. Трамп.

Однако американский опыт гораздо более широкий. Ниже мы приводим таблицу, в которой представлены некоторые (за последние 25–30 лет) политические и государственные деятели США и аффилированные с ними в разное время бизнес-структуры (см. табл. 1).

**Аффилиация бизнес-структур с государственными деятелями США
(за последние 25–30 лет) /**

Affiliation of business structures with US government officials (over the past 25–30 years)

ФИО / Name	Должность / Function	Бизнес / Business
Д. Трамп / D. Trump	Президент США (2017 г. н.в.) / President of the U.S.A (2017 p.t.)	Trump Organization
Дж. Буш-ст. / George W. Bush	Президент США (1989–1993 гг.) / President of the U.S.A (1989–1993)	Zapata Corporation Zapata Offshore Company
Р. Чейни / R. Cheney	Вице-президент США (2001–2009 гг.) / US Vice President (2001–2009) Министр обороны США (1989–1993 гг.) / US Secretary of Defense (1989–1993)	Halliburton, Procter & Gamble, Union Pacific и Electronic Data Systems
К. Райс / C. Rice	Госсекретарь США (2005–2009 гг.) / US Secretary of State (2005–2009)	Charles Schwab Corporation, the Chevron Corporation, Hewlett Packard, the Transamerica Corporation
Р. Тиллерсон / R. Tillerson	Госсекретарь США (2017–2018 гг.) / US Secretary of State (2017–2018)	Exxonmobil
Рамсфельд Д. / Rumsfeld D.	Министр обороны США (1975–1977 гг.; 2001–2006 гг.) US Secretary of Defense (1975–1977; 2001–2006)	G.D. Searle & Company General Instrument Corporation Gilead Sciences
М. Ромни / M. Romney	Кандидат в президенты США в 2012 г. / US presidential candidate in 2012 Сенатор США от штата Юта (с 2019 г.) / Utah U.S. Senator (since 2019) Губернатор штата Массачусетса (2003–2007 гг.) / Governor of Massachusetts (2003–2007)	Bain Capital
Р. Перо / R. Perot	Кандидат на пост президента США в 1992 и 1996 гг. / US presidential candidate in 1992 and 1996	Perot Systems
М. Блумберг / M. Bloomberg	Мэр Нью-Йорка (2002–2013 гг.) / Mayor of New York (2002–2013)	Bloomberg L.P.

Как видно даже из этого не полного списка, представительство на различных этажах власти в США крупного американского бизнеса более чем внушительно. И нынешний Президент Д. Трамп не первый его представитель на позиции № 1. Однако мы в своем исследовании остановимся именно на его фигуре, так как только ему на настоящий момент удалось непосредственно пересесть из кресла главы крупной компании в кресло президента США. У того же Дж. Буша-ст. имелась немалая дистанция от момента руководства компанией до Овального кабинета, а у Р. Перо и М. Ромни «въехать» в него вообще не получилось, хотя в президентской гонке они и участвовали, причем Р. Перо целых два раза. М. Ромни, в свою очередь, как и Дж. Буш-ст., имел уже обширный политический опыт к тому моменту, как принял решение в 2012 г. баллотироваться на пост президента США. Сказанное приводит нас

к выбору в качестве предмета исследования Р. Перо наряду с Д. Трампом. Их сближает не только то, что оба крупные и успешные бизнесмены, участники президентских выборов, но и то, что они оба – несистемные игроки. И если Р. Перо не удалось эту несистемность конвертировать в голоса избирателей, то Д. Трамп это сделать сумел. Рассмотрим его путь к вершине.

Д. Трамп – глава компании Trump Organization

Рассмотрим сначала, что собой представляет бизнес Д. Трампа.

The Trump Organization – американская компания, которая занимается застройкой и управлением недвижимостью. В 1923 г. бабушка Д. Трампа, Элизабет, вместе со своим 18-летним сыном Фредом, ставшим впоследствии отцом Д. Трампа, основала кампанию Elizabeth Trump & Son. В 1927 г. Ф. Трамп стал полноправным владельцем и директором девелоперской компании Elizabeth Trump & Son. В тот момент предпринимателю было 22 года. Однако его мать продолжала активно участвовать в принятии решений. С недвижимостью начал работать еще дед Д. Трампа Фридрих, оставивший своей семье в наследство после своей смерти в 1918 г. различные активы (недвижимость, сбережения, акции) на общую сумму 31359 долларов [4].

Отец Д. Трампа занимался строительством домов в Квинсе, куда они с женой переехали еще в 1907 г. Отличительной особенностью домов, которые стал строить Ф. Трамп, была их цена. Они шли по 3999,99 долларов за дом. «Всего одним центом больше – и дома перестали бы продаваться», – говорил отец Д. Трампа. Подобная ценовая политика давала возможность компании выделиться на фоне других конкурентов. За достижения в возведении массового жилья для небогатых американцев газета The Brooklyn Daily Eagle назвала Ф. Трампа «Генри Фордом в индустрии жилого строительства» – по аналогии с основателем компании Ford, который поставил производство автомобилей на конвейер и смог сделать машины доступнее для покупателей [5].

В середине 1930-х гг. Ф. Трамп открыл сеть супермаркетов самообслуживания Trump Market в Вудхэвене, которая стала довольно популярной среди горожан. А к концу 1930-х гг. Фред был известен как один из крупнейших строителей Бруклина. В годы Великой депрессии Фред предлагал согражданам покупать недвижимость высокого качества по сниженной цене. При этом своим работникам он платил выше, чем в среднем по рынку, но вместе с тем избегал влияния профсоюзов, которые могли устанавливать правила, снижающие эффективность труда и, как следствие, увеличивающие себестоимость строительства [4]. Реализуя свои проекты, Ф. Трамп активно взаимодействовал с ведущими специалистами по рекламе. Рекламируя свои дома, он призывал американцев быть настоящими индивидуалистами, перестать жить в съемных квартирах и оформлять ипотеку на собственные дома [5].

Начало Второй мировой войны открыло новые перспективы для бизнеса: в рамках госпрограммы размещения солдат Ф. Трамп построил 1 тыс. квартир для служащих военно-морских сил США, в частности, в Пенсильвании, Вирджинии, а потом и в других штатах на восточном побережье страны [4].

После завершения войны бизнесмен строил дома для ветеранов боевых действий в Бруклине. В числе крупнейших проектов – Shore Haven, в рамках которого было построено порядка 2700 квартир в Берсонхерсте (Нью-Йорк) и Бич Хейвен (Нью-Джерси). В 1963–1964 году в Нью-Йорке появился первый квартал, который носит имя Фреда Трампа. На Кони-Айленде был построен жилой комплекс Trump Village из семи 23-этажных башен на 2,7 тыс. квартир стоимостью 70 млн долларов. Данный микрорайон до сих пор остается единственным жилым комплексом в мире, который назван не в честь Дональда, а в честь Фреда Трампа [4].

В 1950–1960-х гг. компания Ф. Трампа росла за счет строительства и продажи типовых кварталов. Обитатели домов, построенных Ф. Трампом, платили ему арендную плату. В рамках программы доступного жилья он сдавал квартиры в построенных им домах американским пролетариям [4].

В 1968 г. в правление Elizabeth Trump & Son вошел внук основательницы Дональд Трамп: на тот момент ему было 22 года.

Рассказывают, что когда ему было 8 лет, он из игрушечных строительных блоков выстроил «башню-небоскреб» ростом с себя, блоки он скрепил монтажным клеем, и разобрать постройку не получилось даже у взрослых [6].

В детстве Трамп был непоседливым и проблемным ребенком. В 13 лет родители были вынуждены в воспитательных целях перевести его из школы Kew-Forest в военную академию Нью-Йорка. По словам самого Дональда, образование в условиях жесткой дисциплины научило его выживать среди конкурентов. В академии он запомнился как капитан бейсбольной команды. Но карьера военного его не интересовала. По окончании военной академии будущий президент США поступил сначала в колледж Фордэм. Но почти сразу сменил его на Уортонскую школу бизнеса при Пенсильванском университете, которую закончил в 1968 г. Благодаря учебе он смог избежать призыва в армию и заодно отправки на фронт во Вьетнам [7].

Карьеру в области недвижимости Д. Трамп начал в компании своего отца. В 1974 г. он сменил его на посту президента компании, и в 1980 г. переименовал ее в Trump Organization. Изначально компания специализировалась на сделках с недвижимостью. Под управлением Д. Трампа компания превратилась в крупнейший холдинг, объединяющий активы в сфере недвижимости, в гостиничном бизнесе, казино, игре в гольф, индустрии развлечений. Сегодня Trump Organization владеет такими знаменитыми объектами недвижимости, как Trump International Hotel & Tower, Trump Tower, офисные здания на 40-й Wall Street в Нью-Йорке. По всей Америке и за границей компании принадлежат отели, курорты, жилые дома, бизнес-центры. Если говорить о других крупнейших корпорациях Д. Трампа, то к таковым можно отнести: Trump Entertainment Resorts, ключевой вид деятельности – организация работы казино-отелей. Компания участвует в управлении отельным комплексом Trump Taj Mahal, казино Trump Plaza и Trump Marina в Атлантик Сити и Нью-Джерси. Еще одна структура, принадлежащая Д. Трампу, Trump Production, ключевой вид деятельности которой – организация ТВ-шоу. В сферу интересов компании входят конкурсы красоты Miss USA, Miss Teen USA, Miss Universe.

Д. Трамп также имеет опыт коммерческой деятельности в сфере авиации, образования, пищевой промышленности и многих других сегментах. Общее количество компаний, к деятельности которых имеет отношение 45-й Президент США – в статусе управляющего, президента, председателя совета директоров или рядового акционера, превышает 530 [8]. При этом около половины из них содержат в своем наименовании его фамилию. «Трамп» называются стейки, одежда, парфюмерия, журнал, рестораны, настольная игра, водка, шоколадные конфеты, часы и десятки других самых неожиданных вещей. «Трамп» – это бренд. При чем хорошо продаваемый.

Не все было безоблачно на пути строительства бизнес-империи Д. Трампа. На рубеже 1980–1990-х гг. у него возникли серьезные проблемы, когда его предприятия и он сам оказались на грани банкротства. Ведь на покупку всех своих проектов бизнесмен брал банковские кредиты. В 1990 г. компания Д. Трампа уже не могла обслуживать долг в размере почти 10 млрд долларов. Свою роль сыграл и очередной кризис недвижимости. Частью собственности пришлось пожертвовать в счет уплаты долгов. Через три года Д. Трамп полностью рассчитался с кредиторами благодаря доходам от казино и недвижимости. Тем не менее, в период с 1991 по 2009 гг. в общей сложности обанкротились шесть принадлежавших ему заведений. Впрочем, из многих неудач Д. Трампу удавалось выйти с минимальными потерями, договариваясь с кредиторами и властями на приемлемых для себя условиях [9].

Став Президентом США, Д. Трамп, оставаясь владельцем The Trump Organization, ее дочерней фирмы Trump Production, а также являясь совладельцем Trump Entertainment Resorts, делегировал свои полномочия, связанные с управлением бизнесом, другим компетентным лицам. Так, ключевые посты в The Trump Organization стали принадлежать Д. Трампу-мл., Э. Трампу, а также А. Вейсельбергу, финансовому директору компании, работающему в ней с конца 1980-х гг. [4]

Точный размер состояния Дональда Трампа неизвестен никому, кроме него самого. «Я – частная компания, и никто на самом деле не знает, сколько я стою», – сказал он летом 2015 г. Впрочем, в отчете о своих активах, поданном в Федеральную избирательную комиссию тогда же в июле, он сообщил, что его состояние выросло с 2014 года с 8,7 млрд долларов до 10 млрд. Однако следует учитывать, что в декларации о доходах 2015 г. он оценил стоимость своего бренда (Trump) в 3,3 млрд. Критики Д. Трампа указывают, что его состояние может быть в разы меньше, так как значительная часть его активов заложена и перезаложена в ходе многочисленных процедур банкротства. Forbes оценивает состояние Трампа в 4,5 млрд (по состоянию на 2015 год), Bloomberg – в 2,9 млрд долларов [6].

В политику Д. Трампа вывел в конце 1990-х его «учитель», миллиардер Р. Перо. В те годы Р. Перо смог стать третьей силой, с которой были вынуждены считаться демократы и республиканцы. На выборах 1992 г. он набрал почти 19%, заняв третье место, а в некоторых штатах даже второе место. Во многом его участие в выборах помешало переизбраться на второй срок Дж. Бушу-ст. и помогло победить на выборах Б. Клинтону.

Как уже отмечалось ранее, Р. Перо считается отцом-основателем «Партии реформ», которая появилась в 1995 г. накануне президентских выборов 1996 г. в качестве платформы для Р. Перо. В ходе предвыборной кампании он выступал за изоляционизм и реиндустриализацию, против «предательства элит» и бюрократии. По этой причине его и рассматривают как «предтечу» Д. Трампа, его «ученика». Выборы закончились для Р. Перо с результатом 8,4% голосов.

Политические же пристрастия Д. Трампа весьма противоречивы. В конце 1970-х и в 1980-х гг. он поддерживал республиканцев и высоко оценивал Президента Р. Рейгана. Некоторые даже рассматривали кандидатуру предпринимателя в качестве вице-президента на выборах 1988 г. Однако в 2000 г. он присоединился к «Партии реформ» Р. Перо, который собрал в партию очень разную публику. Главное, что их объединяло – ненависть к истеблишменту, связанному с двумя главными американскими партиями. «Партия реформ» приняла в свои ряды марксистов (Л. Фулани), либертарианцев (губернатор Миннесоты Д. Вентура), консерваторов (Д. Трамп), ультраконсерваторов (П. Бьюкенен) и националистов (Д. Дюк). Стремление фракций обеспечить выдвижение собственного представителя привело к настоящей схватке между П. Бьюкененом (его поддержали Л. Фулани и Д. Дюк) и Д. Трампом (его поддержали Д. Вентура и Л. Фулани). В результате, несмотря на успех на первых праймериз, Д. Трамп со скандалом покинул «Партию реформ». Он объяснил это тем, что партия выбрала путь борьбы с демократами и республиканцами, тогда как бороться надо не против кого-то, а – за кого-то, в данном случае – за рядового избирателя [10].

Таким образом, свой первый шаг в большой политике Д. Трамп совершил в 2000 г., как представитель «третьей силы», и этот шаг оказался неудачным. В 2008 г. он вновь поддержал республиканцев, потом объявил себя независимым, а затем опять зарегистрировался как сторонник Республиканской партии.

Именно как кандидат от этой партии Д. Трамп 16 июня 2015 г. в штаб-квартире на Манхэттене заявил о намерении баллотироваться в президенты США. Основным лозунгом его предвыборной кампании стала фраза: «Сделаем Америку снова великой». По словам Д. Трампа, принять участие в выборах его уговорили члены семьи, которые уверяли, что избиратели его поддержат. Финансировать кампанию он обещал из собственных средств, что, впрочем, не мешало ему собирать миллионы долларов в виде пожертвований. В итоге на праймериз республиканцев он не только обошел всех своих соперников, но и установил рекорд по числу поданных голосов – за Д. Трампа проголосовали более 14 млн сторонников партии. Так, человек, никогда не занимавший выборных должностей, стал одним из главных претендентов на пост президента США [9].

В результате скандальной президентской гонки, завершившейся 8 ноября 2016 г., Д. Трамп одержал победу над своим главным конкурентом Х. Клинтон, представлявшей Демократическую партию. «По итогам выборов он преодолел планку в 270 голосов коллегии выборщиков» [11] и стал 45-м Президентом США. Инаугурация Д. Трампа состоялась 20 января 2017 г.

Взлету политической карьеры Д. Трампа помог опыт, который он приобрел, когда вел реалити-шоу. Он умеет владеть аудиторией и уверенно чувствует себя перед объективами камер [12].

В ходе предвыборной кампании Д. Трамп говорил о самых проблемных вопросах развития США. Его избирательная тактика была ориентирована не на руководство штатов, а на средний класс Америки. На тех, кем прежние руководители практически не интересовались [13].

Внешнеполитическая доктрина Д. Трампа также существенно отличается от официальной повестки Республиканской партии. Внешнеполитический обозреватель агентства Bloomberg Дж. Рогин [14] со ссылкой на бывшего советника Трампа по вопросам внешней политики С. Нунберга называет его внешнеполитическую доктрину рейгановской *realpolitik* – политикой, которая меняется в зависимости от обстоятельств и над которой не довлеет идеология. В категорию «национального интереса» Д. Трампом не включается ни продвижение демократии, ни гуманитарное вмешательство, ни выступления за права человека за рубежом... «Он не думает, что США следует платить кровью или деньгами за попытки изменения системы в других странах» [6].

Что же за человек Д. Трамп?

Стиль Трампа можно назвать эксцентричным, специфическим и даже уникальным, но ни одно определение не будет достаточно точным. Он будто соткан из противоречий, которые сплетаются в только ему понятный и подвластный сценарий. Сотрудники и партнеры приписывают ему диаметрально противоположные качества. Он любит четкое расписание и при этом действует импульсивно. Мыслит масштабно, но часто занимается очень мелкими делами. Ценит конкуренцию, но в любой ситуации ведет себя так, будто владеет положением на сто процентов. Сталкивает мнения, но слушает в итоге только себя. Как и подавляющее большинство успешных людей, Д. Трамп – трудоголик. Он придерживается строгого распорядка дня и экономит каждую минуту. Признается, что не любит тратить время на ланч. И если выдается возможность слетать на отдых в уикенд, он отправляется туда ночью с пятницы на субботу и возвращается ночью в воскресенье, чтобы утром в понедельник уже снова быть в своем рабочем кабинете в Trump Tower [15].

Тем не менее при всей своей организованности Д. Трамп удивительно импульсивен и непредсказуем. Его подчиненные признаются, что заранее не могут знать, чем закончится очередное собрание. Еще одна черта, которая привносит немалую толику разнообразия и стресса в работу его подчиненных, – это страсть к микроменеджменту. Глава гигантского строительного конгломерата может спокойно тратить время на утверждение макета для украшения холла Trump Tower к Рождеству. Или проехать на машине возле одного из своих реставрирующихся зданий, остаться недовольным видом окон и заставить управляющего сменить подрядчика. В итоге в компании формируется такое чувство, что он может засунуть свой нос в дела абсолютно любого сотрудника. Казалось бы, при таком отношении к делу нужно было давно погрязнуть в мелочах и разориться. Но нет, Д. Трамп, может быть, и работает мелко, но играет по-крупному [15].

Анализ личностного профиля Д. Трампа [16] приводит к ряду выводов (см. рис. 1).

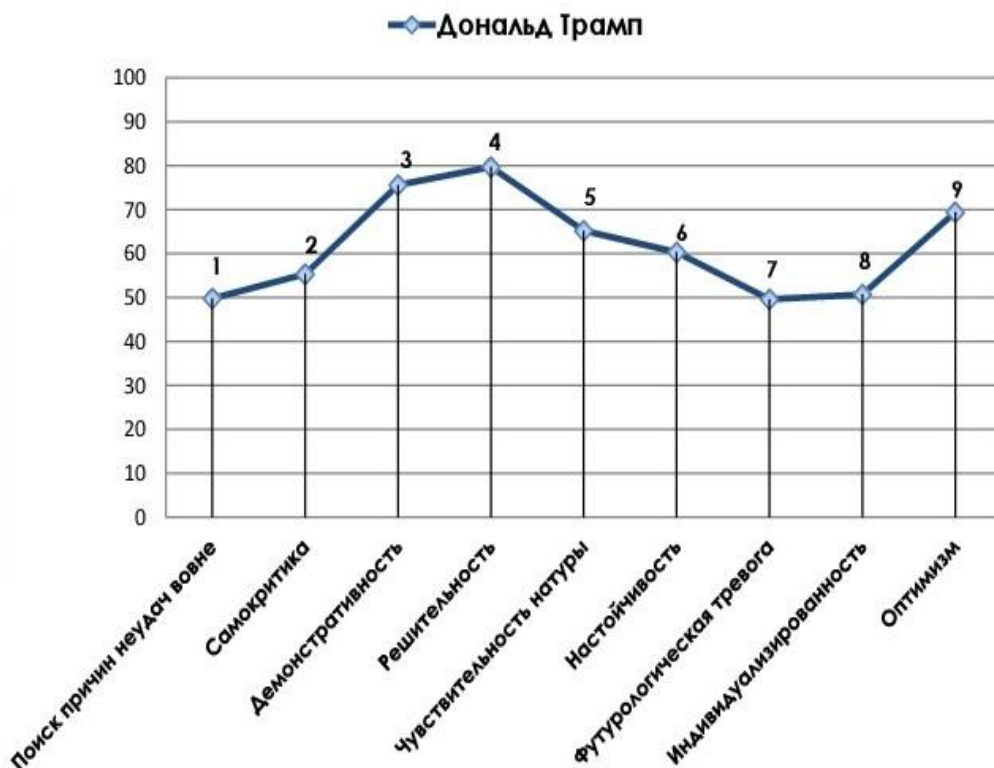

Рис. 1. Личностный профиль Д. Трампа [16] /
Fig. 1. D. Trump's personal profile [16]

«Доминирующими чертами его характера являются: амбициозность, бесстрашие, отвага и динамичность. Выраженной особенностью личностного профиля Д. Трампа является то, что он жесткий переговорщик, но в то же время он чувствителен к критике. Для него характерно состояние столкновения двух внутренних тенденций: с одной стороны, присутствуют ноты решимости и жажды власти, желание и умение действовать, с другой стороны – высокая самооценка и внезапность. Ярко выражены признаки нарциссизма. Д. Трамп, с одной стороны, решительный и импульсивный, стремится немедленно отреагировать на ситуацию поступком, старается выжать из ситуации максимум выгоды, подстроить ее под себя и владеть положением вне зависимости от изначальных условий. А с другой стороны – находится в состоянии эмоционального возбуждения, привлекая к своей персоне больше внимания. Может показаться, что его поведение немного театрализованное» [16].

«Такие люди имеют богатую фантазию. Их энергия неисчерпаема. Д. Трамп не боится скандалов, нередко сам становится их инициатором. С одной стороны, он выглядит как «правдоруб» и бесстрашный критик, но с другой – может позволить себе ложь в своих интересах. Д. Трамп – очень уверенный в себе человек, который точно знает, что ему нужно. Он всегда делает то,

что хочет, при этом дипломатия – одна из его сильных сторон, но дипломатия такая, что победителем все равно выходит он. Очень волевой и властный. Чужое мнение для него зачастую не важно, он руководствуется своими авторитетами» [16]. «Правящий политический класс США умудрился настолько разочаровать и американцев, и граждан других государств, что уже само выражение готовности начать “все делать иначе” вызывает определенный оптимизм. Та встряска, которую он учинил политическому олимпу США, заставит истеблишмент и оппозицию действительно менять свои подходы и сложившиеся десятилетиями правила игры, пусть и не так радикально, как это предлагает Д. Трамп» [17].

Заключение

В момент, когда пишется данная статья, США вступают в очередную президентскую кампанию. Четыре года президентского срока были непростыми для Д. Трампа. «Русский след» в предвыборной гонке, дело об импичменте, украинский кейс, «чехарда» в администрации и многое другое сопровождало его каденцию. Сформировался своеобразный стиль руководства Трампа, который во многом коррелируется с его навыками, приобретенными в бизнесе. Потому что Трамп в первую очередь бизнесмен. Путь, пройденный им в бизнесе, накопленный опыт, все это он привнес в политическую жизнь Америки. Авторитаризм, эпатажность, неполиткорректность, непредсказуемость, – все это сделало Трампом 45-м Президентом США. Они же могут помешать ему с переизбранием на второй срок. А могут и помочь. Вопрос в том, успел ли он за 4 года настолько же надоесть американским избирателем, насколько надоели за предыдущие десятилетия Клинтон и Буши. Ноябрьские выборы покажут.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Станис Д.В., Курьлев К.П. Проблема участия частного бизнеса США в системе государственного управления на примере корпорации Exxonmobil // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5. № 1. С. 22–32.
- [2] Курьлев К.П., Мартыненко Е.В., Пархитыко Н.П., Станис Д.В. Политика Shell в России в условиях санкционных мер стран Запада // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 189–204.
- [3] Revealed – the capitalist network that runs the world // New Scientist. October 24, 2011. URL: <https://www.newscientist.com/article/mg21228354-500-revealed-the-capitalist-network-that-runs-the-world/>. Дата обращения: 08.05.2019.
- [4] Ключевые факты о биографии Фреда Трампа // Who is mr Trump? URL: <https://whoismrtrump.ru/semya/fred-tramp/>. Дата обращения: 08.05.2020
- [5] Семейное дело: как дед и отец Трампа изменили рынок недвижимости США // РБК Недвижимость. 25.11.2016. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5837c4369a79477bf8b245a4>. Дата обращения: 10.05.2020.
- [6] Бенедиктов К.С. Черный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. 141–165.

- [7] Биография Дональда Трампа: жесткий путь в президенты // Capitalgains. 20.12.2017. URL: <http://capitalgains.ru/biznes/istorii-uspeha/biografiya-donalda-trampa.html>. Дата обращения: 08.05.2020.
- [8] The Trump Organization // Next Brands. URL: <https://www.next-brands.com/the-trump-organization>. Дата обращения: 16.05.2020.
- [9] Человек-сенсация. Как Дональд Трамп шел к победе // РИА новости. 09.11.2016. URL: <https://ria.ru/20161109/1480963636.html>. Дата обращения: 10.05.2020 (In Russ.).
- [10] Дональд Трамп – ученик Росса Перо, и их третий путь // Толкователь. 10.11.2016. URL: http://ttolk.ru/articles/donald_tramp_-_uchenik_rossa_pero_i_ih_tretiy_put. Дата обращения: 10.05.2020.
- [11] *Соловьев В.Р., Клетикова Е.К.* Дональд Трамп. Сражение за Белый дом. М.: РИПОЛ Классик, 2016. 368 с.
- [12] *Ванчугов В.В.* Информационно-коммуникативные технологии американских консерваторов в президентской кампании 2016 г. // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 64–76.
- [13] *Давыдова Е.А., Субботина И.А.* Дональд Трамп: американский президент нового формата или феномен личности? // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 3. С. 69–71.
- [14] Rogin J. The Trump Doctrine Revealed // Bloomberg Opinion. January 31, 2016. URL: <http://www.bloombergtview.com/articles/2016-01-31/the-trump-doctrine-revealed>. Дата обращения: 08.05.2019.
- [15] *Клюев Н.* Управлять как Дональд Трамп // Секретарское дело. URL: <http://www.sekretarskoe-delo.ru/index.php?id=1949>. Дата обращения: 10.05.2020.
- [16] *Гасимова Р.Р., Подковырина Н.В.* Дональд Трамп // Анализ политических персон. По материалам конференций и семинаров. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2018. С. 127–135.
- [17] *Дробницкий Д.О.* Бизнесмен-харизматик на пути в Вашингтон // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 253–261.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 15.05.2020.

Статья принята к публикации: 01.06.2020.

Research article

Large Business in Higher Levels of US Authority Example of D. Trump

D.V. Stanis, K.P. Kurylev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. This article discusses one of the key components of the mechanism of formation of the ruling elites in the United States – economic. Representatives of large business, financial circles and political clans, capable of fighting for power and possessing the necessary resource base and tools, form elite groups. The authors focus on the study of US large business as a supplier of “cadres” for the American political elites that determine US domestic and foreign policy.

In their work, the authors set the following tasks: to analyze the mechanism of the formation of political elites in the USA; to consider the experience of Trump Organization in

the context of the acquisition by her leader of the highest political status in the USA in 2016 and the prospects for his re-election to this post in 2020; to assess the role of large business in the formation of political elites in the United States. To achieve the objectives, the authors used a few methods of political science: structural, systemic, functional, comparative and historical methods. The methodology of economic science was also involved: the method of scientific abstraction, the method of normative and functional analysis. The study, in its conceptual basis, is based both on the theory of political elites and on the economic theory of competition.

Keywords: USA, business, politics, elites, TNCs, D. Trump

REFERENCES

- [1] Stanis D.V., Kurylev K.P. Problema uchastiya chastnogo biznesa SSHA v sisteme gosudarstvennogo upravleniya na primere korporacii Exxonmobil [The Problem of the Participation of US Private Business in Public Administration by the Example of Exxonmobil Corporation]. *RUDN Journal of Public Administration*. 2018; 5 (1): 22–32 (In Russ.).
- [2] Kurylev K.P., Martynenko E.V., Parhit'ko N.P., Stanis D.V. Politika Shell v Rossii v usloviyah sankcionnyh mer stran Zapada [Shell Policy in Russia in The Context of Western Sanctions]. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. 2017; 12 (1): 189–204 (In Russ.).
- [3] Revealed – the Capitalist Network that Runs the World. *New Scientist*. October 24, 2011. URL: <https://www.newscientist.com/article/mg21228354-500-revealed-the-capitalist-network-that-runs-the-world/>. Accessed: 16.05.2019.
- [4] Key Facts about the Biography of Fred Trump. *Who is mr Trump?* URL: <https://whoisrtrump.ru/semya/fred-tramp/>. Accessed: 08.05.2019 (In Russ.).
- [5] Semejnoe delo: kak ded i otec Trampa izmenili rynek nedvizhimosti SSHA [Family Business: How Trump's Grandfather and Father Changed the US Real Estate Market]. *RBC Real estate*. 25.11.2016. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5837c4369a79477bf8b245a4>. Accessed: 10.05.2020 (In Russ.).
- [6] Benediktov K.S. Chrnyj lebed'. Politicheskaya biografiya Donal'da Trampa [Black Swan. Political Biography of Donald Trump]. *Conservatism Notebooks*. 2016; 1: 141–165 (In Russ.).
- [7] Biografiya Donal'da Trampa: zhestkij put' v prezidenty [Biography of Donald Trump: A Hard Way to the Presidency]. *Capitalgains*. 20.12.2017. URL: <http://capitalgains.ru/biznes/istorii-uspeha/biografiya-donalda-trampa.html>. Accessed: 08.05.2020 (In Russ.).
- [8] The Trump Organization. *Next Brands*. URL: <https://www.next-brands.com/the-trump-organization>. Accessed: 08.05.2020 (In Russ.).
- [9] Chelovek-sensaciya. Kak Donal'd Tramp shel k pobede [The Man Is a Sensation. How Donald Trump Went to Victory]. *RIA News*. 09.11.2016. URL: <https://ria.ru/20161109/1480963636.html>. Accessed: 08.05.2020 (In Russ.).
- [10] Donal'd Tramp – uchenik Rossa Pero, i ih tretij put' [Donald Trump – a Student of Ross Perot, and Their Third Path]. *Tolkovatel'*. 10.11.2016. URL: http://ttolk.ru/articles/donald_tramp_-_uchenik_rossa_pero_i_ih_tretij_put. Accessed: 10.05.2020 (In Russ.).
- [11] Solov'ev V.R., Klepikova E.K. *Donal'd Tramp. Srazhenie za Belyj dom* [Donald Trump The Battle for the White House]. Moscow: RIPOL classic; 2016. 368 p. (In Russ.).
- [12] Vanchugov V.V. Informacionno-kommunikativnye tekhnologii amerikanskih konservatorov v prezidentskoj kampanii 2016 [Information and Communication Technologies of American Conservatives in the 2016 Presidential Campaign]. *Conservatism Notebooks*. 2016; 1: 64–76 (In Russ.).
- [13] Davydova E.A., Subbotina I.A. Donal'd Tramp: amerikanskij prezident novogo formata ili fenomen lichnosti? [Donald Trump: American President of the New Format or

- the Phenomenon of Personality?]. *Actual problems of the humanities and socio-economic sciences*. 2017; 11 (3): 69–71 (In Russ.).
- [14] Rogin J. The Trump Doctrine Revealed. *Bloomberg View*. January 31, 2016. URL: <http://www.bloombergview.com/articles/2016-01-31/the-trump-doctrine-revealed>. Accessed: 08.05.2019.
- [15] Klyuev N. Upravlyat' kak Donal'd Tramp [Manage as Donald Trump]. *Secretarial affairs*. URL: <http://www.sekretarskoe-delo.ru/index.php?id=1949>. Accessed: 10.05.2020 (In Russ.).
- [16] Gasymova R.R., Podkovyrina N.V. Donal'd Tramp [Donald Trump]. *Analysis of Political Persons. Based on materials from conferences and seminars*. Moscow: Publishing House “Scientific Library”; 2018: 127–135 (In Russ.).
- [17] Drobnickij D.O. Biznesmen-harizmatik na puti v Vashington [Charismatic Businessman on His Way to Washington]. *Conservatism Notebooks*. 2016; 1: 253–261 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 15.05.2020.

The article was accepted on 01.06.2020.

Информация об авторах:

Станис Дарья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-9824-0365) (e-mail: stanis-dv@rudn.ru).

Курьев Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-3075-915X) (e-mail: kurylev-kp@rudn.ru).

Information about the authors:

Daria V. Stanis – PhD in Economics, Assistant Professor of the Department of State and Municipal Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID: 0000-0002-9824-0365) (e-mail: stanis-dv@rudn.ru).

Konstantin P. Kurilev – PhD in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3075-915X) (e-mail: kurylev-kp@rudn.ru).

Для цитирования:

Станис Д.В., Курьев К.П. Крупный бизнес в высших эшелонах власти США. На примере Д. Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 226–238. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-226-238

For citation:

Stanis D.V., Kurylev K.P. Large Business in Higher Levels of US Authority. Example of D. Trump. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (3): 226–238. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-226-238

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-239-253

Research article

The Effect of Human Resources Capacity, Budget Planning, Political Budgeting, and Public Transparency on the APBD Documents and KUA-PPAS's Synchronization in Musi Banyuasin District Government

M. Syuroh

College of Social and Political Sciences (STISIPOL Candradimuka Palembang)
Jl. Swadaya Sekip Ujung No. 20, Palembang, Indonesia, 30127

Abstract. This study aims to determine the effect of human resources capacity, budget planning, political budgeting, and public transparency on the synchronization between Regional Revenues and expenditures budget (APBD) document and General Policy of Regional Revenues and Expenditures Budget (KUA) and Provisional Budget Ceiling Priority (PPAS) document in Indonesia. The studied objects in this study were councilors and officer/staff involved in the preparation of the Work Plan Budget (RKA) SKPD includes 33 SKPD. The sampling method used census method, where the sample includes 127 peoples. The data obtained was analyzed through multiple linear regression tests. Hypotheses simultaneously and partially tested by F test and t test. The results of this study showed that simultaneous variable capacity of human resources, budget planning, political budgeting, and public transparency has a positive and significant impact on the synchronization between APBD documents and KUA-PPAS documents. In partial, the capacity of human resources, budget planning, political budgeting, and public transparency has appositve and significant impact on the synchronization between APBD documents and KUA-PPAS documents. The implications of this research can be useful as a conceptual contribution to policy makers, especially in West Lombok Regency Government and Parliament, in which they should be more consistent and have a high commitment dealing with budgeting and KUA-PPAS.

Keywords: Indonesia, budget, KUA-PPAS, human resources capacity, budget planning, political budgeting, public transparency

Introduction

Public sector budgeting is related to the determination of the total allocation funds for each of program and activity in monetary unit. The process organization budgeting of public sector is started while the strategy formulation and strategy planning have been completed. The budgeting steps become very important because the ineffective and not oriented budgeting on the performance can ruin the arranged plans. The budgeting of public sector is an instrument of accountability for the

© Syuroh M., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

management of public funds and the implementation of programs financed from public money [1]. Based on the Regulation of the Minister of the Interior (Permendagri) number 13/2006, the unified budgeting is the preparation of an annual financial plan that is carried out in an integrated manner for all types of expenditure to implement government activities based on the principle of achieving efficient allocation of funds.

The funding mechanism is including several parties which have the different background both from the level of understanding and the interests of the budget. These differences can cause asynchronous in the process of arranging the fund which is the Regional Government Budget (APBD) document and the document of Public Policy APBD (KUA) and interim budget priorities and funding ceilings (PPAS). Asynchronous between APBD documents with the document of KUA-PPAS happened in almost of common occurrence in most of every local government [2].

The research by Amirudin [3] is identifying the factors which influence the sync between the documents is Human resources capacity, budgeting politic, planning and supporting information. The results is reveals while when entering the discussion stage the commissions often found additional activity proposals and requests for a shift in the budget from one activity to another, which in turn led to differences between the APBD document and the KUA-PPAS document [3].

According to Iskandar [4], the human resources capacity is the ability of the executive or legislative member in implementing their respective functions and roles in the process of formulating policies in regional financial management [4]. The quality and capability of Regional Representative Assembly (DPRD) members are also needed so that the activities set forth in the APBD are truly beneficial to the community. The problem often occurs is when the budgeting allocation is still understood as the activity of the distribution of development. Allocation to realize people's welfare has not become a soul in the preparation of the regional budget APBD. The resources needed is not only comes from the member who has high education but is also have the member have a good capacity to be able to conduct the roles and functions that must be carried out properly and optimally. According to Amirudin [3], the main legislative role in the in the political process of drafting APBD is related to the clearance when the discussion KUA-PPAS and in the determination Regional regulation APBD. In the discussion of funding, the executive and legislative made agreements which reach for the politic process in KUA and PPAS references before the budget is determined as a local government so that decisions in allocating complex budgets with budgeting politics that are believed to cause synchronization in the budget allocation namely between documents of APBD with KUA-PPAS Document [3].

Based on the preliminary observation between APBD and KUA-PPAS in 2014 founds some problem that faced in the expenditure management of the Musi Banyuasin Regency Government, among others, understanding and discussion of the APBD is not optimal which is influenced by not yet effective and efficient APBD approval by the Banyuasin Regency DPRD and there are still urgent and strategic activities arising from the district, provincial and government governments the center which was not previously budgeted in the Musi Banyuasin Regency

Regional Budget. This thing can be accommodated directly in RAPBD Musi Banyuasin district and the level of efficiency and effectiveness of expenditure for each activity carried out by each SKPD is not yet optimal within the Government of Musi Banyuasin Regency. The openness to information obtained by the public in APBD planning only at the beginning of the planning of APBD preparation through Development Planning Conference (musrenbang) at various levels. In APBD's implementation stage of APBD management and the final stage of APBD management information and public involvement are interrupted and not publicly published, although it is able to published but still cannot be understood simply by the community, meaning that the public is only involved during the initial APBD deliberations where the development proposal is based on priority scale directly proposed by the public. However, the implementation of musrenbang that has been prepared based on priority scale is not entirely in accordance with the proposal at the time of the musrenbang.

Thus, in the case, researcher is motivated to do this research in order to get the empirical proof about the influence of human resource capacity, budget planning, budgeting politics, and public transparency on synchronizing APBD documents with KUA-PPAS, this research is also accordance with the previous research about APBD document synchronization with KUA-PPAS Document by Arniati [5] and Iskandar [4] moreover, based on the phenomenon can be seen from budgeting planning that listed to KUA-PPAS as well as the regional regulation draft on APBD there are differences which lead to inconsistency in RPBD of Musi Banyuasin Regency [4; 5].

Theoretical Framework and Hypothesis Development

Human Resources Capacity

Human resources refer to the peoples in the organization to reach the organization purpose [6]. The meaning of human resources is entire people incorporated in an organization with their respective roles and contributions affecting the achievement of organizational goals. Human resources must be good enough to obtain a good human resource capacity as well.

According to Iskandar [4], the human resources capacity is the ability from the executive or legislative member in carrying out their respective functions and roles in the process of formulating policies in regional financial management [4]. The human resources capacity is also can be seemed from the extent of the ability of the executive and legislative branches to play a role in the process of policy making in the management of regional finances. The executive and legislative roles in the process of formulating policies in regional financial management, it can be seen from the stages of regional financial management. Based on the regional financial management guidelines which are divided into three stages including the preparation, implementation and evaluation of the regional budget APBD. Thus, the resources needed is not only the member who has high education but also has the good capacity to be able to implement the roles and functions properly and optimally.

Based on the above framework, a hypothesis formulation can be arranged as follows:

H1: Human resource capacity has a positive effect on synchronizing the APBD Document with the KUA-PPAS Document.

Budget Planning

Planning can be defined as the way organization determines organizational goals [1]. The planning process in preparation budgeting is based on a series of stages (cycles) that begin in January up to December in the current fiscal year. If the planning at the initial stage is showing bad results, thus it will have a bad impact on the planning of the next stage. The good planning is the core from effective management financial. The regional government cannot get the effective financial management if the system of planning and funding owned is bad. Therefore, in the first step planning is the decisive factor for synchronization between RAPBD and KUA-PPAS. In the first planning, the first thing to do is conducting community aspirations and develops planning meetings (Musrenbang). The citizen participation is aimed to reach the result in accordance with public interest from the performance funds.

The funding process management in performance funding started from the work unit located in Local Government (Pemda), from the budget proposal which is called as Work Planning and Regional Budget Work Unit Budget (RKA-SKPD). RKA-SKPD then researched by executive funding team to assess the eligibility of the accommodation in RAPBD and thus will be submitted to the legislature. Afterward, RAPBD is studied by legislative funding committee and responded by all commissions and factions in the discussion of the budget. In this discussion of funding, executive and legislative makes agreements reached from bargaining (with refer to KUA and PPAS) before the funding determined as regional regulation. The funding is determined to be the basic legislative to implement the supervision and evaluation's function of executive performance in terms of the accountability of regional heads.

Based on the framework above, a hypothesis formulation can be arranged as follows:

H2: funds planning has positive effect on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS.

Political Budgeting

According to Hague, et al 1998 politic is the activity including the way the group reaches collective agreement and binding from the effort to reconcile the differences between the groups. In the governmental view, the politic is connecting with the authority problem, decision making, public policy and allocation or distribution. Therefore, to carry out the general policies related to the arrangement and allocation from the resources is needed power and authority [7].

Iskandar [4] stated that politic has significant effect on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS [4]. In this case, it has purpose to achieve collective goals and binding with power, decision making, public policy, allocation and distribution in the process of translating activity plans into financial plans with reference to the KUA and PPAS before the budget is stipulated as a regional regulation.

The principal agent theory approach, that regional autonomy policy in Indonesia has brought very fundamental changes to the relationship between the Regional Government (executive) and the DPRD (legislative). This shows that there is an agency relationship between the executive and legislative branches.

The important role of the legislature is to represent the interests of the community, empowering the government, and overseeing government performance. These three roles place the legislature capable of having a significant influence on government policy. There are two possible changes that can be made by the legislature to budget proposals submitted by the executive, namely: first, changing the amount of the budget and second, changing the distribution of expenditure in the budget. Based on its role, the executive and legislative also play a role in budget discussions where the executive and legislative parties make agreements reached through the political process with reference to the KUA and PPAS before the budget is determined as a regional regulation in the form of regional budget. Therefore, aside from being an inseparable unit in the management function, budgeting in government institutions is also inseparable from the politics of budgeting.

Based on the above framework, a hypothesis formulation can be arranged as follows:

H3: The politics of budgeting has a positive effect on synchronizing the APBD Document with the KUA-PPAS Document.

Public Transparency

Sopannah and Mardiasmo [1] stated that transparent budget prepares by the executive should be able to meet the following criteria:

- (1) budget policy announcement is available,
- (2) Budget documents are available and easily accessible,
- (3) Timely accountability reports are available,
- (4) Accommodating the voice / proposal of the community,
- (5) a system for providing information to the public is available.

Transparency as openness of the government in making regional financial policy policies, so that it can be known and monitored by the DPRD and the public. Transparency in the management of regional finances will ultimately create horizontal accountability between local governments and their communities, thus, he created regional governments are clean, effective, efficient, accountable and responsive to the community's aspirations and interests.

From the above definition it can be conclude that transparency is the openness of government to the public to access information based on the public consideration to be able to know openly and comprehensively the accountability of the government.

Based on the above framework, a hypothesis formulation can be arranged as follows:

H4: Public Transparency has a positive effect on synchronizing APBD Documents with KUA-PPAS Documents.

Methodology

The type of this research used associative research, which is aimed to obtain the relationships between one variable with another variable. Afterwards, the relationship used in this study is a causal relationship. This research is used the council members in charge of regional financial oversight and officials / employees involved in the preparation of the RKA-SKPD amounted to 127 peoples from 33 SKPD in the Government of Musi Banyuasin Regency.

Definition operational in each variable that used can be explained:

a) Synchronize the APBD and KUA-PPAS document is dependent variable (Y) in this research. Synchronize is the results of correspondence between documents policy which one is with the other document policy [4]. Synchronize in this research is assessed using with 4 (four) indicators including:

(1) Conformity between the programs in the APBD document and the KUA-PPAS document,

(2) Conformity between the activities in the APBD document and the KUA-PPAS document,

(3) Conformity between the budget ceiling in the APBD document and the KUA- document PPAS, and

(4) Budget shifts in KUA-PPAS are based on regional financial regulations.

(b) Human resource capacity (X1) is the ability from executive or legislative member in carrying out their respective functions and roles in arranging process policy in regional financial management [4]. Human resources capacity in this research is assessed using with 3 (three) indicators which is:

(1) Knowledge of budgeting,

(2) Understanding in preparing a budget, and

(3) Ability and skills to prepare a budget.

(c) Planning of funds (X2), planning is the way the organization sets organizational goals and objectives. Planning includes activities that are strategic, tactical, and involve operational aspect. The process of planning is also involved behavioral aspect, which is participation in development of planning system, setting goals and the selection of the most appropriate tools to monitor the development to reach the goals [1]. Fund planning is assessed using 2 (two) indicators which are:

(1) Funds planning begin with the implementation of the musrenbang, and (2) Funds planning are carrying out from the coordinate's process.

(d) Funds politic (X3) are how to achieve goals that are collective and binding through power, making decision, public policy allocation and distribution in the process of translating activity plans into financial plans [4]. Politic funds in this research assessed with using 2 (two) indicators which is:

(1) The presence of the important elements during funds, and (2) Bargaining between executive and legislative during funding.

(e) Public transparency (X4) it is defined that there is openness about the budget that is easily accessed by the public quickly [4; 8]. Public transparency in this research is assessed with using 5 (five) indicators there are:

(1) there are budget policy announcements, (2) budget documents are available and easily accessible, (3) timely accountability reports are available, (4) voice accommodation / people's proposals are available, and (5) there is a public information system.

Variable of measurement is using Likert 4 Scale (four) point, which is 1 (Strongly agree), 2 (agree), 3 (disagree), 4 (strongly disagree). As stated by Sugiyono [9], Likert scale is used to measure of attitude, opinion, and perception of person or group about social phenomenon.

Data Analysis Method

This research describes a relationship in which one or more variables (independent variables) affect other variables (the dependent variable). Moreover, multiple linear regression analysis to test the hypothesis is applied in this study. The test is based on the multiple linear regression equation as follows:

$$Y = \alpha + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 + \beta_4 X_4 + e$$

Information:

Y	= synchronize documents APBD and KUA-PPAS
α	= Constanta
$\beta_1 \beta_2 \beta_3 \beta_4$	= Regression coefficient for each Variable X
X_1	= Human Resources Capacity
X_2	= Funding planning
X_3	= Politics of Budgeting
X_4	= Public Transparency
e	= Error term

Result and Discussion

Test Results of Data Validity and Reliability

Based on the validity test result of all items from the statement of research variables all items can be valid except the variable human resource capacity for indicators or items X1.5 and X1.6. The r count values are 0.189 and 0.248, respectively, below the critical r of 0.3, hence in the further analysis the two items of the instrument are treated. Meanwhile, the results of the reliability test showed that the attributes of the instrument variables were stated to be reliable.

Test of Classic Assumption

The normality test result is using Kolmogorov-Smirnov (K-S) non-parametric statistical test data which is normally distributed because the probability of Sig is greater than alpha ($0.536 > 0.05$). Then, from the multicollinearity test result is found that there is no multicollinearity between independent variable since the value of *Variance Inflation Factor* (VIF) less than 10 and the tolerance value is greater than 0.10. Meanwhile, the Glejser test results do not occur Heteroscedasticity because the significance value for each independent variable is greater than $\alpha 0.05$.

Hypothesis test (see tables 1, 2).

Coefficient determination test (R^2)

Table 1

Test result of coefficient determination					
Model	R	R	R Square	Adjusted R Square	Std. error of the estimate
1		,659 ^a	,435	,416	,29628

Table 2

Test Result F ANOVA ^a						
	Model	Sum of squares	Df	Mean square	F	Sig
1	Regression	8,243	4	2,061	23,476	,000 ^b
	Residual	10,710	122	,088		
	Total	18,953	126			

a. Dependent Variable SD

b. Predictors: (Constant), TP, PP, KSD M, PA

From the ANOVA test or the F test in the table 2, the F_{count} value of 23.476 was obtained with a probability of 0,000. Since the probability is less than 0,05 then the regression model can be used to predict the synchronize document APBD and KUA-PPAS or that human resources variable, funds planning, politic funds, and public transparency in together affects synchronization of the document APBD and KUA-PPAS.

From the test result in table 3, it can be explains in which the effect of each independent on dependent variable is: human resources capacity variable with significant values $0,028 < \alpha 0,05$ and value $t_{\text{count}} (2,224) > \text{value } t_{\text{table}} (1,657)$ means that human resources capacity has positive significant effect on synchronize document APBD and KUA-PPAS.

Planning fund variable with a significant value $0,000 < \alpha 0,05$ and value $t_{\text{count}}(4,174) > \text{value } t_{\text{table}} (1,657)$, means that fund planning has positive effect on synchronize document APBD and KUA-PPAS.

Political fund variable with a significance value of $0.028 < \alpha 0.05$ and $t_{\text{value}} (2.228) > t_{\text{table}} \text{ value } (1.657)$ means that budgeting politics has a significant positive effect on synchronizing the APBD document with the KUA-PPAS document.

Public transparency variable with a significance value of $0.001 < \alpha 0.05$ and $t_{\text{value}} (3.313) > t_{\text{table}} \text{ value } (1.657)$ means that public transparency has a significant positive effect on synchronizing the APBD document with the KUA-PPAS document.

Based on the test results in table 3, the multiple regression equation is obtained as follows:

$$Y = -0.188 + 0.176X_1 + 0.424X_2 + 0.209X_3 + 0.249 X_4 + e$$

Discussion

This research is using more than one independent variable, in order to know the ability of the independent variable to predict the dependent variable, the value used is adjusted value R^2 . The adjusted value R^2 of 0,416 it means that the dependent

variable is able to explain by independent variable of 42%. In other words 42% changes in the variable synchronization of APBD documents with KUA-PPAS documents can be explained by variables of human resources capacity, fund planning, politic fund, and public transparency and the rest of amount is $(100\% - 42\%) = 58\%$ it explained by other factors not included in this study. Then how the effect of independent variable on dependent variable describes as below (see table 3).

Table 3

Test Result t Coefficients^a

Model	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients Beta	T	Sig.
	B	Std error			
1 (Constant)	-,188	,372		-,506	,614
KSDM	,176	,079	,179	2,224	,028
PA	,424	,102	,362	4,174	,000
PP	,209	,094	,159	2,228	,028
TP	,249	,075	,240	3,313	,001

a. Dependent Variable: SD

The Influence of Human Resources Capacity, Budget Planning, Political Budgeting, and Public Transparency to Synchronize APBD Documents with KUA-PPAS Documents

From the ANOVA test result or F_{test} on table above, it is obtained that the Value F_{count} of 23,476 with significant level is 0,000. Since the probability 0,000 is less than $\alpha 0,05$, the result of regression model shows the coefficient from human resources capacity, fund planning, politic fund and public transparency have positive numeric, funds planning, politic fund, and public transparency on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS shows positive results. This indicates the better the capacity of human resources, budget planning, political budgeting, and public transparency, the synchronization of APBD documents with KUA-PPAS documents will be realized. The results of this study were in line with the research of Iskandar [4] in which the results of the hypothesis test were simultaneously the capacity of human resources, fund planning, and politic fund has significant effect on synchronize document of APBD and KUA-PPAS. However, the results of this study contradicted with Arniati et al. [5] in which the variable capacity of human resources, funds planning, politic fund and supporting information did not have the significant effect on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS.

The Effect of Human Resources Capacity on Synchronize Document of APBD and KUA-PPAS

In order to find out the influence of human resource capacity variables on the synchronization of APBD documents with KUA-PPAS documents, it can be seen from t_{count} value result and the significance of t_{count} value. In the table 1 is obtained influence of human resource capacity on synchronizing document of APBD and KUA-PPAS is positive and significant. It is reflected on the correlation coefficient

of 0,716 and t_{count} value (2,224) $< t_{\text{table}}$ (1,657) with the significant value of $0,028 < \alpha 0,05$. The positive effect shows the human resources capacity has positive correlative on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS, it indicates that if the professional and competent government apparatus in preparing the RKA-SKPD will have a positive impact on synchronizing APBD documents and KUA-PPAS. The significant effect shows that quality and capacity of human resources have the important role to increase synchronize of the document APBD and KUA-PPAS. The results of this study are not in line with the research of Arniati et al. [5] where human resource capacity did not have a significant positive effect on the synchronization of APBD documents and KUA-PPAS documents.

This research has the same result of Iskandar [4] and Elfrina [2] which stated that the human resources capacity has significant effect on synchronize document of APBD and KUA-PPAS. It indicates that the APBD planning have the quality, and each SKPD must have the human resources that able to carry out the task, by conducting counseling on regional financial management.

The Effect of the Funds Planning on Synchronize the Document of APBD and KUA-PPAS

The result of test t on the table 2 shows the effect of the funds planning variable on synchronize the document of PBD and KUA-PPAS are positive and significant. Those things can be seen from the correlation coefficient of 0,424 with the significant value of $0,000 < \alpha 0,05$ and the t_{count} value (4,174) $< t_{\text{table}}$ (1,657), this means that synchronize the document of APBD and KUA-PPAS, in the other word funds planning is able to synchronized the document of APBD and KUA-PPAS. It suspected because the government and DPRD is already consistent and have the high commitment in the process of planning and fund as determined in Permendagri Number 27/2013 regarding the Guidelines for Preparing the Revenue Budget and Regional Expenditures for Fiscal Year 2014, which requires in arranging the General Policy APBD (KUA) and the interim budget priorities and funding ceiling (PPAS) of Government/city must be guided of the local government work development plan (RKPD) District/city. The formulation of the KUA-PPAS draft is intended to be done through synchronizing the achievement of targets and performance target between program and 2014 Government Work Plan activities by paying attention to regional development priorities and regional financial capabilities. Other opinion that the beginning of fund planning is a factor that largely determines the synchronization of APBD documents with KUA-PPAS.

The result is not in line with the research of Arniati et al [5] which fund planning has not the positive significant on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS and the research result of Iskandar [4] which stated that the fund planning has negative effect on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS.

However, this research is in line with the research of Elfrina [2] which is stated the significant effect shows that higher of fund planning, hence it will increase the synchronize document of APBD and KUA-PPAS. In this case, if in the early steps, the planning has been arranged properly it will also create good impact on the subsequent budgeting planning.

The Effect of Political Fund on Synchronize Document of APBD and KUA-PPAS

The t test result in the table above shows the political effect on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS is positive and significant. It is revealed from the correlation coefficient value of 0,209 and t_{count} value (2,228) $> t_{\text{table}}$ (1,657) with the significant value of $0,028 < \alpha 0,05$ means that the political funds have significant positive effect on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS. The positive effect shows the political fund has positive effect on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS, in other words the legislative role in funding will affect synchronization of the document of APBD and KUA-PPAS. The significant effect shows that the political funds have the important role to increase the synchronize document of APBD and KUA-PPAS.

This result is in line with the opinion of Amirudin [3] which the main role of legislative in the process of arranging APBD is clear during the discussion of KUA-PPAS as well as in the stipulation of the Regional Regulation (Perda) of (APBD). However, the result is not in line with Arniatietal [5] which the political fund did not has the positive significant effect on synchronize the document APBD and KUA-PPAS.

Moreover, the result is in line with the research of Elfrina [2] which has the significant effect shows that the political fund have the role in increase the synchronize the document of APBD and KUA-PPAS, which is the legislative role of DPRD member in funding will effect on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS.

The Effect of Public Transparency on Synchronize the Document of APBD and KUA-PPAS

The t test results on the table above shows the public transparency effect on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS is positive and significant. It is revealed from the correlation coefficient of 0,249 and t_{count} value ((3,313) $> t_{\text{table}}$ (1,657) with the significant value of $0,001 < \alpha 0,05$ means that the public transparency has significant positive effect on synchronize the document of APBD an KUA-PPAS. This is suspected since Musi Banyuasin District Government has openness in making regional financial policies, especially in the preparation of RKA-SKPD, until the financial policies is known by DPRD and citizen. Those phenomenon in accordance to Regulation of the Minister of Home Affairs (Permendagri) number 13/2006 regarding the Regional Financial Management Guidelines which mandates to Regional Government (Pemda) to implement the socialization of RAPBD before submitting to DPRD and citizen because APBD are public document, which the citizen have the right to know the information inside. The citizen rights to access the public documents are guarantee by Constitutions Number 14/2008 regarding the Openness of Public Information. The results are in line with the opinion of Sopianah and Mardiasmo [1] which requires that the budget prepared by the executive is said to be transparent if it meets the following criteria:

1) Availability of budget policy announcement, 2) Availability of budget documents and easily accessible, 3) Availability of timely accountability reports,

4) Accommodating community voices / proposals, and 5) Availability of a system for providing information to the public.

The results are not in line with the research of Iskandar [4] in which the interaction test result shows that public transparency is cannot moderate the relationship between human resource capacity, fund planning and political funds on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS. Thus, the public transparency is not the moderate variable.

Conclusion

From the results, some conclusions that can be taken are as follows:

1) The hypothesis test results in simultaneously to the human resources capacity, fund planning, political funds, and public transparency has significant effect on the document of APBD and KUA-PPAS document's synchronization.

2) The hypothesis test results in partial to the human resources capacity, fund planning, political fund and public transparency has significant effect on the APBD and KUA-PPAS documents' synchronization.

The Research Implication

The findings of this study prove that human resource capacity, funds planning, political funds, and public transparency between executive and legislative come to the agreement and consistency regarding with the general budget policies and priorities, it will become guidelines for the preparation of the APBD gives the significant effect on synchronize the document of APBD with the document of KUA-PPAS on the Musi Banyuasin District Government. Theoretically, the finding can give the clearance on the thinking concept regarding with the important of APBD and KUA-PPAS documents' synchronization. In addition, it should be known that the concept of agency theory is a form of private sector management system adopted by the public sector as the design of an appropriate contract to align the interests of principals and agents in the event of a conflict of interest.

Practically, these finding results expected to provide the contribution for Musi Banyuasin District Government to increase the human resources capacity, funds planning, political funds, and public transparency on synchronize the document of APBD and KUA-PPAS. Moreover, it is hoped able to be used by the regional government to evaluate the future evaluation related to factors influence synchronization document of APBD and KUA-PPAS. Likewise, in terms of policy, this results hope can be useful as contribution of ideas for policy makers, especially in Musi Banyuasin District Government and DPRD should be consistent and have a high commitment in preparing the Revenue Budget and shopping regional and information about the regional financial policy to be conveyed to the public in accordance to the foundation, rules and mechanisms as governed in the legislation.

The Limitation of Research and Suggestion

The limitation that must be observed and the suggestion on the limitation that the researcher found, including:

The scope of this research carries out only one Musi Banyuasin District. Therefore, to get general conclusions it is necessary to conduct more extensive research.

The lack of knowledge of respondent's questionnaire and lack of seriousness to answers all the questions. It is possible that the answers given by respondents are not honest, so it does not produce answers that are consistent with this study. The subjectivity problem of the respondents can result in the results of this study being vulnerable to the bias of respondents' answers.

This research does not explore other factors that might influence the synchronization of the APBD document with the KUA-PPAS document, for example performance achievements.

The suggestion from further research regarding with the topics are:

(1) The further research can be developed the result with adding the research object, such as the other region outside Musi Banyuasin District Government.

(2) The further research is expected can development the better research instrument with collecting more the references related with the same research, thus hope to be obtained better understanding about the factors has the effect synchronize the document of APBD and KUA-PPAS.

(3) The further researcher is expected to be able to develop the research variable, not only limited to the factor of human resources capacity, funds planning, political fund and public transparency, but also the possibility to the test performance variable, hence the further researcher will obtain better understanding about the factors that influencing the APBD and KUA-PPAS documents' synchronization.

REFERENCES

- [1] Mawarni D., Syukriy A. Pengaruh Pendapatan Asli Daerah Dan Dana Alokasi Umum Terhadap Belanja Modal Serta Dampaknya Terhadap Pertumbuhan Ekonomi Daerah (Studi Pada Kabupaten Dan Kota di Aceh). *Akuntansi*. 2013; 23 (2): 164 (In Ind.).
- [2] Elfrina L., Ratnawati V., Wiguna M. Pengaruh Kapasitas Sumber Daya Manusia, Perencanaan Penganggaran, Politik Penganggaran, Dan Informasi Pendukung Dengan Transparansi Publik Sebagai Variabel Moderating Terhadap Sinkronisasi Dokumen APBD Dengan Dokumen KUA-PPAS. *Jurnal Online Mahasiswa Fakultas Ekonomi*. 2014; 2 (1): 1–16 (In Ind.).
- [3] Amirudin. *Identifikasi dan Analisis Faktor-faktor yang Mempengaruhi Sinkronisasi Dokumen Anggaran Pendapatan dan Belanja Daerah dengan Dokumen Kebijakan Umum Anggaran dan Prioritas Plafon Anggaran Sementara (Studi Kasus Provinsi D.I Yogyakarta TA 2008)*. Yogyakarta: Universitas Gajah Mada; 2009 (In Ind.).
- [4] Iskandar *Metodologi Penelitian Pendidikan dan Sosial*. Jakarta: Referensi; 2013 (In Ind.).
- [5] Arniati E. Imelda Pengaruh Kapasitas Sumber Daya Manusia, Politik Penganggaran, Perencanaan dan Informasi Pendukung Terhadap Sinkronisasi Dokumen APBD Dengan Dokumen KUA-PPAS di Lingkungan Pemerintah Kota Tanjungpinang. *Simpodium Nasional Akuntansi (SNA) XIII*. Purwokerto: Univesitas Jenderal Soedirman Purwokerto; 2010 (In Ind.).
- [6] Simamora H. *Manajemen Sumber Daya Manusia* (Edisi III). Yogyakarta: SKIE YKPN; 2001 (In Ind.).
- [7] Budiardjo M. *Dasar-Dasar Ilmu Politik*. Jakarta: PT. Gramedia Pustaka Utama; 2008 (In Ind.).

- [8] Handayani B. Pengaruh Reformasi Penyusunan Anggaran terhadap Kualitas APBD Kota Semarang. *Jurnal Dinamika Akuntansi*. 2009; 1 (1): 3140. DOI: 10.15294/jda.v1i1.1910 (In Ind.).
- [9] Sugiyono *Metode Penelitian dan Pengembangan (Research and Development/R&D)*. Bandung: Alfabeta; 2016 (In Ind.).

Article history:

The article was submitted on 01.04.2020.

The article was accepted on 01.06.2020.

Научная статья

Влияние кадрового потенциала, бюджетного планирования, политического бюджетирования и прозрачности для общественности на документы APBD и синхронизацию KUA-PPAS в правительстве района Муси Банюасин, Индонезия

М. Сьюро

Колледж социальных и гуманитарных наук
(STISIPOL Candradimuka Palembang)

Свадая Секип Уджин, 20, Палембанг, Индонезия, 30127

Аннотация. Цель данного исследования – определить влияние кадрового потенциала, бюджетного планирования, политического бюджетирования и общественной прозрачности на синхронизацию между документом о бюджете региональных доходов и расходов, общей политикой бюджета региональных доходов и расходов и утвержденным бюджетом. Исследование проводится на основе анализа района Муси Банюасин в Индонезии. В исследовании приняли участие советники и должностные лица / сотрудники, участвующие в подготовке плана работы над бюджетом, в который было включено 33 региональных подразделения. Выборка включала в себя 127 представителей региональных подразделений. В исследовании используют первичные данные, полученные данные были проанализированы через множество циклов линейной регрессии. Гипотезы одновременно и частично проверяются F-тестом и t-тестом. Результаты проведенного исследования показали, что параллельное использование потенциала человеческих ресурсов, бюджетного планирования, политического бюджетирования и прозрачности для общественности оказывает положительное и существенное влияние на синхронизацию бюджетных документов, бюджетной политики и утвержденного бюджета. Результаты и концептуальный вклад данного исследования могут быть полезны в сфере государственного управления в Индонезии и других странах, особенно в деятельности правительства и парламента, так как они должны быть более последовательными и иметь высокую приемлемость в отношении бюджетирования.

Ключевые слова: Индонезия, бюджет, региональные расходы, потенциал людских ресурсов, планирование бюджета, политика бюджетирования, общественная прозрачность

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 01.04.2020.

Статья принята к публикации: 01.06.2020.

Информация об авторе:

Syuro Mat – доктор наук, лектор Колледжа социальных и гуманитарных наук (STISIPOL Candradimuka Palembang) (Индонезия) (ORCID ID: 0000-0003-4169-5497) (e-mail: mmatsyuroh@gmail.com).

Information about the author:

Syuroh Mat – Doctor of Science, Lecturer in the College of Social and Political Sciences (Indonesia) (ORCID ID: 0000-0003-4169-5497) (e-mail: mmatsyuroh@gmail.com).

Для цитирования:

Syuroh M. The Effect of Human Resources Capacity, Budget Planning, Political Budgeting, and Public Transparency on the of APBD Documents and KUA-PPAS's Synchronization in Musi Banyuasin District Government // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 239–253. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-239-253

For citation:

Syuroh M. The Effect of Human Resources Capacity, Budget Planning, Political Budgeting, and Public Transparency on the of APBD Documents and KUA-PPAS's Synchronization in Musi Banyuasin District Government. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (3): 239–253. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-239-253

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-254-271

Research article

Leadership Failure and Acute Youth Unemployment in Nigeria

U.C. Okolie, M.D. Igbini

Delta State University
P.M.B 1, Abraka, Nigeria

Abstract. The history of Nigeria is tainted with the absence of good moral and ethical values in the conduct of the ruling elites; this has adversely affected economic growth and development. Continued poverty reinforced by acute youth unemployment is a barrier to Nigeria's quest for consolidating her democracy. A society of beggars, parasites and bandits cannot develop. Youth unemployment has been and is still a major problem in Nigeria. The statistics is staggering despite the political clamours against unemployment. The root of this problem originated in the visionless, selfish, mediocre, tribalistic and opportunistic small money-minded people masquerading as leaders who have continued to regenerate Nigerian political landscape over time. It is against this backdrop that this study examines the relationship between leadership failure and acute youth unemployment in Nigeria. A cross-sectional method was adopted and data was collected via a survey of three hundred (300) respondents in south-south geopolitical zone of Nigeria using non-probability sampling technique. Data collected were analyzed using correlation and linear regression analysis with the aid of Statistical Package for Social Science (SPSS) version 21. The results of the study revealed that there is significant relationship between leadership failure and acute youth unemployment. As predicted, the study also showed that leadership failure exerts a positive and statistically significant impact on acute youth unemployment in Nigeria. On the basis of these findings, the study recommends among others that the government at all levels should empower the jobless youths through genuine empowerment schemes that would equip them to be self-employed and employer of labor, revamped agricultural development schemes to create job opportunities for the unemployed youths roaming about on the Nigeria streets and the actualization of youth empowerment would be impossible if the war against corruption is not intensified.

Keywords: leadership failure, youth unemployment, poverty, insecurity

Introduction

The Nigeria government remains distant from serving the interest of its people. Politics at the federal, state and local levels of the Nigerian Federation are dominated by the powerful mandarin who built vast patronage networks during the military days and who now use political office to expand these networks and their personal fortunes. The history of Nigeria is tainted with the absence of good moral and ethical

© Okolie U.C., Igbini M.D., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

values in the conduct of the ruling elites. This has adversely affected economic growth and development in Nigeria. Continued poverty, reinforced by acute youth unemployment is a barrier to Nigeria's quest for consolidating her democracy. A society of beggars, parasites and bandits cannot develop. The increase rate of sectarian violence, crimes and terrorism are connected with unemployment [1]. Acute youth unemployment breeds a high rate of state insecurity which borders on ethnoreligious conflicts, indigenes and settlers divide, armed robberies, abductions, kidnapping and other criminal activities in Nigeria [2].

Acute youth unemployment has been and is still a major problem in Nigeria. The statistics is staggering despite the political clamours against unemployment. The root of this problem originated in the visionless, selfish, mediocre, tribalistic and opportunistic 'small money-minded' people masquerading as leaders who have continued to regenerate Nigerian political landscape since 1960. All the state youth empowerment programmes and other employment generating policies of successive administrations from 1960 to date have failed to achieve their founder's vision because of gross, mismanagement and rampant corruption which has deepened social crises of unemployment and increased idle youths who have recourse to militia groups to gain livelihood by aligning with a political party to perpetrate violence. Thus, the present predicaments of Nigerian state can be explained from the lenses of leadership failure. Against the foregoing, this study empirically examines the relationship between leadership failure and acute youth unemployment in Nigeria.

Statement of Problem

Democracy has experienced stunted growth in Nigeria due to poor leaders with reactionary intent, bereft of developmental ideologies, retrogressive leadership style and bad governance. Nigerian leadership has acquired immunity of irresponsible rulership through reckless mismanagement of public funds, misplacement of people-oriented needs, intolerable and sit-tight and power-drunk syndrome. Nigerian is crises ridden due to insatiable political disposition of the leadership. Since Nigeria gained her political independence in 1960, the political leaders are highly corrupt, incompetent, ineffective and self-centered. Arising from those qualities of leaders, Nigeria's vast economic potentials have been emasculated with serious implications for acute youth unemployment. Nigeria as a nation has no doubt underdeveloped the youths, the consequence of this abject neglect of the Nigerian youths on national insecurity and economic development are best imagined. A trip to all the crannies and corners of the Nigerian cities will reveal the pathetic condition of the youths as a result of systemic disempowerment [3].

Unemployment is a global phenomenon whereby an eligible workforce of the nation is deprived in the service of the country. It is not only a serious economic issue but also has implications that affect almost all countries and all people either directly or indirectly [1]. According to Orhero [4. P. 91], poverty and unemployment "causes social disquiet and they are the harbinger of the spate of crimes, perennial youth unrest as well as unstable socio-economic structure that have bedeviled several nations. In Nigeria today, poverty and unemployment carry

with them a number of attendant social, political, economics, psychological and security challenges”. Thus, the rising spate of crimes and terrorism across the length and breadth of the country are connected with poverty and acute youth unemployment. As observed by Nwagbosa [5], the failure of successive governments in Nigeria to address challenges of poverty, unemployment and inequitable distribution of wealth among ethnic nationalities is one major causes of insecurity in the country.

Existing studies on unemployment in Nigeria theoretically accounted for the nexus between unemployment and insecurity, unemployment and poverty, and the effect of governmental attitude and policies on unemployment and security in Nigeria., however, no study have empirically examines the relationships and the effect of leadership failure on acute youth unemployment in Nigeria. This study was undertaken to fill this obvious research gap by analyzing the relationship between leadership failure and acute youth unemployment in Nigeria.

Review of Related Literature **Concept of Leadership**

Leadership is important to demonstrating better-quality governance which enhances societal development, because it is a process of influencing the actions of a structured group towards the setting and attainment of goals. It is “the ability to guide, direct or influence people. A leader ought to have an honest understanding of who he/she is, what he/she knows and what he/she can do. It is all about creating a way for people to contribute to making something extraordinary happen. It is also about “sacrifice for the common good” [6. P. 105]. According to Wehrich and Koontz [7], the essence of leadership is followership. In other words, it is the willingness of people to follow that makes a person a leader. Moreover, people tend to follow those whom they see as proving a means of achieving their own desires and needs. Therefore, leadership was conceived by Wehrich and Koontz [7. P. 490] as “influence, that is, the art or process of influencing people so that they will strive willingly and enthusiastically toward the achievement of group goals”.

Leadership according to Achebe [8], is a process of social influence in which one person can enlist the aid and support of others in the accomplishment of a common task. This definition is substantiated against the backdrop that “everything rises and falls on leadership and every endeavour you can undertake that involves other people will live or die depending on leadership”. [9: 1]. The common characteristic of a leader is the ability to inspire and stimulate others to achieve worthwhile goals. The individuals who can accomplish these important deeds practice leadership.

For further understanding of the concept of leadership, it is pertinent also to look at the qualities of a good leader. Joseph and Agbaje [10] enumerated these qualified to have include honesty, commitment, ability to inspire others, ability to delegate, sense of humour, creativity, confidence and positive attitude. Maxwell [11] reinforces that a good leader must have character, charisma, committed, communicate with followers, competence, courage, discernment, focus, possess positive attitude, generosity, good initiative, have passion, can solve problems,

listen to followers, have good relationships with followers, take responsibility, have self-discipline, must be a servant, a teacher and have vision. These qualities are lacking in Nigerian leaders.

Leadership Failure in Nigeria

A failed, corrupt and inept leadership coupled with inclement domestic socio-political environment have plunged development performance in Nigeria into the abyss. Development is no longer what the people desire, but what the creditor nations and international financial institution dictate. One of the major factors responsible for political instability and the rising spate of insecurity is the failure of the political elites to sufficiently adhere to the basic tenets of democracy and constitutionalism [12]. As Harriman [13. P. 2] has rightly noted, this situation “has given rise to abuse of power, brazen corruption, disregard for due process and the rule of law, intolerance of political opposition, abuse of the electoral process and the weakening of institutions”. This contradicts the tenet of governance, which presupposes the process of social engagement between the rulers and the ruled in a political community [14; 15].

It is instructive to note that the leadership problem in the Nigerian polity was a manifestation of the dysfunctional pattern of the years of military interregnum. The leadership pattern in Nigeria lacks the necessary focus capable of instilling national development. Our leaders are dull, selfish, indiscipline, undedicated to duty, incompetent and highly corrupt. In analyzing the plethora of leaders that have bestrode the country’s political landscape, Ebegbulem [16] and Nwagwu [17], revealed that political leaders in Nigeria lean heavily on ethnicity and religion in tandem with their colonial heritage that borders on mistrust, tribal antagonism, religious intolerance and instinct of political domination, this unfortunate trend is blended with high profile corruption by all the three arms of government (i.e., the executive, legislature and judiciary), fostering nepotism and bureaucratic ineptitude. According to Anazodo, Igbokwe-Ibeto and Nkah [18], Nigerian underdevelopment crisis is the effect of poor quality of government, absence of transparency and accountability, inefficiency of the workforce, corrupt and crippling bureaucracy and weak legal system. Anyiwe and Aigbokhaevbolo [19] argued that Nigerian leaders have brazenly mismanaged both human and material resources at their disposal. They further argued that in spite of these abundant resources, the rate of poverty, unemployment and mortality is very high. The country is vulnerable to infectious diseases like Ebola virus, Lassa fever, Polio, missiles, leprosy, tuberculosis, epidemic and influenza.

Nigerian politicians ride on ethno-religious sentiment to attain political relevance. Nigeria is a flashpoint for ethnic-based political leadership tussle and fanatic religious coloration in conflict brewing; it suffered stunted growth in its weak efforts to harness the human and material resources to foster good governance. Our political leaders have no vision, mission and passion. Visionless leadership has manifested in ethnic chauvinism, tribalism and nepotism in Nigeria. As Dowden [20] has rightly observed, without positive vision and passion,

leadership will not succeed. It is vision that keeps the leader on track, while passion fuels the vision and makes it succeed. Take example of Singapore and Botswana in which by 1964 were also struggling as young nations, Singapore was and still is a multi-lingual, multi-cultural and multi-religious society, but its leaders did not see that as a barrier for nationhood; they rather believed that a fair and even-handed policy would get the people to live peacefully together and remain united [21]. Also, in Botswana, most of the credit was given to the leadership, which, since independence in 1966, has designed and fostered the conditions of governance that have ensured stability and socio-economic progress [21]. Thus, their leaders were vision oriented; they pursued their goals with all sincerity and passion and today Singapore has moved from third world to first.

From 1960 to the present democratic dispensation, Nigeria has been struggling with leadership dearth prominently found in the character of our political elites. Nigerian political leaders have found politics as a quick way of becoming very rich and economically powerful people, as a result of this; they explore all corrupt avenues to siphon, misappropriate and embezzle public funds into their own personal coffers. The extensive research work on corruption in the 1990s led to a worldwide shared view of it as a ‘cancer’ to be combated in both developed and developing countries. With specific reference to developing countries, especially Nigeria, there is strong evidence that corruption undermines development efforts, distorts the composition of government expenditure, reduces expenditure on operations and maintenance, lowers the quality of public infrastructure and service delivery, reduces government revenues, lowers incentives to private investment, undermines legitimacy and credibility of the state, influences outcomes of the legal and regulatory processes, violates the social and economic rights of the poor and the vulnerable and erodes the moral fabric of society [23]. In June 2018, World Poverty Clock listed ten most poor countries in the world with Nigeria emerging first with the rates of 86.9 million with great implications on employment. The rate of poverty in Nigeria can simply be explained against the backdrop of institutionalized corruption as observed by Dowden [20], thus, all its institutions-the civil service, the law, hospitals, schools, the army, police, business, etc, had become so corrupt that although Nigeria looks like a functioning state, it is just a shell. It still holds the shape of a nation from the outside, but within, corruption has become the institution.

More so, another dimension of leadership dearth in Nigeria is lack of political will and commitment for effective service delivery. Our political leaders have shown low level of patriotism which is love for one’s country and willingness to sacrifice for it. Instead of serving the country with all sense of commitment, they placed nepotism and self-egotism at the altar of selfless service; as a result, there is high level of indiscipline and lack of self-control. Our leaders who are expected to be the first to keep and uphold the laws of the land break them with impunity. These attributes of Nigerian leaders have held the country at stand still since Nigeria gained her political independence in 1960 with serious implications for nation-building and development, therefore, leadership failure in the context of this study means the inability to achieve goals and mission. The reasons for leadership failure include mismatch between needs and programmes, poor attitude, blindness to reality, not

valuing diversity, over-confidence, failure to listen to feedback from others, having wrong expectations, failure to communicate a vision, ignoring relationship building, failure to embody values and create the environment with which things can be accomplished and lack of social skills, leaders also fail when they care little about the consequences of their actions or followers as the case in Nigeria.

Youth Unemployment

Youth occupy a prominent place in any society. They are one of the greatest assets any nation can have. Apart from being the leaders of tomorrow, they outnumber the middle-aged and the aged [33]. The National Youth Development Policy [25] asserts that the youth are the foundation of a society; their energies, inventiveness, character and orientation define the pattern of development and security of a nation. Through their creative talents and labour power, a nation makes giant strides. The youth are a particular segment of the national population that is sensitive, energetic and active and the most productive phase of life as citizens. The youth are also most volatile and yet the most vulnerable segment of the population in terms of socio-economic, emotion and other aspects [26; 27]. According to Lamido [28], Youth unemployment is generally caused by improper orientation of the youths, absence of policy on social welfare, societal attitude towards vocational and technical education and inadequate teaching facilities.

Unemployment is synonymous with poverty; this is because when someone has nothing to do for a living, he/she becomes very poor in every ramification. Nwagwu [17. P. 34] posits that poverty is “a product of unemployment, inequality and economic marginalization. The jobless youths are frustrated due to inequality and economic deprivation that have rendered them unemployed. Thus, any individual deprived of the basic wherewithal cannot participate effectively in a democratic process. A poor person is therefore not a fully-fledged social individual, as he/she lacks the basic freedom to engage in the life he/she enjoys. It is important to note that about 90% of the Nigerian populations are estimated poor, is there any wonder why the society is Chaotic? [29]. According to International Labour Organization [30], unemployment occurs when people are without jobs and they have sought work within the past five weeks. Also, International Labour Organization [30] defines unemployed as numbers of the economically active population who are without work, but available for and seeking work, including people who have lost their jobs and those who have voluntarily left work. According to Adebayo, 1999 cited in Akwara, Akwara, Enwuchola, Adegunle and Udaw [31], unemployment occurs when the labour force wish to work but cannot get jobs.

The unemployment rate is a measure of the prevalence of unemployment and it is calculated as a percentage by dividing the number of unemployed individuals by all individuals currently in the labour force. Thus, unemployment is defined as the proportion of labour force that was available for work but did not work in the week preceding the survey period for at least 39 hours [3]. In Nigeria today, the rapid increase in the country's unemployment rate has become a major sources of worry, several school leavers and adults are either finding it difficult to secure

employment or are laid off work for one reasons or the other. It is no longer about going to school and graduating or learning a trade, but about how to face the reality of graduating and joining the brigade of the unemployed with little hope of what the future holds [4]. The youth unemployment rate in Nigeria refers to the percentage of the unemployed in the age group of 15 to 44years as compared to the total labour force. Youth unemployment rates are often higher than overall unemployment rates, which is true in Nigeria as well. The table below (table 1) shows the youth unemployment rate from 1999 to 2019.

*Table 1***Youth Unemployment Rate in Nigeria**

Year	Percentage
1999	9.14
2000	8.9
2001	9.15
2002	9.24
2003	14.80
2004	13.40
2005	11.90
2006	13.70
2007	14.60
2008	14.90
2009	19.70
2010	23.90
2011	24.90
2012	25.20
2013	25.43
2014	36.07
2015	49.03
2016	57.59
2017	59.45
2018	62.83
2019	68.50

Source: NISER, 2020 [31].

The table above indicates that the issue of youth unemployment is critical in Nigeria. Unemployment has become a major problem bedeviling the lives of youth, causing frustration, dejection and dependency on family members and friends, who also have their own problems to contend with. Youth's unemployment in Nigeria is a consequence of several factors; one major factor is that of population growth. Nigeria has continued to experience high rate of population growth. Leadership failure is another major factor responsible for acute youth unemployment in Nigeria. Lack of employable skills due to inappropriate school curricula is another factor contributing to the rising youth unemployment. Yet another factor is the perception of policymakers and the youth themselves about employment. To the policymakers and the youth, employment means a job with salary and working for someone else. It is this perception that has continued to influence the tertiary

educational institutions in Nigeria that provide skills and training. Based on this, Curricula and training programmes are generally tailored towards preparing young people for formal sector jobs. Since these jobs do not exist, there is often a mismatch between the skills possessed by the job seekers and the available jobs.

In fact, education system in Nigeria has its liberal bias which indeed over supplies the labour market with graduates who do not possess the skills required by many employers of labour in Nigeria. Today, many graduates in Nigeria lack entrepreneurial skills to facilitate self-employment [33]. Among other factors responsible for acute youth unemployment include poor governance, ineffective targeting of the poor resulting in resources being thinly spread among competing projects, overlapping of functions, poor coordination and lack of sustainable measures [34]. According to the National Bureau of Statistics [35], youth people aged between 15 and 24 years accounted for 63.4% of unemployed people while those aged between 25 and 44 years accounted for 57.6%.

Consequences of Acute Youth Unemployment

The increasing level of youth unemployment in Nigeria is one issue that has been responsible for the resurgence of militia groups in the country. Youth unemployment has been identified as one of the major causes of social vices including armed robbery, political thuggery, destitution, prostitution, kidnapping and hostage-taking [1]. Indeed, acute youth unemployment in Nigeria is responsible for the spate of kidnappings, the marauding herdsmen militancy, armed robberies, abductions, Boko Haram insurgency, the new face of militancy in the Niger Delta and other forms of violent crimes. Unemployment has also encouraged increasing feminization of poverty among young women, which has encouraged prostitution as a means of survival and leads to trafficking of young ladies across international borders with transnational security implications [31]. Furthermore, the negative consequences of acute youth unemployment include poverty; psychological problems of frustration, depression, hostility, murder and all manner of social delinquent behaviours. Thus, acute youth unemployment in Nigeria today has contributed to the high rate of poverty and insecurity of life and property. With the growing rate of unemployment and underemployment of the youths, Nigeria has suffered enormous loss in terms of growth and development opportunities which would have engaged their wasteful human capital [17].

Youth Empowerment Programmes

The existing literature reveals that successive Nigerian government has played vital roles in providing solutions to unemployment and poverty alleviation. But in spite of the myriad policies and programmes initiated by Nigerian government such as Operation Feed the Nation (OFN), Green Revolution Directorate of Food, Roads and Rural Infrastructure (DFRRI), Better Life for Rural Women (BLRW), Family Support Programme (FSP), People Bank (PB), The Introduction of Privatization, Liberation and Deregulation of the Economy, National Economic Empowerment and Development Strategy (NEEDS), Subsidy Re-investment and Empowerment Programme (SURE-P), National Directorate of Employment (NDE), N-Power, Presidential Youth Empowerment Scheme (P-YES) and other poverty reduction

programmes from 1999 to date have failed to achieve their founder's vision. Consequently, the rank of the unemployed and idle youths increased the number and people who had recourse to ethnic formations to gain livelihood, define their identity and promote ethnic nationalism. This is the hopeless situation we found ourselves due to bad leadership exercised through bad governance. In Nigeria today, one of the major inducements to insecurity challenges is high rate of unemployment, especially among the youths. For instance, no fewer than 8 million youths are jobless in Nigeria, while 2.7 million graduates enter the labour market every year. Since the primary need of man is food, it is not surprising that the army of unemployed and jobless Nigerian youths resort to self-help in the form of kidnapping, armed robbery, prostitution as well as making themselves available to be engaged as ready tools for destabilization and insecurity. This is based on the aphorism that 'an idle mind is a devil's workshop' and 'a hungry man is an angry man'.

Leadership Failure and Acute Youth Unemployment in Nigeria

The unemployed youths (educated and uneducated alike) are frustrated by the poor governance of the political elite. It is the primary responsibility of all levels of government to harness and husband the state resources; and create job opportunities for the teeming unemployed population, protect lives and properties and ensure good governance at all levels. Youth unemployment rate in Nigeria is very high in spirit of the favourable economic potentials for employment generation in the country, such as rapid increases in government revenues, windfalls from oil proceeds and the appreciable rise on foreign reserves. Apart from the serious adverse effect of corruption on the economy, faulty and unfavourable economic policies of the government since 1960 to date have acted as disincentives to employment creation (such as high interest and exchange rates, poor infrastructures, import tariff, etc.) which have dwindled the employment absorptive capacity of the private sector; and non-investment of these resources in employment generation are responsible for sustaining youth unemployment in the Nigeria economy [17].

The political leaders in Nigeria have failed the Nigerian state in spite of the huge amount of money crude oil has given to the country. Despite the long period of oil exportation, Nigeria has nothing to show with soaring rates of youth unemployment and poverty [36]. Similarly, Salawu [37] linked failed state to mass poverty, illiteracy and unemployment, he further posits that poverty and unemployment inevitably increase the number of people (youths) who are prepared to kill or be killed for a given course at token benefit. To state that there is high level of youth unemployment in Nigeria is stating the obvious. This is because youth unemployment had reached an alarming stage. The root of this problem is leadership failure. As former president Olusegun Obasanjo argued, "When you see a poor country, look out for the form of governance there, then you will observe leadership challenges". He is among those who believed that leadership dearth in Nigeria had robbed it of meaningful development and has become a clog on the nation's wheel of progress. Obasanjo affirmed that "we have so many Nigerians, but there are not many good leaders in Nigeria". From political leadership to traditional, commerce to education and down to the family level, the ideal form of leadership is nowhere to be found [38].

According to Anazodo *et al.* [18: 42], one of the major challenges facing Nigeria and other developing areas of the world is how to create a stable political and socio-economic environment for policies and programmes to be implemented. The issue of getting the right leadership to fight corruption and propel good governance has been a recurring decimal in Nigeria and Africa in general. Once the enabling environment is created, it becomes very easy for the people to confront and resolve challenges facing them by using resources within their environment to create a condition of life where each stage is progressively better than the preceding one. However, this is not the case in Nigeria due to corruption and bad governance". They further noted that the reverberation effect of the failure of leadership, corruption and bad governance are visible and being felt across all sectors and segment of the Nigerian society. Unemployment and employment for cash, insecurity, crude oil thefts, crisis in education, dearth of infrastructures such as health services, transportation, accommodation, communication, medication, etc are all common features in Nigeria. Also, Adegoke's [1] study in Lagos revealed that there is a relationship between government attitude and policies and youth unemployment in Nigeria.

Theoretical Framework

In our attempt to place this study in its proper perspective, the need for a theoretical framework of analysis is very fundamental. The theoretical framework of analysis adopted in this study is the Frustration-Aggression theory. The frustration-aggression hypothesis formulated by Dollard, Doob, Miller, Mowrer and Sears [39] has the central premise that the occurrence of aggressive behaviour always presupposes the existence of frustration. According to them, frustration produces instigation to a number of different types of responses, one of which is an instigation to some of aggression, expatiating on the above postulation, Okolie *et al.* [2] submit that, given the requisite conditions, individuals or groups who feel frustrated in the attainment of their desires and demands often react by direct aggressive behaviour at what is perceived as being responsible for depriving or thwarting those desires as a substitute, they further posit that it is not utter lack but unfulfilled hopes and expectations that engender violent crimes. Fundamentally, the overall policy goal of National Youth Policy (NYP) is to provide and appropriate framework that will promote the enjoyment of fundamental human rights and protect the health, social, economic and political well-being of all young (men and women) in order to enhance their participation in the overall development process and improve their quality of life. It could be argued from the above vantage points that National Youth Policy and other empowerment programmes have not yielded results in curbing unemployment rate, but rather causing frustration and dependency on the part of the youths. The state of deprivation and frustration have driven youths to kidnapping, drug abuse, political thuggery, hostage-taking, prostitution, vandalization of oil pipelines, abduction, armed robbery and other criminal activities as options for idleness. In the final analysis, the relevance of the frustration-aggression theory is based on its ability to justify how frustration as a result of lack of employment opportunities has contributed to youth involvement in delinquent behaviour in Nigeria.

In line with the literature review, the following objectives and null hypotheses were formulated for the study.

Objectives of the Study

Specially, the study sought to:

- i. Examine the relationship between leadership failure and acute youth unemployment in Nigeria.
- ii. Ascertain the extent to which leadership failure impact on acute youth unemployment in Nigeria.

Hypotheses of the Study

H₁: There is no significant relationship between leadership failure and acute youth unemployment in Nigeria.

H₂: Leadership failure does not have a significant impact on acute youth unemployment in Nigeria.

Methodology

Research Design and Data Collection

This study adopted a survey research design to determine the relationship and impact of leadership failure on acute youth unemployment in Nigeria and data was collected via a survey of 300 respondents in South-South geopolitical zone of Nigeria using non-probabilistic sampling techniques comprising of purposeful and convenience techniques. Thus, the instrument used for this study was researchers developed structured questionnaire, the questionnaire consisted of 22 items structured along a 5-points likert type scale which ranks responses on a scale of (1) strongly agree (SA) to strongly disagree (SD) (see table 2).

Table 2

Distribution of Questionnaire and Response Rate

S/N	South-South State	Questionnaire Distributed	Questionnaire Retrieved	Percentage Retrieved
1	Delta	50	47	15.7
2	Rivers	50	44	14.7
3	Bayelsa	50	46	15.3
4	Edo	50	47	15.7
5	Akwa Ibom	50	45	15.0
6	Cross rivers	50	44	14.7
	Total	300	273	91.1

Source: Questionnaire Administered, 2020.

Out of the 300 copies of questionnaire administered, 273 were retrieved and analyzed given us a response rate of 91.1%. Out of the 273 respondents, 149 were male and 124 were female respectively.

Validity and Reliability of the Instrument

The validity of the research instrument was ascertained by subjecting its initial draft to face validation by two experts in the department of political science, Delta State University, Abraka. The opinions and suggestions of these experts were used to modify and produce the final draft of the instrument. The research instrument also underwent reliability test conducted on 30 respondents in Delta

State who also took part in the study, Cronbach Alpha method was used to establish the internal consistency of the items as shown in the table below (table 3).

Table 3

Reliability Statistics of Variables

Scale	No of items	Crobach’s Alpha
Leadership failure	14	.815
Acute youth unemployment	8	.837

Sources: Researchers’ Computation, 2020.

The results yielded a coefficient of 0.815 and 0.837, which satisfied the general recommended level of 0.70 for the research indicators. Hence, researchers satisfied both the validity and reliability of the scale.

Model specification

Given that this study has one dependent variable, we formulate the model as shown below:

The model has the following mathematical functions:

$$AYU = f(LF)$$

Econometrically, the model was specified as:

$$AYU = \beta_0 + \beta_1 LF + \epsilon t$$

Where:

AYU = acute youth unemployment.

LF = leadership failure.

β_0 = Constant.

β_1 = Coefficient and apriori sign of independent variable.

ϵt = error term.

From the above, the apriori expectation of the parameter of the model was:

$$\beta_1 < 0$$

Method of Data Analysis

The data collected were analyzed using correlation and linear regression analysis with the aid of the Statistical Package for Social Science (SPSS) version 21.

Results

Table 4

Correlation Matrix

Variables		Leadership Failure	Acute Youth Unemployment
Leadership failure	Pearson correlation	1	.841**
	Sig. (2-tailed)		.000
	N	273	273
Acute youth unemployment	Pearson correlation	.841**	1
	Sig. (2-tailed)	.000	
	N	273	273

**Correlation is Significant at 0.05 levels (2-tailed)

Sources: Researchers’ Fieldwork, 2020.

Table 4 shows the correlation between leadership failure and acute youth unemployment in Nigeria. There exists a significant positive high correlation between leadership failure and acute youth unemployment ($r=.841$, $n=273$, & $p<0.05$). This implies that leadership failure has a strong and positive relationship with acute youth unemployment in Nigeria. Therefore, the null hypothesis is rejected.

Linear Regression Analysis

Table 5

Model Summary^b

Model	R	R ²	Ad-R ²	Std. Error of estimate
1	.762	.694	.588	.329

- i. predictors: (constant), leadership failure
- ii. dependent variable: acute youth unemployment

Table 6

ANOVA^a

Model	Sum of square	Df	Mean	Coefficient	f-stat	Sig	D.W	Remark
Regression	36.718	2	4.129					
Residual	19.445	269	0.767	0.096	23.548	0.000 ^b	1.927	Sig
Total	56.163	271						

- i. Dependent variable: acute youth unemployment
  - ii. Predictors: (constant), leadership failure
- Sources: Researchers' fieldwork, 2020.

Table 6: shows R² value of .694 which revealed that leadership failure independently account for 69.4% of the variation in acute youth unemployment in Nigeria. The coefficient of 0.096 further indicated that a one percent increase in leadership failure results in 9.6% increase in acute youth unemployment. The F-statistics of 23.548 revealed that the model is statistically significant at 0.05 significant levels. The Durbin-Watson statistics of the model which shows 1.927 implies absence of serial autocorrelation in the regression analysis.

Discussion of Findings

The results amongst others showed that there is positive and strong relationship between leadership failure and acute youth unemployment in Nigeria. The finding is in agreement with Adegoke [1] study that revealed the relationship between government attitudes and polices and youth unemployment. As predicted, the study also revealed that leadership failure exerts a positive and statistically significant impact on acute youth unemployment in Nigeria. The finding is in agreement with Salawu [30; 36], Nwagwu [16], Adebowale (2015), Adegoke [1] and Orhero [4] view that leadership failure is responsible for youth unemployment and abject poverty in Nigeria. Thus, the ruling (political) class have failed Nigerians because they replaced the vision, policy and strategy, which should be the thrust of

every leadership with transactions (contract award and other mundane money-related activities), as each successive government took turns to prey on the nation's wealth, by using public power, resources, good will, utilities, instrument of abuse and personal gains. Thus, crimping the economy and exacerbating unemployment which creates abject poverty, hunger and frustration among the youths. Corroborating this unfortunate scenario, Anazodo *et al.* [17. P. 43], succinctly argued that “since the flag of political independence in 1960, Nigerian leaders and their regimes have been deeply engrossed in excessive acts of corruption and bad governance. All available means have been employed by Nigerian political leaders to ‘grab’ power including the blatant rigging of elections, manipulation of census figures, violence, thuggery, arson, vandalism, gangsterism, corruption, religious bigotry, regionalism, tribalism, ethnic sentiments and acts of brigandage as witnessed in the utterances of some delegates in the 2014 national conference. Relegation of public interest, malpractices of all forms, crimes of every description, mendacity, lack of candour, readiness to cheat, grabbing, philistinism, ethnic and sectional inclinations are all the only game in town”. All these have precipitated social dislocation, insecurity, violence, abject poverty, socio-economic and political instability and acute youth unemployment and underemployment.

Conclusion and Recommendations

The study has revealed through its perceived findings that leadership failure has a positive and strong impact on acute youth unemployment in Nigeria. Also, the relationship between leadership failure and acute youth unemployment was confirmed. In conclusion, Nigeria is the world sixth largest oil supplier and blessed with economic potentials, but majority of the Nigerian population live in narrow circumstances due to leadership failure and ranging endemic corruption. Since Nigeria return to democratic practice in 1999, youth unemployment has maintained speedy rise. It is, therefore, necessary to create jobs and generate employment for the unemployed Nigerian youths to give them sense of belonging and discourage them from engaging in the sundry acts of threat to security in the country. In Nigeria today, amidst high level of youth unemployment, there is incessant ethno-religious crises, Fulani herdsmen/farmers brouhaha, electoral and communal violence among others. Nigeria who supposed to be the giant of Africa becomes the sleeping giant whose economic and human power has been emasculated by unscrupulous politicians. This study strongly contented that our political leaders since Nigeria gained political independence in 1960 failed in their primary responsibility of harnessing and husbanding the state resources and creating job opportunities for the teaming unemployed population. This explains why armed robbery, kidnapping, terrorism, thuggery and sorts of social vices in Nigeria emanate from acute youth unemployment. Most importantly, addressing the breeding grounds of threats to security such as poverty, human rights violations and bad governance is a desideratum to put an end to the security issues in the country. Based on the empirical and theoretical findings of this study, the following policy recommendations were made:

1. The government at all levels should intensify efforts to empower the jobless youths through genuine empowerment schemes that would equip them to be self-employed and employer of labour, revamped agricultural development schemes to create job opportunities for the unemployed youths roaming about on the Nigerian streets and the actualization of youth empowerment would be impossible if the war against corruption is not intensified.

2. Poor quality of education, lack of efficient training and skills acquisition are negatively affecting the productive sector of our economy. Therefore, government at all levels should invest heavily on education and encourage research institutions for result oriented research-projects.

3. There is urgent need for participating nature of democracy to public agenda setting and decision-making as against that of exclusionary disposition of the military regime which may engender more economic growth, as it is disposed to the adoption of market forces which would bring competition to spur economic growth. This is capable of bringing to the barest minimum the perceptions of domination, marginalization, alienation or discrimination of one ethnic group against the other, which are quite detrimental to economic growth and development.

4. The government at all levels should create a conducive environment to enable the private sectors thrive and absorb many of the teeming jobless Nigerian youths.

REFERENCES

- [1] Adegoke N. Youth Unemployment and Security Challenges in Nigeria. *Asian Journal of Humanities and Social Studies*. 2015; 3 (1): 13–22.
- [2] Okolie U.C., Onyema A.O., Basey U.S Poverty and Insecurity in Nigeria: An Empirical Study. *International Journal of Legal Studies*. 2019; 6 (2): 247–261.
- [3] Oduwole T.A. Youth Unemployment and Poverty in Nigeria. *International Journal of Sociology and Anthropology Research*. 2015; 1 (2): 23–39.
- [4] Orhero A.E. Poverty, Unemployment and National Insecurity in Nigeria’s Fourth Republic. *International Journal of Legal Studies*. 2019; 6 (2): 89–98.
- [5] Nwagbosa C. Security Challenges and Economy of the Nigerian state (2007–2011). *American International Journal of Contemporary Research*. 2012; 2 (6): 244–258.
- [6] Mahammad N., Danjuma D. Leadership and Critical Thinking: An Exploratory Search for a Nexus. *Leadership and Complex Military Operation*. Chukwuma C. (ed.). Kaduna: Nigerian Defence Academy; 2016.
- [7] Wehrich H., Koontz H. *Management: A Global Perspective*. Singapore: McGraw-Hill; 1993.
- [8] Achebe C. *The Trouble with Nigeria*. Enugu: Fourth Dimension Publishers; 1981.
- [9] Bennies W. *On Becoming a Leader*. New York: Wesley; 1989.
- [10] Joseph R.S., Agbaje T.A. Nigeria. *Comparative Politics at the Crossroads*. Kesselman M., Krieger J., Williams j. (eds.). Lexington, D.C: Health and Company; 1996.
- [11] Maxwell J. *The 21th Irrefutable Laws of leadership: Follows Them and People Will Follow You*. New York: Thamos Nelson Publishers; 1998.
- [12] Kew D. Nigeria. *Countries at the Crossroads*. Tatic S. (ed). New York: Freedom House; 2006.
- [13] Harriman T. *Is There a Future for Democracy in Nigeria?* Text of a public lecture delivered at Dept. of International Development, Oxford University, Monday 5th June, 2006.

- [14] Adejumbi S. Democracy, Good Governance and Constitutionalism in Africa. *Governance: Nigeria in the World*. Odion-Akhaine S. (ed). Lagos: Centre for Constitutionalism and Development; 2004.
- [15] Fagbadebo O. Corruption, Governance and Political Instability in Nigeria. *African Journal of Political Science and International Relations*. 2007; 1 (2): 28–37.
- [16] Ebegbulem J.C. Corruption and Leadership Crisis in Africa: Nigeria in Focus. *Afroeuropa*. 2009; 3 (2): 16–36.
- [17] Nwagwu E.J. Unemployment and Poverty in Nigeria: A Link to National Insecurity. *Global Journal of Politics and Law Research*. 2014; 2 (1): 19–35.
- [18] Anazodo R.O., Igbokwe-Ibeto C.J., Nkah B.C. Leadership, Corruption and Governance in Nigeria: Issues and Categorical Imperatives. *African Research Review*. 2015; 9 (2): 41–58.
- [19] Anyiwe A., Aigbokhaevbolo O. Democracy and Economic Growth: Statistical Evidence from Nigeria 1960-2002. *Journal of Applied Science*. 2006; 6: 257–265.
- [20] Dowden R. *Africa: Altered State, Ordinary Miracles*. Great Britain: Portobello Books Ltd; 2009.
- [21] Lee K.Y. *From Third World to First*. New York: Harper Collins; 2000.
- [22] Lewin M. Botswana's Success: Good Governance, Good Policies and Good Luck. *World Bank*. 2018. URL: http://documents1.worldbank.org/curated/en/304221468001788072/930107812_201408253094647/additional/634310PUB0Yes0061512B09780821387450.pdf. Accessed: 10.04.2020.
- [23] Good Governance: The IMF's Role. *International Monetary Fund*. Washington DC: IMF Publication; 1997.
- [24] Onyekpe N. Managing Youth at Election: The Constitution. *Journal of Constitutional Development*. 2007; 1 (1): 76–87.
- [25] Youth Unemployment Challenges. *National Youth Development Policy*. Abuja: NYDP publication; 2001.
- [26] Anasi S.N. *Curbing Youth Restiveness in Nigeria: The Role of Information and Libraries*. Nigeria: Library philosophy of practice; 2010.
- [27] Ajufo B.I. Challenges of Youth Unemployment in Nigeria: Effective Career Guidance as a Panacea. *African Research Review*. 2013; 7 (1): 307–321.
- [28] Lamido S. Unemployment Fueling Insecurity in Nigeria. *Punch Newspaper*. 23.07.2013.
- [29] Kwasau M.A. The Challenges of Democratic Consolidation in Nigeria's Fourth Republic. *European Scientific Journal*. 2013; 9 (8): 181–192.
- [30] Gender and Youth Migration Convention. *International Labour Organization*. Geneva: ILO publication; 1982.
- [31] Akwara A.F., Akwar N.F., Enwuchola J., Adekunle M., Udaw J.E. Unemployment and Poverty: Implications for National Security and Good Governance in Nigeria. *International Journal of Public Administration and Management Research*. 2013; 2 (1): 1–11.
- [32] NISER *Analysis and Design of Safety Nets and Capacity Empowerment Programmed for Unemployed Youths in Nigeria*. 2020. URL: <http://www.niser.com>. Accessed: 16.04.2020.
- [33] Oladele P.O., Akeke N.I., Oladunjoye O. Entrepreneurship Development: A Panacea for Unemployment Reduction in Nigeria. *Journal of Emerging Trends in Economics and Management Sciences*. 2011; 2 (4): 257–256.
- [34] Musari O. *Challenges of Youth Unemployment in Nigeria: Major Causes of Social Vices*. 2009. URL: <http://www.sachajournals.com>. Accessed: 18.04.2020.
- [35] Unemployment in Nigeria. *National Bureau of Statistics*. Abuja: The NBS publication; 2018.
- [36] Ogundiya I.S. Democracy and Good Governance: Nigeria's Dilemma. *African Journal of Political Science and International Relation*. 2010; 4 (6): 201–208.

- [37] Salawu B. Ethro-religious Conflicts in Nigeria: Casual Analysis and Proposals for New Management Strategies. *European Journal of Social Sciences*. 2010; 3 (2): 63–78.
- [38] Alechenu J. Quest for Good Leadership in Nigeria. *The Punch Newspapers*. 23.07.2013.
- [39] Dollard J., Doob L., Miller N.E., Mowrer O.H., Sears R.R. *Frustration and Aggression*. New Haven, C.T.: Yale University press; 1939.

Article history:

The article was submitted on 10.05.2020.

The article was accepted on 01.06.2020.

Научная статья

Провал руководства и проблема безработицы среди молодежи в Нигерии

У.Ч. Околе, М.Д. Игбини

Государственный университет Дельта
P.M.B I, Абрака, Нигерия

Аннотация. История Нигерии омрачена недостатками моральных и этических ценностей в поведении правящих элит, что отрицательно сказалось на экономическом росте и развитии. Продолжающаяся нищета, усугубляемая острой безработицей среди молодежи, является препятствием на пути к укреплению демократии в Нигерии. Общество паразитирующих нищих и бандитов не может развиваться. Безработица среди молодежи была и остается основной социальной проблемой в Нигерии. Несмотря на политические протесты против безработицы, негативная в стране статистика все еще ошеломляет. Автор уверен, что корень этой проблемы кроется в политике недальновидных, эгоистичных, посредственных, трайбалистически и оппортунистски настроенных лидеров, которые формируют нигерийский политический ландшафт. Именно исходя из этого в исследовании рассматривается связь между провалами и неудачами руководства и острой безработицей среди молодежи в Нигерии. В основу исследования легли данные, собранные путем опроса трехсот респондентов в южной Нигерии с использованием метода выборки без вероятности. Собранные данные были проанализированы с использованием корреляционного и линейного регрессионного анализа с помощью статистического пакета для социальных наук (SPSS. Версия 21). Результаты исследования показали, что существует значительная связь между провалами руководства и острой безработицей среди молодежи. Как и предполагалось, исследование также показало, что недееспособность руководства оказывает негативное и статистически значимое влияние на уровень безработицы среди молодежи в Нигерии. На основании этих выводов авторами рекомендуется, чтобы правительство на всех уровнях предоставляло возможности безработным молодым людям заниматься индивидуальной трудовой деятельностью и трудоустройством путем реального расширения их прав и возможностей, пересмотреть схему развития сельского хозяйства с целью создания возможностей трудоустройства для безработных молодых людей, сегодня бесцельно бродящих по улицам Нигерии. Расширение прав и возможностей молодежи также невозможно без усиления борьбы против коррупции.

Ключевые слова: провал руководства, лидерство, безработица среди молодежи, бедность, отсутствие безопасности, коррупция, Нигерия

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 10.05.2020.

Статья принята к публикации: 01.06.2020.

Информация об авторах:

Околе Уго Чакс – аспирант кафедры политических наук, государственный университет Дельта (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-0448-2938) (e-mail: ugookolie3@gmail.com).

Игбини Мевайероре Даниэль – доктор политических наук, независимый исследователь (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-3119-3891) (e-mail: igbinidaniel@gmail.com).

Information about the authors:

Ugo Chuks Okolie – PhD Student of the Department of Political Sciences, Delta State University (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-0448-2938) (e-mail: ugookolie3@gmail.com).

Mevayerore Daniel Igbini – PhD in Political Science, Independent Researcher (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-3119-3891) (e-mail: igbinidaniel@gmail.com).

Для цитирования:

Okolie U.C., Igbini M.D. Leadership Failure and Acute Youth Unemployment in Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 254–271. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-254-271

For citation:

Okolie U.C., Igbini M.D. Leadership Failure and Acute Youth Unemployment in Nigeria. RUDN Journal of Public Administration. 2020; 7 (3): 254–271. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-254-271

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-272-284

Research article

Impact of UNDP's Initiated Projects on Socio-Economic Development of Women: A Study of Rural Punjab, Pakistan

R.D. Nisar

Central China Normal University

No. 152, Luoyu Road, 430079, Wuhan, Hubei, People's Republic of China

Abstract. Women are half of the world's total population. Their condition around the globe is drastic. Women's empowerment is much underscore issue of the 21st century. The West, which got phenomenal prosperity, is a direct result of empowering their women. It is a proven fact that without empowering the half of the population, a country cannot achieve prosperity in any field. Several governmental and non-governmental organizations are working intensively on women's empowerment issue, but the United Nations (UN) contributions are above all, as its charter ensures the basic rights of women. During the last two decades, the UN has held many conferences, seminars and workshops on women rights to launch a global strive. A number of the UN agencies are working on this issue, but most effective work on women's empowerment has been carried out by the United Nations Development Program (UNDP). It works throughout the world by advocacy, partnerships, and provides technical support and financial aid to government and non-governmental organizations. In Pakistan, women are 51.73 percent of the total population. The condition of female population specifically in rural areas is adverse. Women are deprived of their basic human rights, and the literacy ratio among women is also alarmingly low. Being a developing state, Pakistan depends upon financial aid and technical support from international agencies. After the 18th amendment to the Constitution, provinces receive all sorts of aid directly from the donor agencies. The UNDP operates throughout the country known as "the UNDP Pakistan". Because of dire situation in rural areas, the UNDP is working for rural uplift. This study has highlighted the socio-economic impacts of UNDP initial program on women in detail.

Keywords: UNDP Projects, Pakistan, Rural Punjab, Socio-Economic Women Development

Introduction

Women's empowerment and gender equality fall under Millennium Development Goals (MDGs). All the work of the UN agencies particularly the UNDP is in the direction of meeting these MDGs. The MDGs are the most lucrative worldwide anti-poverty step taken in the history. Under these continuous efforts,

© Nisar R.D., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

significant and substantial development has been put forward to accomplish many targets that include halving the number of people living in extreme poverty and the proportion of people without sustainable access to improved sources. A significant decline in the proportion of urban slum dwellers has been seen. Remarkable gains are made in the fight against violence against women. Visible improvements have been observed in all health areas as well as in primary education of women. The achievement of the MDGs has been uneven among countries. The UNDP is working hard through expediting the actions so that MDGs can be achieved and drive the world for a striving and inspirational post-2015 development framework. It is the time for the UNDP to speed up efforts to build sustainable and secure environment for women [1]. The UNDP promotes transformational change by fostering strategic partnerships with national counterparts in federal, provincial and regional governments, civil society and the local and international community. The UNDP is helping Pakistan to coordinate activities on behalf of the UN's development system since 1960s. Its outstanding and neutral presence in Pakistan is a platform upon which trust is built. It forgoes constructive relationships and devises practically integrated responses with national and local partners which make it ideally positioned to take the lead in building capacities for sustained development. Pakistan is one of the eight countries which are selected for "One UN Pilot Program" that aims to provide development assistance in a more coordinated way. The UNDP leverages its comparative strengths by working through its national and local networks. It links ideas and best practices to develop localized solutions that support transformative change in Pakistan's development status [2]. The UNDP Pakistan has helped to attract aid and proper use of aid in effective manner while promoting the protection of human rights, capacity development and the empowerment of women. The agency has the highest standard of accountability, transparency and integrity in monitoring and evaluation of its programs, human resources, procurement and financial management procedures. It has facilitated the provision of gender justice and protection services to nearly 60,000 women across the country. Over 8,000 households received energy efficient cooking and heating equipment under environmental initiatives. The UNDP has strengthened peace and development through livelihoods and cash-for-work programs, community infrastructure rehabilitation, social cohesion and peace building activities. Early Recovery Program benefited more than 4.8 million people in 3,811 villages which were affected by the floods. Pakistan has adopted 16 targets and 41 indicators towards achieving the Eight Goals of the MDG's including women empowerment's goal. Time series data available for 33 of these indicators reveal that Pakistan is on track to achieve the targets on nine indicators, whereas its progress on 24 indicators is off the track. In the MDGs area of promoting gender equality and empowering women, Pakistan has achieved one of the highest ratios of women parliamentarians in the South Asia Region. The proportion of women in the national parliament (National Assembly and Senate) stands at 22.2 percent. It can also be noted that on three out of the four indicators related to MDG 3, progress is lagging. These three indicators include the GPI for youth literacy, secondary and primary education [2].

Social Impact of the UNDP's Work

Women Representation and Contribution in Politics

Women in Pakistan are deprived of their political rights. Especially, in rural areas they are refrained from participating in country's political process as voters. In rural areas, feudal system has barred women from voting, or taking part in election as candidates. Without the participation of women in electoral process, it causes serious doubts on the legitimacy of the election, as women account for more than 50 percent of the total population. Political empowerment can be achieved by increasing the number of seats in legislative assemblies. Pakistan has much better representation of women in assemblies and in local bodies as compared to the region. Assemblies should seek an increase in women representation in local bodies as well. But they have less representation in governments in as compared to assemblies. Pakistan has shown remarkable performance in recent years in terms of women participation in political arena, particularly with the reservation of almost 21 percent seats for them in the parliament. The ratio of vote casting among women is high in rural areas than urban areas. Same is the case with women candidates as majority of them contests from the rural areas. Legal reforms and the allocation of reserve seats in parliament have brought an improvement in women's political participation. A strong forum for vigorous support to women issues has emerged by this women parliamentarians' caucus. On the other hand, the transparency in an electoral system is very important for the sustainable development of any country. Credible and sound leadership emerges through the transparent electoral system which devises effective policies for country's development. The polling staff in Pakistan is not trained on the higher standards. Therefore, Election Commission of Pakistan (ECP) improved electoral system by seeking the help of the UNDP. The UNDP has laid its support to strengthen the ECP to enable it to hold credible, transparent and inclusive elections. The UNDP Pakistan supported the ECP in the training of 330,000 polling staff officials to ensure credibility of the polling process for the 2013 General Elections and more than 18,000 police officials were trained in election security. Around 40 million people were reached through a voter education campaign through the electronic, print and social media, and civil society organizations [3]. For the first time in Pakistan, an election result database was created containing results from polling stations. It also educated one million voters emphasizing women voters to exercise their right of vote given under the constitution. Women often waste their votes because they are not properly trained. The UNDP carried out training sessions to properly educate them so that they can play their role in political system of the country. Under these efforts a sharp increase in women voter is seen in 2013 general elections [4]. The vote casting ratio increased to 58 percent in 2013 as compared with 2008 which stood at 48 percent [5]. A woman named Zameer Akhtar, 28, had a maiden participation in the electoral process of 2013. As a part of a joint family it wasn't easier for her. The UNDP's advocacy campaign and due to lack of public confidence in previous elections she was compelled to participate in election and election trainings organized by the UNDP. "Our vote is our voice. If we do not vote, we will not get the leadership that we need to reduce inflation, eradicate poverty and provide access to good quality

education,” said Zameer Akhtar. This shows that women were inspired to vote under different campaigns from the UNDP and ECP [6]. In 2008 elections, 179 women contested for general seats. Whereas in Punjab 69 women contested for provincial seats and 47 for national assembly from Punjab (The Researchers, 2008). Talking about 2013 elections, 448 women contested for general seats from which 169 contested for general seats from Punjab and 116 for provincial assembly [7]. These statistics show a surge in women participation in politics and this number may rise with each of upcoming election as every eve of election is bringing more and more women candidates to contest for elections on general seats and more votes casting ratio among them.

The table 1 shows the active participation of women in political arena of the country which is on the rise.

Table 1

Political Participation of Women

Indicators	2008	2013
Vote Caste Ratio (National)	43.65	55.26
Vote Caste Ratio (Punjab)	47.55	58.62
Polled Votes (National)	35,637,072	46,217,482
Polled Votes (Punjab)	21,442,088	28,760,265
Total Female Voters (National)	13,606,360	37,561,432
Total Female Voters (Punjab)	20,006,958	21,561,633
No. of seats constituted by women for National seats from Punjab	47	101
No. of seats constituted by women for Provincial seats (Punjab)	69	180

Source: Election Commission of Pakistan.

Curbing Violence Against Women

Women in Pakistan face violence persistently across religion, class, and ethnicity. Therefore, their health, education and employment are affected by this. The empowerment of women in real terms needs provision of a suitable atmosphere free from violence. The UNDP has launched a Gender and Justice Project to establish a fund for research and other steps for the help of such women. The UNDP launched many advocacy and awareness campaigns to highlight the issue with the help of seminars and theatre shows. Medical officers, religious scholars, factory workers, police officers, para-legal workers, civil society representatives, media professionals are approached for their contribution in eradicating this menace. The UN has declared five goals to end violence against women (UN, 2008), so the UNDP is committed to work for eradication of this menace. Twenty referral, legal aid and counseling centers were established across the country. About 1,900 women got legal aid and over 33,000 women got counseling/referral services. Over 1000 women were benefited from these services for social rehabilitation [8]. Awareness campaigns discouraged and thwarted many men of victimizing women.

Empowerment in Public Offices

In Pakistan women are unaware of their legal and constitutional rights. The UNDP started a project to give them proper awareness about these rights which aimed at empowering women in public offices so that they may have better understanding of their legal and constitutional rights. The concerns are raised in the policy agenda and are addressed through public policy. Women are able to work confidently after knowing that they can charge men who harass them. If women have proper information about these rights, they can survive with confidence in working atmosphere [4].

Energy (Natural Gas) Shortage in Rural areas

Pakistan is facing severe energy crises. In rural areas availability of a cheap energy for cooking is of utmost importance. Cooking is considered as a primary duty of women. Woods and animal dung are main source of energy for the cooking. Women have to bring these things several miles away from home, in some cases if they do not own lands or cattle. LPG is only alternative to firewood. But LPG prices have observed a sharp increase in recent years. Other than this, LPG is only available in cities or in their suburbs. Government faces hassle in providing natural gas to villages due to the shortage. It is intricate to meet growing demand of gas, as Iran-Pakistan gas pipeline is in disarray. The best solution is to establish Bio-gas plants in these areas. Bio-gas plants are not so much expensive. Animal dung can easily be utilized for running these plants. It is hard for the government to provide natural gas facility to all rural areas. Therefore, the UNDP in collaboration with Government of Pakistan started a Pakistan Domestic Biogas Program to establish such plants in rural areas. There is a huge potential of domestic biogas in Pakistan as water, animal dung, the availability of construction materials, suitable temperature, enough space for plant installation and availability of human resources for the construction of plant are available in sufficient numbers. In total, 70 plants were established [8]. A positive impact on the life of the rural dwellers was seen as these plants improved their livelihoods and quality of life by saving their expenditures and physical energy from collecting woods for fuel far away from their homes.

Disaster Management of the UNDP

In 63 years, Pakistan has never experienced such ferocious floods as it saw during August 2010. The impact on the life, property and livestock was devastating. The damages put the country to a stage that takes tens of years to recoup. Hundreds of villages were swept away in Punjab. Standing crops, animal farms and infrastructures damaged badly. Livestock, one of the major sources of income for rural families was badly affected. The impact on the life, property and livestock was devastating. Millions of the people lost their homes and income sources. The UNDP carried out its largest of relief efforts across the country. It set relief camps which provided shelter and food to flood effectives. It also carried out surveys for the accurate assessment of the loss through which government made data for starting relief efforts and reach out people more effectively. The UNDP provided clean drinking water, arranged medicines in medical camps and provided fodders for

animals [9]. Raw material was also provided to women as they badly needed it to finish products in home-based industry to earn their livelihood. Due to these efforts women who were more vulnerable to calamities were able to earn livelihood and arranged fodder for their animals.

Improvement in the Education sector

Literacy rate in Pakistan is very poor in comparison with neighboring countries and it worsens among women despite of persistent efforts in this regard. Women in rural areas are not allowed to study or excel in it. The primary task considered for them is to remain intact within the houses and perform household duties like cooking, cleaning etc. There are other lots of factors which hinder women access to schools. The UN has launched “Education for All” program which has an objective to achieve universal and free compulsory education up to class ten. Article 25-A of the Constitution makes the provision of education free and compulsory for all children aged five to 16 years. The UNDP helped in establishing an Inter-Provincial Forum on Education with federal and provincial representation, and organized seminars to foster provincial-district coordination. The initiatives on Education carried out a number of interventions in 2011, in collaboration with government counterparts, to increase enrolment and retention in schools, particularly of girls, and to foster a better learning environment and quality teaching for students [10]. Efforts of the UNDP included provision of equipment and learning materials and support for improved teacher training and provision of incentives. During floods many school and other education facilities were restored so that a number of children would be able to continue their education. As part of efforts to tackle child labor, the UNDP supported the inclusion of non-formal basic education in government initiatives to rehabilitate child laborers. Many girls work in houses as slaves in other child labor categories for this the UNDP supported education system strengthening through capacity development initiatives targeting policy makers, sector managers and planners at provincial and district level. The literacy level of rural women in Punjab has a continuous one percent increase from 2006 to 2011, which was 37 percent in 2006 [11]. It shows that initiatives are result oriented, but it demands more and more efforts. As a result of these efforts literacy rate among rural women in Punjab has increased to 42 percent in 2011 (see table 2) [12].

Table 2

Education Statistics of Women

Indicators	2002	2007	2012
Literacy Rate (National)	31	41	46
Literacy Rate (Punjab)	36	48	51
Literacy Rate (Rural Punjab)	28	37	42
Net school enrollment (National)	48	51	53
Net school enrollment (Punjab)	45	48	59

Source: UNDP Pakistan, Punjab MDG Report 2011.

Improvement in Health sector

Women face the most health-related issues along with their infants. A weak mother gives birth to a weak child which leads to an unhealthy nation. The health condition of rural women remained depressive. In some practices women are not allowed to appear before male doctors because rural centers lack female doctors. During 2011, the Joint Program of the UNDP on Health and Population made considerable progress in promotion of universal coverage of MNCH and FP/RH services, by raising health care and vaccinating awareness among the public, specifically among pregnant and lactating women. Provision of equipment and training of health care providers contributed to better nutritional outcomes for infants. Micronutrient deficiencies were addressed through Vitamin A supplementation and promotion of salt iodization. Communicable disease control was promoted through administration of almost 190 million doses of polio drops, and various initiatives to control TB, hepatitis and malaria [4]. The UNDP under this program launched a combination of advocacy, service provision, capacity building and resource mobilization was carried out to contain HIV infection and provide HIV care for key affected and at-risk populations. These steps improved health of number of rural women. In the region, Pakistan has highest maternal and infant mortality rates which are needed to be reduced. The below mentioned figure reflects that efforts are result oriented (table 3).

Table 3

Health Statistics of Women

Indicators	2002	2007	2012
Maternal Mortality Rate (National)	350	380	260
Maternal Mortality Rate (Punjab)	219	227	211
Fertility Rate (National)	4.8	4.0	3.4
Fertility Rate (Punjab)	4.9	3.5	3.7

Source: Pakistan Social and Living Measurement Report 2012.

Provision of Clean Drinking Water

Getting clean water in Pakistan is an intricate problem in the remote areas. Women have to fetch water from several miles as this is considered as a primary duty of women. In flood affected areas the situation worsened more as getting a clean drinking water was a hard task. Women and children were vulnerable to water born diseases because of drinking unsafe water. The UNDP installed 200 water pumping solar plants. It provided thousands of families and animals with clean and safe drinking water and saved energy of thousands of women that would have used collecting unsafe drinking water from miles away [10].

Training of Female Legislatures

In the male dominant parliament, it is difficult to devise law and policies which truly reflect women needs because males do not understand the real issues of women, so it is important to increase women representation in the parliament.

Although in recent years women participation in political arena has increased but it is further needed to properly guide and train them so that they can raise their voices and able to pass bills that address women issues in the real terms. This increased representation of women in assemblies is not an old phenomenon, as in the 20th century women hardly had any representation in the assemblies. The UNDP started a project to empower women in legislature and guide them in legislative process. So, these newly elected legislators have not experienced or understand legislative process. Only those women legislators can be able to understand women issues well who are properly trained to it. It is at earnest to train them about this complex process. These women legislators do not have sufficient knowledge how to participate effectively in legislation process for betterment of women therefore training and seminars proved helpful in improving their knowledge of laws and proceeding of assemblies. These women assembly members were able to introduce bills with properly debated, and finally were able to pass them from respective assemblies. Many women legislators who were interviewed were of the view that this training exercise enhanced their capabilities and were able to understand legislation process much efficiently. In many areas of Pakistan, women have deprived of the right to vote. Even if women were allowed to vote they cannot vote on their own, in fact they have to follow the decision of their males. On the other hand, the UNDP positive steps also helped in increasing the voting ratio of female in General Elections May 2013.

Economic Impact of the UNDP's work

Improvement in Agriculture sector

Agriculture practices cannot be undertaken on such lands. Farmers, including women or poor women, who used to work in such lands lost their substantial income. However, some of the degraded lands were successfully rehabilitated by the use of gypsum. It needs more practical steps to achieve the goals. Some of agriculture lands in rural areas have been waterlogged due to salinity and the ability of absorbing water is almost ended. The poor farmers including women who own nominal lands suffered heavy financial losses due to this. They were helpless as agriculture lands were only source of their income. The UNDP launched a Bio-saline project for the rehabilitation of those lands which were affected by salinity and water logging in rural areas of three districts Sargodha, Hafizabad and Jhang. So that such lands can be made cultivatable and useful for poor farmers which aimed at poverty alleviation. Women farmers were also provided alternative choices to make these lands useful. They are now able to cultivate lands to meet their needs. Some of them established kitchen gardening, some of them made fishponds etc.

Promotion of Fisheries for Economic Benefits

Women have a great potential in fisheries sector, as it is beneficial in dual ways; firstly, it provides food, and secondly, it brings economic benefits. Fish has become a modern food commodity. Its demand is on high, hence becoming a common food item. There has been no significant work by the UNDP in this sector.

Rural areas are the lucrative for this business especially those areas where lands are affected by salinity hence cannot be used for cultivation. In rural areas fish farming is reasonable resource of income generation. The appropriate lands are already available in rural areas. Fish can also useful in getting enough food. Uncultivated lands are most suitable for fish farming where normal agricultural practices cannot take place. In collaboration with Food and Agriculture Organization, the UNDP provided farmers including women with equipment to enhance pond water, establishing fish farm training centers, construction of ponds, improving hatcheries and fish nursery units and up graded the previous facilities [13]. The poor women were able to generate income and food for themselves. Fisheries is easy for women as it does not demand any hard exercise, women can meet food demands as well as use it for economic benefits.

Employment Generation

The best way to empower women is to eradicate the poverty and minimize their dependency on men or society. This can be achieved by providing them employment opportunities, so that they can become independent. It may enhance women position and status in their families, and society as well. Women in rural areas are less educated, so they are left with those tasks which are associated with villages, like stitching, farming, livestock and home-based industries, as education is not necessary in these fields. For this purpose, the UNDP launched two projects; one is in livestock, and second aimed at the garment industry. The livestock or dairy project aims at selling animal or animal meat and their milk for economic benefits. Women have a great potential in the garment industry, from collecting cotton from fields to the finished product. Therefore, garment industry can provide best opportunities to earn income. The UNDP arranged employment opportunities to hundreds of poor women in garment industry under a GEN-PROM project by developing their skills through trainings. A significant positive impact of the project is seen by increased household income and standard of living. Women started to get 6,000 Rs monthly income. On the other hand, garment industry also benefitted by these skill full workers. This project has a positive impact on women as it provided relevant skills to poor women that were in demand in the garment industry, resulting in the employment of women and generated healthy income. Outputs of the GEN-PROM contribute to the country's decent employment and poverty alleviation strategy as well as promotion of gender equality. Share of women in non-agriculture sector has increased to 11.03 in 2011 from 10.93 percent in 2005 [14]. In rural areas it is difficult to provide employment opportunities to women other than agriculture, but the best alternate to it is a livestock sector. The UNDP started a projected based on livestock for the economic empowerment of women. The project has brought significant change in the lives of these women and their families. In the areas where women are not even entitled to make decisions, they have turned in to self-employed, socio-economically empowered women. With the extra income their children are now enjoying good food and education facilities, whereas their livestock are becoming healthier as well. The impact of the UNDP's work is somehow limited in general because only those respondents take benefits which are focus of a particular project. All of these projects are of significant importance. Unfortunately, Pakistan is

not a welfare state in a practical term. The government of Pakistan lack funds to benefit each entity of the population. Therefore, a space is created for others, due to which many national and international organizations are contributing in improving living standard of people of Pakistan. The UNDP has occupied this space, but it cannot benefit a whole community because of its limited scope. But government can enlarge these benefits to whole community by making agency's successful projects and programs as a part of its policies. The UNDP projects can act as a role model for the government and other organizations. Therefore, collaboration of government departments with the UNDP is of very importance. This relation can prove positive for tackling this menace.

Conclusion

The UN founded it agencies for the welfare of depressed factions of the world population. It has declared women empowerment and gender equality as its millennium goal which is to be achieved till 2015. The UN has formed a special sub-agency "UNWOMEN" in 2010 to address the issues related to women more effectively. This shows the importance of women's issues for the UN. The UNDP is a development organization of the UN which is responsible for the development and implementing the UN's public welfare agenda. The role of the UNDP in raising women standard of life is of a paramount importance. The UNDP in Pakistan as "UNDP Pakistan" has been working on women issue since 1960. There are visible impacts of the UNDP work on socio-economic development of women in general and rural in particular. The UNDP has tried to address all the issues with appropriate solutions which could have resulted in betterment of their lives. It can be concluded that the UNDP laid its significant contribution in uplifting socio-economic status of women in rural areas of the Punjab in particular and entire country in general. The UNDP has a capability of implementing any project anywhere in the country even implemented abroad as it doesn't require any diplomatic prerequisites. Hence, it is important for the government of Pakistan to devise and implement women-oriented welfare projects under the policy guidelines of the UNDP. The positive nexus between government and the UNDP is important for the success of a programs and projects. The UNDP has played a significant contribution in improving socio-economic well-being of women in rural areas. The UNDP is well equipped, more skilled, and has a lot of experience in resolving the issues of public affairs than the governments of the developing states. A major obstacle is the limited sphere of the agency, due to which it cannot benefit a whole population. Therefore, the best solution to it is the collaboration with government, which has the capability to implement a result-oriented model (from the UNDP) on a larger scale. Concerned government departments can benefit themselves with the useful inputs from the UNDP. Although, this study has been carried out in the light of the UNDP projects, but these recommendations are not only helpful for this particular agency, but also for the government and other non-governmental setups, which are working on the same issue. These suggestions are presented to the higher authorities. The government has the appropriate machinery to implement these programs. All non-government organizations need government support to initiate their projects and

programs in an effective manner. Gender equality can be ensured by capacity building of governments and organizations working with civil society. The UNDP must be given a chance to voice its inputs about women concerns and priorities in decision making. The UNDP must increase capacity building of public institutions, so that they can respond effectively to these inputs. Skill enhancement of national organizations and institutions, such as the National Commission on the Status of Women and the Ministry of Women's Development is also required for ensuring their effective participation in national planning process, monitoring execution and upholding accountability systems for the gender equality. The corruption is a big menace in Pakistan. Corruption roots are embedded in the Pakistani society. The governments, judiciary, civil society and others are victim to it. Hence, it is important for the UNDP to make sure that the funds provided to governments and local NGOs must be properly utilized. Each penny must be utilized in the projects.

REFERENCES

- [1] The Millennium Development Goals Report 2013. *United Nations*. New York: UN; 2013.
- [2] UNDP Pakistan Annual Report 2011. *UNDP Pakistan*. Islamabad: UNDP Pakistan; 2011.
- [3] *Electoral cycle support to the Election Commission of Pakistan*. *UNDP Pakistan*. 2013. URL: http://www.pk.undp.org/content/pakistan/en/home/operations/projects/womens_empowerment/project_sample/. Accessed: 02.04.2020.
- [4] Sharp Increase of Women Voters in Pakistan's Recent Elections. *UNWOMEN*. 2013. URL: <http://www.pakistanaffairs.pk/threads/54641-Sharp-Increase-of-Women-Voters-in-Pakistan%E2%80%99s-Recent-Elections>. Accessed: 02.04.2020.
- [5] Turnout Comparison of Election Result 2008 & 2013 (National Assembly). *Election Commission of Pakistan*. 2013. URL: http://ecp.gov.pk/Misc/GE-2013-Graphs/02_na_turnout_comparison.png. Accessed: 03.04.2020.
- [6] United Nations Development Programme. *Goodwill ambassadors*. 2013. URL: <http://www.undp.org/content/undp/en/home/ourwork/goodwillambassadors.html>. Accessed: 03.04.2020.
- [7] 448 Women Candidates Contesting on General Seats. *Immamudin Business Recorder*. 07.05.2013.
- [8] From Words to Action: An Introduction to GJP Supported Initiatives to Combat Violence Against Women (VAW). *UNDP Pakistan*. Islamabad: UNDP Pakistan; 2007.
- [9] 2010 Floods in Pakistan – A Race Against Time! *UNDP Pakistan*. Islamabad: UNDP Pakistan; 2010.
- [10] Part II: One Programme Progress in Pakistan. *Pakistan One UN Programme Report*. Islamabad: The United Nations System in Pakistan Publication; 2012: 20-47.
- [11] *Pakistan Social and Living Standards Measurement Survey (Pslm) 2010–11 Provincial / District*. Islamabad: Pakistan Bureau of Statistics, Government of Pakistan; 2011.
- [12] About UNDP in Pakistan. *UNDP Pakistan*. 2013. URL: http://www.pk.undp.org/content/pakistan/en/home/operations/about_und.html. Accessed: 05.04.2020.
- [13] Project Punjab 2006. *Soroptimist*. 10.12.2006. URL: <http://www.soroptimistinternational.org/our-projects/december-10appeal/project-punjab>. Accessed: 05.04.2020
- [14] Shaheed F. *Preface in Women in Pakistan: General Conditions, Approaches and Project Proposals for the Development of Vocational Qualification of Women in the Province of Punjab*. Lahore: Vanguard Books Limited; 1992.

- [15] About UNDP in Pakistan. *UNDP Pakistan*. 2013. URL: http://www.pk.undp.org/content/pakistan/en/home/operations/about_und.html. Accessed: 06.04.2020.

Article history:

The article was submitted on 17.04.2020.

The article was accepted on 01.06.2020.

Научная статья

Влияние инициированных ПРООН проектов на социально-экономическое развитие женщин: исследование сельских районов Пенджаба, Пакистан

Р.Д. Нисар

Центральный китайский педагогический университет
№ 152, Лоую Роад, 430079, Ухань, Хубэй, Китайская Народная Республика

Аннотация. Женщины составляют половину всего населения мира, при этом их положение по всему миру резко различается. Проблема расширение прав и возможностей женщин в XXI веке приобрела гораздо большую важность, чем прежде. Является доказанным фактом то, что без расширения возможностей половины населения страна не может достичь процветания в любой области. Целый ряд правительственных и неправительственных организаций интенсивно работают над вопросом расширения прав и возможностей женщин, не вызывает сомнений особый вклад Организации Объединенных Наций (ООН) в этой области, прежде всего заключающийся в том, что ее устав гарантирует основные права женщин. В течение последних двух десятилетий ООН было проведено много конференций, семинаров и практикумов по правам женщин в рамках глобального движения. Ряд учреждений ООН работают над этим вопросом, но наиболее эффективная работа по расширению прав и возможностей женщин была проведена Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). Она работает по всему миру путем пропагандирования, партнерства и предоставляет техническую поддержку и финансовую помощь правительственным и неправительственным организациям. В Пакистане женщины составляют 51,73% от общей численности населения. Положение женского населения, особенно в сельской местности, является в целом неблагоприятным. Часто женщины лишены своих основных прав, и уровень грамотности среди женщин также угрожающе низок. Будучи развивающимся государством, Пакистан зависит от финансовой помощи и технической поддержки со стороны международных агентств. После 18-й поправки к Конституции провинции страны получают всевозможную помощь непосредственно от учреждений-доноров. Сегодня из-за тяжелой ситуации в сельской местности страны «ПРООН Пакистан» работает в том числе над подъемом уровня жизни сельского населения. В этой статье подробно освещены социально-экономические последствия программы ПРООН для женщин.

Ключевые слова: проекты ПРООН, Пакистан, сельский Пенджаб, социально-экономическое развитие женщин

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 17.04.2020.

Статья принята к публикации: 01.06.2020.

Информация об авторе:

Рана Даниш Нисар – аспирант Школы политики и международных исследований Классического университета центрального Китая (КНР) (ORCID ID: 0000-0002-1354-5144) (e-mail: ranadanishnisar@gmail.com).

Information about the author:

Rana Danish Nisar – PhD Student of the School of Politics and International Studies, Central China Normal University (People’s Republic of China) (ORCID ID: 0000-0002-1354-5144) (e-mail: ranadanishnisar@gmail.com).

Для цитирования:

Nisar R.D. Impact of UNDP’s Initiated Projects on Socio-Economic Development of Women: A Study of Rural Punjab, Pakistan // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 272–284. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-272-284

For citation:

Nisar R.D. Impact of UNDP’s Initiated Projects on Socio-Economic Development of Women: A Study of Rural Punjab, Pakistan. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (3): 272–284. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-272-284

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-285-294

Научная статья

Связь между присутствием женщин в Парламенте и высшим образованием в Иране

С. Эсмаили

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В данной статье рассматривается положение женщин в политической жизни Ирана, рост уровня образования иранских женщин до и после Революции, связь между присутствием женщин в Парламенте и высшим образованием в Иране, а также успехи, достигнутые женщинами в иранских государственных организациях. Автор отмечает, что число иранских учащихся женского пола росло по мере увеличения возможностей университетов страны, наращивающих свой потенциал. Поэтому в данной статье поднимается следующий вопрос: повлияло ли повышение уровня образования иранских женщин на их участие в политической сфере страны?

Ключевые слова: женщины, Иран, образование, политическая жизнь, парламент, университет

Введение

Актуальные статистические исследования показали, что в последние десятилетия в Иране растет доля женщин, получивших высшее образование. В стране существуют различные подходы к изменению соотношения присутствия женщин и мужчин в системе высшего образования в стране, большинство из которых можно отнести к ранним целям и событиям Исламской революции.

Указ Аятоллы Али Хомейни о бесплатном образовании, формирование движения за распространение грамотности, присутствие мужчин на фронтах войны и обеспечение послевоенной инфраструктуры высшего образования увеличило долю женщин в сфере высшего образования.

Развитие высшего образования и равных возможностей для мужчин и женщин способствовало увеличению присутствия женщин в этом секторе и сделало женщин важной частью системы высшего образования страны. В 2001 году количество женщин, поступивших в государственные и негосударственные университеты, превысило количество поступивших мужчин, и эта тенденция сохраняется [1].

© Эсмаили С., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Увеличение числа женщин в различных секторах высшего образования и стремление различных секторов занятости использовать свои возможности и устанавливать правила для расширения своей деятельности открыли дорогу для участия женщин в структурах власти, а также в административном, исполнительном и законодательном секторах.

Одной из целей данного исследования является рассмотрение вопросов об увеличении присутствия женщин в сфере высшего образования и достижения ими власти и присутствия в управленческих секторах иранского общества.

К 40-й годовщине Исламской революции участие женщин в законотворчестве и голосовании позволило им завоевать руководящие должности в стране путем повышения уровня образования и информированности женщин.

В этом исследовании нами поставлены следующие вопросы, которые предполагается исследовать при помощи анализа статистических данных.

1. Какова связь между тенденцией увеличения количества женщин в высшем образовании и их присутствием в секторах управления страны?

2. Какую долю власти имеют женщины на национальном и местном уровнях в соответствии с их научными и профессиональными способностями?

Иранские женщины и высшее образование

До 1949 года женщины в Иране не имели доступа к системе высшего образования. Впоследствии, в 1960-х годах, благодаря правительственной политике по социальному обновлению и развитию, сфера высшего образования сформировалась по-новому в соответствии с глобальными моделями, значительно возрос уровень поступления женщин в учебные заведения и увеличилась их доля среди студентов и преподавателей. В первые годы они составляли только четверть студентов и персонала университетов, но постепенно их количество увеличивалось, и поэтому в последние три десятилетия женщины составляли почти половину научного потенциала страны (см. табл. 1).

Таблица 1

Число и доля студентов в университетах в период с 1970 по 2013 годы

Учебный год	Женщины	Мужчины	Процент женщин	Всего
1969–70	16949	50319	25.19	67269
1976–1977	13690	26476	28.54	135354
1986–1987	51776	122191	30.75	174217
1996–1997	132229	173415	27.92	281392
2006–2007	381826	360209	30.37	478455
2011–2012	373084	235648	44.11	678652

Table 1

Number and percentage of students in universities between 1970 and 2013

Academic year	Women	Men	% of Women	Total
1969–70	16949	50319	25.19	67269
1976–1977	13690	26476	28.54	135354
1986–1987	51776	122191	30.75	174217
1996–1997	132229	173415	27.92	281392
2006–2007	381826	360209	30.37	478455
2011–2012	373084	235648	44.11	678652

Описательная (дескриптивная) статистика демонстрирует увеличение доли женщин-преподавателей на научных кафедрах государственных университетов и высших учебных заведениях по сравнению с предыдущими годами. В государственном секторе высшего образования число преподавателей-женщин за последние 35 лет увеличилось примерно в 15 раз, а число мужчин – примерно в 5 раз. [2] (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество и доля преподавателей в университетах Ирана в период с 1963 по 2014 гг.

Учебный год	Женщины	Мужчины	Процент женщин	Всего
1969–1970	673	5430	11	6103
1979–1980	2455	14422	14.5	16877
1989–1990	3493	16918	17	20411
1999–2000	8027	37513	17.6	45540
2009–2010	9033	23704	27.5	32737
2013–2014	10070	24629	29	34699

Table 2

Number and percentage of teachers in Iran's universities in the period from 1963 to 2014

Academic year	Women	Men	% of Women	Total
1969–1970	673	5430	11	6103
1979–1980	2455	14422	14.5	16877
1989–1990	3493	16918	17	20411
1999–2000	8027	37513	17.6	45540
2009–2010	9033	23704	27.5	32737
2013–2014	10070	24629	29	34699

Борьба женщин за свои политические права началась в конституционный период, активно велась в эпоху правления династии Пехлеви и достигла своего апогея после Исламской революции.

После Исламской революции участие женщин охватило политические течения, митинги, избирательные участки и другие сферы, к которым им ранее не было доступа [3. С. 53]. Указы Имама Хомейни о бесплатном образовании, грамотности, военной службе и о пребывании мужчин на фронте, а также о необходимости подготовки специалистов, исламизации школ, утверждении правосудия и улучшении качества жизни для женщин с целью формирования образца мусульманских женщин в мире являются одними из важных факторов, которые повысили уровень социального признания женщин и позволили им расширить свое участие в получении высшего образования [4].

Статистическое распределение поступающих женщин, студенток, выпускниц и преподавателей-женщин показывает растущую тенденцию женщин получать высшее образование в стране, особенно за последние годы. Несмотря на эти условия, увеличение числа женщин в высших учебных заведениях не соответствует их занятости в законодательном секторе, и следует сказать, что увеличение доли женщин в высшем образовании не привело к увеличению присутствия женщин в законодательных секторах страны (см. табл. 3–5).

Таблица 3

Число женщин в Национальном собрании Ирана с 1963 до 1975 гг.

Год	Название парламента	Количество	%
1963	21 в Национальном собрании	6	3
1967	22 в Национальном собрании	7	3.3
1971	23 в Национальном собрании	18	6
1975	24 в Национальном собрании	20	7.5

Table 3

Number of women in the national Assembly of Iran from 1963 to 1975

Year	Parliament	Number	%
1963	21 in the National Assembly	6	3
1967	22 in the National Assembly	7	3.3
1971	23 in the National Assembly	18	6
1975	24 in the National Assembly	20	7.5

Таблица 4

Число и процентная доля женщин в разные периоды в Сенате с 1964 до 1976 гг.

Год	Название парламента	Число	Процент
1964	4 сенат	2	3.3
1968	5 сенат	2	3.3
1972	6 сенат	3	5
1976	7 сенат	2	3.3

Table 4

Number and percentage of women in the Senate during different periods from 1964 to 1976

Year	Parliament	Number	%
1964	4 сенат	2	3.3
1968	5 сенат	2	3.3
1972	6 сенат	3	5
1976	7 сенат	2	3.3

Таблица 5

Число и доля женщин-кандидатов на места в парламенте после Исламской революции

Период правительства	Год	Число женщин	Процент женщин	Общее число женщин-кандидатов
Первая сессия	1980	66	1.8	3694
Вторая сессия	1984	28	1.8	1592
Третья сессия	1988	37	1.9	1999
Четвертая сессия	1992	81	2.5	3233
Пятая сессия	1996	320	6	5366
Шестая сессия	2000	513	7.5	6853
Седьмая сессия	2004	828	10.1	8172
Восьмая сессия	2008	585	8.2	7168
Девятая сессия	2012	428	7.9	5405
Десятая сессия	2016	1234	10.2	12123
Одиннадцатая сессия	2020	736	9.6	7100

Table 5

Number and percentage of women candidates for seats in parliamentary sessions after the Islamic Revolution

Period of government	Year	Number of women	Percentage of women	Total number of women candidates
First session	1980	66	1.8	3694
Second session	1984	28	1.8	1592
Third session	1988	37	1.9	1999
Fourth session	1992	81	2.5	3233
Fifth session	1996	320	6	5366
Sixth session	2000	513	7.5	6853
Seventh session	2004	828	10.1	8172
Eighth session	2008	585	8.2	7168
Ninth session	2012	428	7.9	5405
Tenth session	2016	1234	10.2	12123
Eleventh session	2020	736	9.6	7100

В Иране, кроме выборов в Парламент (Исламский консультативный совет, Меджлис), проводятся и другие общегородские выборы в так называемые «исламские городские и сельские советы» (см. табл. 6). Закон «О формировании Исламских советов» был принят Меджлисом в 1983 году, однако из-за войны выборы не были проведены, и в итоге их провели в 1999 году в разных городах Ирана [3].

Таблица 6

Количество женщин-кандидатов в депутаты городских и сельских советов

Сессия	Год	Женщины	Мужчины	Процент женщин
Первая сессия	1980	7276	328862	2.1
Вторая сессия	1984	5867	213090	2.6
Третья сессия	1988	7106	247759	2.7

Table 6

Number of women candidates for deputies of city and village councils

Session	Year	Women	Men	Percentage of women
First session	1980	7276	328862	2.1
Second session	1984	5867	213090	2.6
Third session	1988	7106	247759	2.7

Таким образом, причинами отсутствия успеха и стремления у женщин участвовать в сферах принятия ответственных решений, несмотря на их потенциал и возможности, являются:

А) патриархальная общественная культура и доминирование мужчин в общественной жизни и политической структуре;

Б) отсутствие уверенности для присутствия в политической структуре;

В) распространенное в обществе чувство принадлежности политической сферы мужчинам, отсутствие политической деятельности среди традиционных сфер для женщин.

Взгляд на присутствие и политическое влияние женщин в других странах отражает тот факт, что женщины во всех странах мира имеют меньше влияния и присутствия на политической арене, чем мужчины. Доля иранских женщин в парламенте и других центрах принятия ответственных решений также ниже, чем средний процент присутствия женщин на политической арене в мире [5].

Глобальная распространенность мужской модели поведения в общественно-политической жизни и органах власти привела к тому, что женщинам стали меньше доверять в политике. Иранские женщины, оказываются в конфликте с социальной, культурной и политической средой после того, как они выходят на политическую арену.

Поэтому присутствие женщин в исполнительных или законодательных органах власти сводится к минимуму.

Перспектива присутствия женщин в законодательных учреждениях Ирана

Политическая жизнь современного мирового общества организована в соответствии с мужскими правилами и нормами, и такая же модель существует в Иране.

Женщины, которые входят в сферу политики, должны сохранять свою роль матерей и жен, как они это делали в прошлом, и при этом хорошо выполнять свои функции на всех ежегодных собраниях и в то же время улаживать любые проблемы в семейной и общественной жизни, с которыми они сталкиваются.

Однако женщины охотнее идут в те политические секторы, которые не отнимают много времени и не предполагают большой ответственности, например: участие в выступлениях и собраниях [6]. С другой стороны, число женщин-кандидатов намного выше, чем число женщин, избранных в парламенты.

Законодательные органы в Иране созданы на национальном и местном уровнях:

– Национальный уровень охватывает законодательный центр, Исламский консультативный совет (Меджлис), в который избираются сроком на четыре года.

– На местном уровне это исламские городские и сельские советы, члены которых избираются населением сроком на четыре года, для принятия законов и постановлений на национальном уровне.

В постреволюционном Иране возросло число женщин по сравнению с числом кандидатов-женщин и избирателей в парламент. Однако этот рост не был впечатляющим.

Таблица 7

Количество избранных в городские и сельские советы по сессии и полу

Сессия	Год	Женщины	Мужчины	Процент женщин
Первая сессия	1980	1375	162605	0.8
Вторая сессия	1984	2336	152983	1.5
Третья сессия	1988	1491	107645	1.4
Четвертая сессия	1992	6094	173219	3.3

Table 7

Number of elected in city and village councils by gender and season

Session	Year	Women	Men	Percentage of women
First session	1980	1375	162605	0.8
Second session	1984	2336	152983	1.5
Third session	1988	1491	107645	1.4
Fourth session	1992	6094	173219	3.3

Согласно статистическим данным, представленным в таблицах 7 и 8, мы признаем тот факт, что: а) число женщин-кандидатов в первой–четвертой парламентской сессиях незначительно, оно увеличивалось с пятой до седьмой сессии; б) доля женщин-кандидатов, избранных во втором и четвертом турах, является более благоприятной, чем в первом, пятом, шестом и седьмом турах. Восходящая динамика женщин в высшем образовании и нисходящая динамика присутствия женщин во властных слоях показаны в следующей таблице (см. табл. 8) [7].

Таблица 8

Процентная доля женщин в парламенте и на руководящих должностях

Сессия	Год	Процент мест, занимаемых женщинами в парламенте	Процент руководящих должностей, занимаемых женщинами
Первая сессия	1980	0.86	0.11
Вторая сессия	1984	1.64	0.16
Третья сессия	1988	1.17	0.16
Четвертая сессия	1992	3.44	2.32
Пятая сессия	1996	5.5	3.14
Шестая сессия	2000	3.95	5.22
Седьмая сессия	2004	4.25	2.96
Восьмая сессия	2008	2.76	2.04
Девятая сессия	2012	3.1	2.99
Десятая сессия	2016	5.9	–

Percentage of women in Parliament and in leadership positions

Session	Year	Percentage of seats held by women in Parliament	Percentage of leadership positions held by women
First session	1980	0.86	0.11
Second session	1984	1.64	0.16
Third session	1988	1.17	0.16
Fourth session	1992	3.44	2.32
Fifth session	1996	5.5	3.14
Sixth session	2000	3.95	5.22
Seventh session	2004	4.25	2.96
Eighth session	2008	2.76	2.04
Ninth session	2012	3.1	2.99
Tenth session	2016	5.9	–

Сравнение числа женщин-депутатов в городских и сельских советах показывает, что, хотя процент кандидатов-женщин в парламент выше, чем процент кандидатов-женщин в городские и сельские советы, процент женщин-кандидатов, избранных в советы, выше, чем в парламенте. На выборах в исламские городские и сельские советы иранским женщинам повезло больше, и они выиграли больше квот, что говорит о том, что люди доверяют женщинам в местной власти больше, чем женщинам на национальном уровне.

Заключение

Высшее образование в Иране за последние несколько десятилетий создало условия для расширения прав и возможностей для женщин таким образом, что женщины стали массово появляться во всех высших учебных заведениях страны. Результатом таких условий стал растущий спрос на женщин на социальной и политической арене.

Но с увеличением числа женщин в высших учебных заведениях их присутствие в указанных секторах не увеличилось. После раскрытия такой пропорции в ходе исследования были получены следующие результаты.

1) Число учащихся женского пола увеличивалось по мере развития университетов. Таким образом, в течение трех десятилетий они составляют половину контингента студентов, что вызвало обеспокоенность по поводу развития квотирования и привело к ограничениям на прием женщин при поступлении на определенные специальности.

2) Число преподавателей-женщин увеличилось с 673 в 1970 году до 10070 в 2014 году. Число женщин в государственной системе высшего образования увеличилось примерно в 15 раз за последние 35 лет.

3) Несмотря на огромный потенциал университетов и преподавателей, присутствие женщин в парламенте и муниципальных сельских советах представляется все еще недостаточным.

4) Доля женщин, избранных в Исламский консультативный совет, выросла с четвертой по пятую сессию, но сократилась на 0,09 процента во время

проведения шестой и седьмой сессий. Это снижение достигло пика во время восьмой и девятой сессии, составив 2,8% и 2,4% соответственно [8; 9].

5) Доля женщин, избранных в городские и сельские советы с первой по четвертую сессию, возросла с 0,8% до 3,3%.

Кроме того, в исламских сельских советах, женщины получили значительно больше квот.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Наргеси Р.* Анализ политического участия женщин в современном Иране // Ма-рефат, издание «Адян ва Эрфан». 2004. № 86. С. 63–73 (на перс.).
- [2] *Самади Рад А.* Модель участия иранских женщин в политике и экономике. Тегеран: Изд Суре мехр, 2012 (на перс.).
- [3] *Хаджи Нури Б., Могадас А.А.* Глобализация и участие иранских женщин в политике // Журнал гуманитарных наук при университете Фирдоуси. 2008. № 10. С. 45–72 (на перс.).
- [4] *Захед С., Мардани М.* Политическое участие женщин в современном Иране, сравнение между периодом правления династии Пехлеви и ИРИ // Научный журнал шиитских женщин. 2011. Серия 8. № 27. С. 7–36 (на перс.).
- [5] *Ширудди М.* Политическая роль женщин в ИРИ и их будущее // Научный журнал шиитских женщин. 2006. Серия 3. № 6–7. С. 211–240 (на перс.).
- [6] *Гасеми В.* Анализ ситуации участия иранских женщин в политике в городе Ис-фахан. Ассоциация женщин в провинции Исфахан, 2000 (на перс.).
- [7] *Коллай Э., Джода Х.* Женщина в истории иранских парламентов. Тегеран, 2018. С. 154–167 (на перс.).
- [8] *Машины Ф.* Место иранских женщин: 30 лет после революции // Гуманитарный журнал Айин. 2008. № 19–20. С. 126–131 (на перс.).
- [9] *Мохсени Табризи А.* Государственный проект анализа политического участия иранских женщин в 28 провинциях Ирана. Тегеран: Управление по делам женщин в Иране, 2005 (на перс.).

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 01.03.2020.

Статья принята к публикации: 01.06.2020.

Research article

Relationship between Women's Presence in Parliament and Higher Education in Iran

S. Esmaili

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. This article discusses the position of women in the political life of Iran, the increase in the level of education among Iranian women before and after the Revolution, the connection between the presence of women in Parliament and in higher education at Iran, as well as the progress made by women in Iranian government organizations. The number of female students increased with increasing capabilities of universities, every day they stood out a large percentage of potential. Therefore, this article raises the following question: did the increase in the level of education among women affect their participation in the political sphere of the country or not?

Keywords: Iran, higher education, political life, women, parliament, university

REFERENCES

- [1] Nargesi R. Tahlili bar mosharekate siyasi zanan dar Irane moaser [Analysis of the Political Participation of Women in Modern Iran]. *Marefat*. 2004: 63–73 (In Pers.).
- [2] Samadi Rad A. *Eraye olgoye monasbe mosharekate siyasi va eghtesadi zanan* [A Good Model for the Participation of Iranian Women in Politics and Economics]. Tehran: Sure mehr; 2012 (In Pers.).
- [3] Khaji Nuri B., Mogadas A.A. Jahani shodan wa mosharekate zanan iran dar siyosat [Globalization and the Participation of Iranian Women in Politics]. *Journal of Humanities at Ferdousi University*. 2008; 10: 45–72 (In Pers.).
- [4] Zahed S., Mardani M. Mosharekate siyasi zanan dar Iran Moaser? Moghayese dore Pahlavi ba jomhori islami [Political Participation of Women in Modern Iran, Comparison between the Reign of the Pahlavi Dynasty and the Islamic Republic of Iran]. *Shiite Women Scientific Journal*. 2001; S. 8; 27: 7–36 (In Pers.).
- [5] Shirudi M. Vaziyate siyasi zan dar jomhoro islami va ayande anha [The Political Role of Women in the Islamic Republic of Iran and Their Future]. *Shiite Women's Journal*. 2006; S. 3; 6–7: 211–240 (In Pers.).
- [6] Gasemi V. *Tahlili bar vaziyate mosharekate siyasi zanan dar abade siyasi va eghtesadi* [Analysis of the Situation of Iranian Women's Participation in Politics in the City of Isfahan]. Isfahan Association of Women, Isfahan; 2000 (In Pers.).
- [7] Collay E., Joda H. *Zan dar tarikhe majlis haye Iran* [Woman in the History of Iranian Parliaments]. Tehran; 2018: 154–167 (In Pers.).
- [8] Mashini F. Mogheiyate zanan Iran pas az 30 sal [The Place of Iranian Women 30 Years After the Revolution]. *Humanitarian Journal Aiyin*. 2008; 19–20: 126–131 (In Pers.).
- [9] Mohseni Tabrizi A. *Tarhe melli mosharelat siyasi zanan irani dar 28 ostan* [State Project on Analysis of Political Participation of Iranian Women in 28 Provinces of Iran]. Tehran: Office for Women's Affairs in Iran; 2005 (In Pers.).

Article history:

The article was submitted on 01.03.2020.

The article was accepted on 01.06.2020.

Информация об авторе:

Самира Эсмаили – стажер кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-0289-1527) (e-mail: samira.esmaily77@gmail.com).

Information about the author:

Samira Esmaeili – Intern of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-0289-1527) (e-mail: samira.esmaily77@gmail.com).

Для цитирования:

Эсмаили С. Связь между присутствием женщин в Парламенте и высшим образованием в Иране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 285–294. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-285-294

For citation:

Esmaeili S. Relationship between Women's Presence in Parliament and Higher Education in Iran. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (3): 285–294. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-285-294

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
